

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ

Материалы круглых столов

МИНСК
БГУ
2018

УДК 327(476:470)(06)
ББК 66.4(4Бел)я431+66.4(2Рос)я431
Б43

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *В. Г. Шадурский* (председатель);
доктор исторических наук *В. Е. Снапковский*;
доктор философских наук *А. М. Байчоров*;
доктор исторических наук *В. В. Фрольцов*;
доктор исторических наук *М. Э. Чесновский*;
кандидат исторических наук *О. И. Лазоркина*;
кандидат экономических наук *О. Ф. Малашенкова*;
кандидат исторических наук *А. В. Селиванов*;
кандидат исторических наук *А. В. Тихомиров*;
кандидат экономических наук *Н. В. Юрова*;
кандидат исторических наук *Р. М. Турарбекова*

При поддержке проекта COMPASS

Белорусско-российские отношения на современном этапе: состояние и перспективы развития : материалы круглых столов / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2018. — 175 с.
ISBN 978-985-566-680-7.

Включены материалы международного круглого стола «Белорусско-российские отношения на современном этапе: состояние и перспективы развития», а также материалы круглых столов, проведенных на факультете международных отношений БГУ и посвященных различным аспектам взаимодействия Республики Беларусь со странами Востока и Запада.

УДК 327(476:470)(06)
ББК 66.4(4Бел)я431+66.4(2Рос)я431

ISBN 978-985-566-680-7

© БГУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ» Минск, 27 сентября 2018 г.

<i>Байчоров А. М.</i> Инициатива «Один пояс — один путь»: стратегические и тактические задачи	6
<i>Ван Фа.</i> Основные тренды развития российско-китайских отношений	13
<i>Гросс Е. П.</i> К проблеме понятия общественное объединение в изучении народной дипломатии Республики Беларусь	14
<i>Данилович М. В., Степаненко Д. В.</i> Особенности развития торгово-экономических отношений Монголии и КНР в 2009—2017 гг.	19
<i>Демьянович Ю. Э.</i> Предпосылки выхода Словении из состава СФРЮ	23
<i>Зув И. В.</i> «Добрые услуги» как основа швейцарской политики мира	26
<i>Ковяко И. И.</i> Концепт «финляндизации» в англо-американской историографии германского вопроса	31
<i>Навоцик Е. В.</i> Белорусско-шведское взаимодействие в сфере деревообработки: на примере прихода компании ИКЕА в Беларусь ...	36
<i>Пахомова А. В.</i> Эволюция политики центральной власти КНР в отношении этнических меньшинств	40
<i>Пашковская Е. О.</i> Влияние миграционного кризиса в Европе на отношения Великобритании и ЕС	44
<i>Сидорейко И. В.</i> Исследования политической системы Китая в Беларуси в контексте современного состояния белорусско-китайских отношений	47
<i>Снапкоўскі У. Е.</i> Маё «адкрыццё» ЮНРРА: аб стане даследаванняў тэматыкі ўзаемаадносін БССР з ЮНРРА ў Беларусі і замежжы	49
<i>Степаненко Д. В., Турарбекова Р. М.</i> К вопросу об актуальности исследования внешней политики Монголии в Республике Беларусь	52
<i>Сунь Цзюньфэн.</i> Дипломатический статус Тайваня (2016—2018 гг.)	54
<i>Тихомиров А. В.</i> Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности Республики Беларусь	55
<i>Тунлага.</i> Формирование принципов внешней политики Монголии в 1991—2017 гг.	60
<i>Фрольцов В. В.</i> Изучение теории международных отношений в Республике Беларусь: основные направления	63
<i>Худайбердиева Н. Х.</i> Помощь Турции в реализации туристического потенциала Туркменистана в 2000-х — 2010-х гг.	65

<i>Чакыр О. Д.</i> Культурная деятельность Турции в Республике Беларусь (2016—2018 гг.)	71
<i>Чесновский М. Э.</i> Актуальные проблемы белорусско-польской исторической дискуссии	74
<i>Чувилев И. А., Малевич Ю. И.</i> Политика Китая в сфере безопасности в Юго-Восточной Азии	79
<i>Юреть М. Г., Чесновский М. Э.</i> Предпосылки развития венецуэло-китайских отношений в начале XXI в.	83
<i>Юрченко А. В., Турарбекова Р. М.</i> Интересы Индии в Шанхайской организации сотрудничества	86

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»,
Минск, 25 октября 2018 г.**

<i>Тихомиров А. В.</i> Значимость Союзного государства во внешне-политической стратегии Республики Беларусь	90
<i>Сутырин В. В.</i> Союзное строительство на современном этапе	95
<i>Петрова Г. В.</i> Международно-правовые механизмы обеспечения политической и экономической безопасности Беларуси и России в евразийской интеграции и европейском сотрудничестве в контексте формирования архитектуры «Большой Евразии»	100
<i>Ожигина В. В.</i> Бюджетная политика Союзного государства: направления совершенствования	102
<i>Шереметьев С. И.</i> Деловой и культурный комплекс в Москве как инструмент интенсификации белорусско-российского сотрудничества	107
<i>Шевченко О. А.</i> Сотрудничество приграничных районов Союзного государства: основные тренды (по результатам социологических опросов агентства интеграционных инициатив)	112
<i>Озимко К. Д.</i> Информационно-психологическая война против Союзного государства Беларуси и России в сети Интернет	115

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»
«РЕГИОНАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРАЗИИ:
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ».
Минск, 26 октября 2018 г.**

<i>Юрова Н. В.</i> Формирование и развитие человеческого потенциала в странах ЕАЭС	119
<i>Скирко Н. И.</i> Развитие внешней торговли Республики Беларусь в условиях становления единого рынка ЕАЭС	122
<i>Яо Цзяхуэй.</i> Перспективы развития транспортно-логистического сотрудничества КНР и ЕАЭС в рамках реализации инициативы «Один пояс — один путь»	127

<i>Ожигина В. В.</i> Сопряжение экономической интеграции в Евразийском экономическом союзе и Содружестве Независимых Государств	129
<i>Тихомиров А. В.</i> Шанхайская организация сотрудничества во внешнеполитической стратегии Республики Беларусь	133
<i>Тураббекова Р. М.</i> Центральная Азия: латиница VS кириллица	138

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»
Минск, 26 октября 2018 г.**

<i>Шадурский В. Г.</i> Вступительное слово	141
<i>Коцюбинский К.</i> Вступительное слово	142
<i>Дземідовіч А. В.</i> Знешняя палітыка Рэчы Паспалітай XVII ст.: польская гістарыяграфія пытання	143
<i>Иоффе Э. Г. К. С.</i> Душевский о белорусско-польских отношениях в 1920—1921 гг.	148
<i>Лазоркина О. И.</i> Польша в зеркале белорусских СМИ	151
<i>Острога В. А.</i> Перспективы белорусско-польского сотрудничества в сфере подготовки специалистов таможенного дела	154
<i>Снапкоўскі У. Е.</i> Аб дзейнасці беларуска-польскай групы гісторыкаў па складаных пытаннях беларуска-польскіх адносін (2010—2015 гг.)	157
<i>Тихомиров А. В.</i> Освещение нарратива Польши XX в. в работах историков Республики Беларусь	164
<i>Часнойскі М. Э.</i> Беларусь: мінулае і сучаснасць у польскім адлюстраванні XXI ст. (пастаноўка навуковай праблемы)	172

**РЕСПУБЛИКАНСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ»,
Минск, 27 сентября 2018 г.**

**ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»:
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ**

Байчоров А. М., Белорусский государственный университет,
e-mail: albaichorov@mail.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье раскрываются основные стратегические и тактические задачи инициативы КНР «Один пояс — один путь», изучены особенности ее применения в отношении различных государств мира, сочетания с другими интеграционными и межгосударственными объединениями.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; политика; инициатива «Один пояс — один путь»; торговля; Евразийский экономический союз; Транстихоокеанское партнерство; Европейский союз; Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

Важным геополитическим сюжетом во втором десятилетии XXI в. стало обсуждение международными экспертами инициативы руководства КНР «Один пояс — один путь» (ОПОП). Идея возрождения Великого Шелкового пути возникла не на пустом месте. Эксперты и политики разных стран мыслили в аналогичном направлении. Так в 1998 г. Конгресс США одобрил Акт о стратегии Шелкового пути, нацеленный на обеспечение экономического и военного контроля над постсоветскими странами Центральной Азии и Закавказья и их южными соседями. В речи помощника госсекретаря США Ричарда А.Баучера в Стамбуле 13 июня 2006 г. подчеркивалось: «Общая идея — возрождение фундаментальной основы Шелкового пути... Мы надеемся, что этот регион вновь сможет свести вместе товары, людей и идеи всего мира» [1]. В 2008 г. «Проект Шелковый путь» представила Турция. Сотрудник Российского института стратегических исследований (учрежден Президентом Российской Федерации) Д. С. Попов считает, что «стратегия «Нового Шелкового пути» впервые публично изложена госсекретарем США Хиллари Клинтон в ее речи 20 июля 2011 г. в индийском Ченнае» [2]. Премьер-министр КНР Ли Кэцян в ходе своего визита в Индию в мае 2013 г. предложил начать строить экономические «коридоры» Шелкового пути. Официальной датой выдвигания китайской инициативы ОПОП считается 7 сентября 2013 г., когда с ее обоснованием в Университете имени Н. Назарбаева в Астане выступил Председатель КНР Си Цзиньпин.

С каждым годом после своего официального провозглашения инициатива конкретизировалась, ее очертания становились более понятными как для потенциальных участников, так и для самих инициаторов. Постепенно была сформирована более четкая география прохождения сухопутных и морских «коридоров» (поясов). К концу второго десятилетия XXI века начала работать инфраструктура ОПОП: появились морские порты, железные дороги, автострады, склады, предприятия. Конечно, экономика «пояса и пути» пока находится в зачаточном состоянии, ее «коридоры» далеки от своего завершения, но контуры ее уже обозначились.

В данной статье предпринята попытка обосновать гипотезу о том, что инициатива ОПОП смогла привлечь значительное число государственных сторонников и в какой-то степени нейтрализовать политику глобального Севера по сдерживанию КНР, в то же время она не смогла устранить бытующие у политиков и бизнесменов опасения, связанные с международной экономической и политической экспансией Китая.

Руководство КНР, выдвинувшее ОПОП, имело для этого серьезные внутренние причины. Вместе с тем, эта инициатива стала ответом на стратегию глобального Севера по сдерживанию Китая, в том числе посредством образования экономических мегапартнерств.

ОПОП стала важным политическим инструментом для КНР, самое пристальное внимание которому уделяет высшее руководство страны. Председатель КНР Си Цзиньпин организовал в мае 2017 г. в Пекине первый саммит ОПОП, где приняли участие политические лидеры около 30 государств мира. Поддержка/неподдержка данной инициативы отдельной страной стала важным критерием для расширения/сужения ее двусторонних связей с КНР.

Экономический рост Китая в значительной степени зависит от расширения и нормального функционирования мировых рынков, поэтому руководство КНР видит цель ОПОП не столько в получении более высокой прибыли, а в создании большей связанности национальных экономик (*connectivity*), что позволит повысить общую эффективность мирового экономического развития.

Выступая с обоснованием ОПОП в Астане 7 сентября 2013 г. Си Цзиньпин призвал «общими усилиями создать «Экономический пояс Шелкового пути», используя потенциал Шанхайской организации сотрудничества. Си Цзиньпин назвал это «великим делом», совершаемым на благо народов стран, расположенных вдоль этого пояса. «Мы можем, — подчеркнул он, — постепенно образовать крупное региональное сотрудничество, действуя сначала в следующих аспектах путем перехода сотрудничества от маленького масштаба до большого, от узкого до широкого» [3, с. 391]. В ходе своего европейского турне весной 2014 г. Си Цзиньпин развил идею ОПОП, выступая в Колледже Европы. «Мы должны, — отметил он, — объединить усилия по углублению китайско-европейского сотрудничества с усилиями по созданию Экономического пояса Шелкового пути и, поставив перед собой цель создания крупного евразийского рынка, активизировать деловую активность населения и предприятий, мобилизовать финансовые возможности и внедрить передовые технологии, чтобы превратить Китай и ЕС в «сдвоенный двигатель» мирового экономического роста» [3, с. 383].

Официальный Пекин воздерживается от употребления термина «проект» в отношении ОПОП, так как «проект» предполагает наличие цели и конкретных сроков ее достижения. Не публикуются и официальные карты прохождения его морских и сухопутных маршрутов (коридоров). Понятие «стратегия» также не подходит к описанию ОПОП, так как до сих пор не обозначены ее цели, критерии успешности осуществления и временной период достижения целей. Пожалуй, наиболее подходящим словом для описания ОПОП является туманно-расплывчатый термин «инициатива». При этом удивляет «всеядность» этой инициативы, когда в формат ОПОП включают и соглашение о зоне свободной торговли КНР с Грузией, и конкурс красоты на острове

Хайнань, и финансирование строительства дороги в Таджикистане, и учреждение новой межправительственной комиссии с Российской Федерацией, и валютный своп со Швейцарией. Многие из этого происходило бы и без существования ОПОП.

Как инструмент внешней политики КНР ОПОП была нацелена на противостояние усилиям Запада (и не только Запада) по сдерживанию Китая. В первую очередь, она была призвана нейтрализовать тенденции создания интеграционных партнерств, закрывающих значительные сегменты мирового рынка от китайской экспансии (Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, зона свободной торговли Япония — ЕС, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и др.). Кроме того, руководство КНР стремилось хеджировать избыточные мощности китайской стройиндустрии через участие в зарубежных инфраструктурных проектах, сохранив рабочие места, которые в противном случае были бы потеряны.

Первоначально ОПОП был встречен в Кремле с подозрением. В нем увидели попытку Пекина вклиниться в российскую сферу влияния, прежде всего, в Центральной Азии. Осенью 2014 г. после ввода Западом антироссийских санкций из-за вмешательства России в украинские дела началось сближение Москвы и Пекина. И 8 мая 2015 г. в Москве В.Путин и Си Цзиньпин подписали политическую декларацию о «сопряжении» ОПОП и ЕАЭС [4]. Подписывая эту декларацию, российская сторона рассчитывала получить возможность надзирать через «сопряжение» за деятельностью китайской стороны на просторах ЕАЭС. В Москве также рассчитывали воспользоваться финансовыми возможностями Фонда Шелкового пути (40 млрд дол. США) для поправки дел в ЕАЭС, торгово-экономические показатели которого обвалились в первой половине 2015 г. [5, с. 48—51].

В Москве отдавали себе отчет о несоразмерности ОПОП и ЕАЭС (ВВП Китая по ППС составлял на начало 2017 г. 21,42 трлн дол., а ЕАЭС — 4 трлн дол.) [6], поэтому в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию 3 декабря 2015 г. была озвучена идея формирования более широкого «возможного экономического партнерства» в Евразии [7], которое В.Путин в своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме 2016 г. назвал «Большим евразийским партнерством» [8]. Фактически путинский проект Большого евразийского партнерства прямо конкурировал с китайской инициативой ОПОП. Но это не помешало российскому Президенту выступить с его обоснованием на саммите ОПОП в Пекине в мае 2017 г. [9].

Однако «сопряжение» ОПОП с ЕАЭС полностью не было забыто. В «Обращении Президента России Владимира Путина к главам государств-членов Евразийского экономического союза» по случаю начала российского председательства в ЕАЭС упоминается, что «Евразэс и китайская инициатива «Один пояс, один путь» могут эффективно дополнять друг друга» [10]. Как представляется, возможности для такого эффективного дополнения, наверное, имеются, но пока мало используются. Пекин настаивал на подписании соглашения с ЕАЭС о зоне свободной торговли (аналогичного тому, что ЕАЭС подписал с Вьетнамом), но получил в ответ согласие лишь на подписание соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. Китайской стороне были

представлены 40 проектов по совершенствованию транспортных коридоров между западным Китаем и Европой по территории стран ЕАЭС, но Пекин не согласовал инвестиции ни в один из них. В то же время Фонд Шелкового пути профинансировал энергетические проекты приближенных к Кремлю российских олигархов (*YamallNG, Sibur*).

Таким образом, «сопряжение» ОПОП и ЕАЭС находится на начальных стадиях своего становления. Политическое оно подрывается продвижением Москвой проекта «Большого Евразийского партнерства». Экономически оно ограничивается инвестициями в компании значимых фигур в российском истэблшменте. Некоторые представители деловых кругов России разделяют оценки видного российского китаиста Ю.М.Галеновича, который отмечал, что «во взаимоотношениях с каждой конкретной страной или с группой стран по региональному или иному признаку КНР подчеркивает принцип взаимного выигрыша или общей выгоды. За этим всегда кроется обеспечение односторонних выгод КНР или по преимуществу таких односторонних выгод» [11, с. 58].

Руководство КНР делает немало для популяризации своей инициативы не только на государственном уровне, но и в широких слоях экспертного сообщества, гражданского общества, среди представителей крупнейших мировых СМИ. Центр по исследованию проблем развития — фактически департамент Государственного Совета КНР — провел уже две крупнейшие международные конференции в Мадриде (2015 г.) и Варшаве (2016 г.) с привлечением политиков, представителей бизнес сообщества и академических кругов для популяризации этой инициативы. Перед участниками варшавской конференции в июне 2016 г. Выступил Си Цзиньпин, изложивший свое видение приоритетных проблем, стоящих перед мировой экономикой, и возможностей китайской инициативы. В каждом из крупнейших университетов КНР было проведено несколько конференций, популяризирующих ОПОП. В мае 2017 г. в Пекине состоялся первый саммит ОПОП.

По состоянию на 2017 год в рамках ОПОП планировалось развитие шести сухопутных экономических поясов и двух морских. Один сухопутный пояс — в страны Индокитая. Второй — в Бангладеш и Индию. Третий — из Синьцзяна — в Пакистан. Четвертый — через Монголию в Россию (Санкт-Петербург). Пятый — в центрально-азиатские республики, Иран, Турцию, Болгарию и далее в Евросоюз. Шестой — через Центральную Азию, Россию, Беларусь — в Европейский Союз. Последний пояс ранее планировалось провести через Украину, но политическая нестабильность последней послужила причиной передвижки его на Север — в Беларусь. Не исключено, что умиротворение в Украине может вернуть его на более емкий украинский рынок. Один из морских экономических поясов Великого шелкового пути пройдет по Южно-Китайскому морю, Индийскому океану, Красному морю, Суэцкому каналу, Средиземному морю с возможным финальным портом назначения в Венеции. Второй морской пояс свяжет Китай со странами Азиатско-тихоокеанского региона (АТР). Правительство КНР рассчитывало выделить на развитие ОПОП в целом 500 млрд долл США.

Выдвигая инициативу ОПОП, Пекин преследовал две основные стратегические задачи. *Первая*: для того, чтобы использовать ее как инструмент противодействия политике сдерживания КНР, проводимой сегодня Западом под флагом организации мегарегиональных пар-

тнерств. Вашингтон и Брюссель первоначально уговаривали Пекин вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО). Китай вступил в 2001 г. и к концу 2006 г. привел все свои таможенные пошлины и тарифы в соответствие с требованиями ВТО, выполнил обязательства перед ВТО по открытию своего банковского рынка и др. Используя либеральный режим Организации, Пекин в разы нарастил объем своей внешней торговли. Другие страны «третьего мира», такие как Индия, Индонезия также активно использовали режим ВТО для завоевания все большей доли в международной торговле. В результате западные страны начали терять свои господствующие позиции. Новые крупные акторы на мировой арене стали играть по правилам, сформулированным и предложенным Западом, и стали все чаще обыгрывать его, как говорится, «на его же поле». В такой ситуации западные стратеги начали поиск путей сохранения «командных высот» мировой экономики. Отказаться от либеральных правил ВТО, за которые сами ратовали многие годы, они не могли, выход был найден в организации экономических мегарегиональных партнерств, в рамках которых можно было бы закрыться от наиболее сильных конкурентов из «третьего мира».

В январе 2013 г. было официально объявлено о начале переговоров по созданию мегарегионального партнерства в северной Атлантике — Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства США и ЕС (ТТИП). Если оно будет образовано, то станет самым большим рынком мировой экономики, правила в котором будут устанавливать самые высокоразвитые страны Запада. В том же году Вашингтон резко активизировал переговоры по созданию мегарегионального партнерства в Азиатско-тихоокеанском регионе — Транс-тихоокеанского партнерства (ТТП). Эти переговоры завершили в 2016 г. подписанием соглашения между 12 странами (США, Япония, Канада, Мексика, Перу, Чили, Австралия, Новая Зеландия, Вьетнам, Индонезия, Сингапур, Малайзия) об образовании ТТП. В марте 2013 г. было официально объявлено о начале переговоров по образованию очередного мегарегионального партнерства — Зоны свободной торговли между ЕС и Японией. В 2017 г. Стороны успешно завершили переговоры по этому вопросу. В конце 2016 г. было подписано соглашение о создании Зоны свободной торговли между ЕС и Канадой.

Через ОПОП Пекин хотел бы взломать границы этих мегарегиональных партнерств, куда не допущен Китай. Китайские руководители постоянно подчеркивают, что участниками ОПОП могут стать практически любые государства и что участие в этой инициативе способно обеспечить взаимную выгоду всем ее участникам.

Вторая стратегическая задача ОПОП заключается в облагораживании и продвижении международного имиджа КНР. Для этого используется несколько взаимосвязанных подходов. Во-первых, ОПОП представляется как важный вклад Китая в развитие мировой торговли, стагнация которой принесла бы ущерб всем странам. Во-вторых, всячески подчеркивается демократичность и недискриминационный характер этой инициативы. В-третьих, приветствуется вклад других государств в формулирование модальностей функционирования ОПОП. При этом китайская сторона подчеркивает, что ОПОП не направлена против мегарегиональных партнерств, а является инициативой, дополняющей и развивающей их.

Наряду со стратегическими, ОПОП призвана решить и некоторые тактические задачи для КНР.

Прежде всего, создать новые рабочие места для китайцев, переселяющихся из деревень в города. В начале XXI века около 700 млн человек проживало в Китае в сельской местности, значительная доля которых представляла собой избыточную рабочую силу. Процессы урбанизации, набирающие силу в КНР, ставят перед пекинскими властями в качестве приоритетной проблему их трудоустройства. Новые рабочие места предполагается получить как через выполнение конкретных проектов в рамках ОПОП, так и косвенно — через создание сервисной среды для занятых в этих проектах.

Одним из преимуществ управления экономикой из одного центра является возможность концентрировать силы и средства на выполнении приоритетных инфраструктурных проектов. Такая концентрация сил и средств была обеспечена под руководством Коммунистической партии Китая (КПК) и привела к тому, что страна покрылась густой сетью автомобильных и железных дорог, морских и речных портов, электростанций, аэродромов, трубопроводов и линий электропередач. Во втором десятилетии XXI в. потребности общества в дальнейшем развитии инфраструктуры народного хозяйства были в значительной степени удовлетворены. В строительной индустрии страны появились избыточные мощности, сокращение которых было чревато потерей сотен тысяч рабочих мест. В этой ситуации многие международные эксперты связывают выдвигание инициативы ОПОП с желанием Пекина решить проблему загрузки данных избыточных мощностей.

Не исключено, что выделение Пекином фондов под определенные проекты в рамках ОПОП будет использовано для вознаграждения союзников (например, Пакистана) и оказания определенного давления на тех, кто не оказывает должной поддержки Китаю на международной арене. Эти фонды, как предполагается, будут выделяться в основном по линии Азиатского инвестиционного банка (АИБ), созданного Пекином специально для этих целей. Характерно, что АИБ является азиатским по названию, но в него входят и многие страны других географических регионов. Достаточно сказать, что в число 57 стран-учредителей вошли 14 стран-членов ЕС. И, представляется, что это далеко не случайно. Товарооборот Китая с Евросоюзом достиг 1 трлн дол. США. КНР инвестировала в ЕС в 2015 г. 20 млрд евро. В 2015 г. Китай стал участником Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), а через год ЕБРР подписал меморандум о софинансировании проектов ОПОП.

Пекин умело воспользовался затруднительным экономическим положением России после введения западных экономических санкций в 2014 г. из-за аннексии Крыма и поддержки донецких и луганских сепаратистов. Ему не только удалось решить в свою пользу вопрос по ценам на нефть и газ, экспортируемым (или планируемыми к экспорту) из России в Китай, но и вскрыть Евразийский экономический союз, который официальная Москва рассматривала как свой «внутренний дворик». 8 мая 2015 г. в Москве было подписано Совместное российско-китайское заявление о сопряжении ЕАЭС и ОПОП. Характерно, что вопрос о «сопряжении» был решен Россией самостоятельно, без консультаций с Казахстаном или Беларусью.

Республика Беларусь и некоторые другие страны-члены ЕАЭС (Казахстан, Кыргызстан) рассматривают участие в ОПОП как контрбалансир против доминирующего влияния региональных или глобальных центров силы. Кроме того, они рассчитывают привлечь серьезные китайские инвестиции. Исходя из этого, они ревниво относятся к односторонним решениям Кремля в рамках российско-китайского сотрудничества, если таковые затрагивают ЕАЭС, и рассчитывают, что касаящиеся их интересов важные внешнеполитические инициативы (о «сопряжении» ОПОП и ЕАЭС, о Большом Евразийском партнерстве) будут выдвигаться после двусторонних и многосторонних консультаций в рамках ЕАЭС.

Параллельно с продвижением инициативы ОПОП КНР пытается использовать и другие рычаги для подрыва западной стратегии по созданию мегапартнерств. Так, Пекин выступил с инициативой о создании в АТР «Регионального всеобъемлющего партнерства», куда, наряду с Китаем, могли бы войти страны АСЕАН и еще 6 государств, с которыми у АСЕАН есть соглашения о свободной торговле (Индия, Австралия и др.). В декабре 2015 г. министр иностранных дел КНР вновь подтвердил позицию Китая относительно необходимости создания зоны свободной торговли ШОС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кузиев, Н. А. Концепция Нового шелкового пути: суть, специфика, перспективы [Электронный ресурс] / Н. А. Кузиев // Молодой ученый. — 2015. — № 2. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/82/15033/>. — Дата доступа: 27.02.2018.
2. Попов, Д. С. Вашингтон ведет «Новый Шелковый путь» в обход России и Китая [Электронный ресурс] / Д. С. Попов // Российский институт стратегических исследований. — Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/22989>. — Дата доступа: 26.02.2018.
3. Си Цзиньпин. О государственном управлении / Си Цзиньпин. — Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014.
4. Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути», 8 мая 2015 г. [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/49430>. — Дата доступа: 20.12.2017.
5. Байчоров, А. Проблемы становления Евразийского экономического союза / А. Байчоров // Thesaurus. Збірник наукових прац. Випуск III, Інфармаційно-правове поле євразійської інтеграції / пад агульній рэд. С. В. Вендзіктава. — Магілёў, 2016.
6. World Bank. International Comparison Program database. GDP, PPP 2016 [Electronic resource] — Mode of Access: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?year_high_desc=true. — Date of access: 14.01.2018.
7. Послание Президента Федеральному Собранию, 3 дек. 2015 г. [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>. — Дата доступа: 14.01.2018.
8. Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2016 г. [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>. — Дата доступа: 27.06.2016.
9. Выступление на Международном форуме «Один пояс, один путь», 14 мая 2017 г. // Президент Российской Федерации. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491>. — Дата доступа: 23.05.2017.
10. Обращение Президента России к главам государств-членов Евразийского экономического союза, 18 янв. 2018 // Президент Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56663>. — Дата доступа: 11.02.2018.
11. Галенович, Ю. М. Глобальная стратегия Китая / Ю. М. Галенович. — М., 2016. — 1176 с.

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

*Ван Фа, Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассматриваются факторы, оказывающие определяющее воздействие на состояние российско-китайских отношений на современном этапе.

Ключевые слова: *Россия; Китай; межгосударственное экономическое сотрудничество; политика*

Развитие экономического сотрудничества каждого государства представляет собой уникальный трансформирующийся процесс, который определяет направления, как политического, так и социально-экономического развития страны.

Изучение проблем и тенденций развития межгосударственного экономического сотрудничества России и Китая обусловлено следующими факторами:

— во-первых, международное экономическое сотрудничество взаимосвязано с проводимой социально-экономической политикой страны, что обуславливает применение разных по своему содержанию и источникам реализации инструментов его организации;

— во-вторых, различные уровни социально-экономического развития стран определяют социальную отсталость ряда государств, что не позволяет им конкурировать в равной степени с развитыми странами;

— в-третьих, особо острой проблемой является наличие большого числа интеграционных объединений, участие в которых зачастую исключает развитие экономических связей с другими странами. В связи с этим так называемая «открытость» во многих странах носит формальный характер в связи с четко установленным политическим курсом государства.

Особое значение имеет эволюционное развитие китайской модели хозяйствования. В силу последних тенденций мирового развития за сравнительно небольшой временной период Китай стал второй державой мира по уровню экономического развития, что, безусловно, определяется инновационностью подходов к реформированию его экономической системы при переходе от плановой экономики к рыночной. В то же время в работе представлены авторские выводы о проводимых экономических реформ России и Китая, так как выбор эффективных форм межгосударственного сотрудничества требует проведения сложных системных оценок экономических и политических процессов, направленных на решение проблем различных сфер.

В конце XX — начале XXI в. китайско-российские отношения приобрели качественно новые формы межгосударственного государственного сотрудничества.

Анализируя успехи в теоретическом исследовании межгосударственного экономического сотрудничества России и Китая, достигнутые за последние годы, ученые выделяют следующие ключевые направления.

Во-первых, дискуссии о развитии и совершенстве двусторонних взаимоотношений Китая и России, а также направления их развития продолжаются. До сей поры в научном мире не достигнуто согласие относительно наличия противоборства политических взаимоотношений России и США, а также территориальных проблем Китая, которые относятся к сфере его национальных интересов. Многие ученые рас-

смастривают межгосударственное сотрудничество как ситуацию, когда одни акторы регулируют свое поведение в соответствии с фактически или ожидаемыми предпочтениями других через процесс взаимной координации политики. Следовательно, межгосударственное торгово-экономическое сотрудничество предполагает наличие трех элементов: общих целей государств-партнеров, ожидание ими выгод от ситуации и взаимный характер этих выгод. В этой связи без наличия общих интересов и взаимовыгодных условий дальнейшее развитие отношений представляется невозможным.

Во-вторых, важным достижением последних исследований в области анализа эволюционности форм межгосударственного сотрудничества стала разработка концепций принципиальных условий, при которых сотрудничество между государствами становится наиболее перспективным. Эти направления позволили разделить институт международного сотрудничества на систему элементов, определяющих ее эффективность. В частности, рядом ученых были разработаны математические модели переменных, на основе расчета которых с высокой долей вероятности можно установить перспективность сотрудничества государств. Анализ и эмпирическая проверка этих моделей способны продвинуть вперед дело создания комплексной теории, а значит, и развитие теории международных отношений в целом.

В-третьих, китайские реформы 1991—2017 гг. можно охарактеризовать как органически единое целое с историческими, культурно-цивилизационными, геополитическими, социально-экономическими условиями и факторами. Избранный Китаем курс развития торгово-экономических отношений с учетом максимального использования потенциала внутреннего рынка и преимуществ участия в глобальной экономике требует постепенного преобразования функций государства в микро- и макроэкономике, а затем и в регулировании социальных процессов.

В-четвертых, асимметрии и эволюции политических сил и так называемой гегемонической теории разногласий «большого треугольника» Россия — США — Китай определяют возможность обострения отношений между этими странами. Согласно данной теории, международное сотрудничество является более вероятным, если в наличии имеется сильное и заинтересованное государство-гегемон. Особо остро это видится в процессе развязывания торговых войн и санкционной политики американской администрации во главе с Д. Трампом.

Следует учитывать, что в отношениях между Россией и Китаем особое место занимают отношения экономические.

К ПРОБЛЕМЕ ПОНЯТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Гросс Е. П., *Институт истории НАН Беларуси,*
e-mail: gross.alena@mail.ru,
ул. Академическая, 1, г. Минск, 220072, Беларусь

В статье анализируются термины, используемые для характеристики общественных организаций Республики Беларусь, которые встречаются в законодательных актах, периодической печати, работах отечественных исследователей. Автор рассматривает понятия общественное объединение, общественная организация, не-

правительственная организация, негосударственная организация и некоммерческая организация, а также обосновывает тезис о необходимости единообразия для более точной характеристики общественных объединений как инструмента народной дипломатии.

Ключевые слова: общественное объединение; общественная организация; народная дипломатия; неправительственная организация; негосударственная организация; некоммерческая организация.

Актуализация феномена народной дипломатии в современном мире привлекает внимание исследователей к изучению деятельности на международной арене не только таких крупных субъектов, как национальные государства и международные организации. Интерес представляют так же исследования деятельности на международной арене различных самостоятельных организаций граждан.

Изучение международной деятельности общественных объединений Республики Беларусь в 1990-е—2000-е гг. выявило ряд проблем терминологического свойства, возникающих при характеристике данного объекта исследования.

Деятельность различных общественных формирований Беларуси рассмотрена в работах В. Чернова [1], В. Голованова [2], Т. Кузьменковой [3], И. Пушкина [4], Н. Минаевой [5] и др., правоведов А. Дашкевич [6], О. Смоляноко [7] и исследователей истории международных отношений Д. Кривошея [8], А. Русаковича [9] и др. Анализ отечественной историографии, посвященной проблеме общественных организаций показал отсутствие единства в определении понятий общественное объединение, общественная организация, а также представил ряд примеров использования синонимичных терминов — некоммерческая организация, неправительственная организация и др. В некоторых работах отечественных исследователей деятельность общественных объединений отождествляется с работой политических партий и религиозных организаций.

Целью данной статьи является анализ понятий, используемых для характеристики различных видов самостоятельных организаций Республики Беларусь. В ходе исследования автор руководствовался принципами системности и объективности, были использованы общенаучные методы, такие как аналогия, обобщение, анализ и синтез.

В соответствии с Постановлением Верховного Совета БССР Совет Министров 3 октября 1990 г. утвердил «Временное положение о порядке образования и деятельности общественных объединений граждан в БССР». По данному положению общественные объединения создавались в целях развития политической активности и самостоятельности граждан; участия граждан в управлении государственными и общественными делами; защиты их политических, социально-экономических, личных прав; удовлетворения профессиональных и любительских интересов; развития научного, технического и художественного творчества; охраны здоровья населения, участия в благотворительной деятельности; вовлечения в занятие массовым спортом и физической культурой; проведения культурно-просветительной работы среди населения; охраны природы, памятников истории и культуры; патриотического и гуманистического воспитания; расширения международных связей и укрепления дружбы между народами (ст. 1) [10].

Данные положения были позднее подтверждены в основополагающем документе, регулирующем деятельность общественных объединений в Беларуси, Законе Республики Беларусь от 4 октября 1994 г. «Об общественных объединениях». Согласно последней редакции этого закона общественным объединением является добровольное объединение граждан, в установленном законодательством порядке объединившихся на основе общности интересов для удовлетворения нематериальных потребностей и достижения уставных целей. Помимо общественных объединений в Республике Беларусь действуют политические партии, профессиональные союзы, религиозные организации и иные общественные формирования, порядок создания и деятельности которых регулируется отдельными законодательными актами [11].

Гражданский кодекс Республики Беларусь выделяет такую группу юридических лиц как некоммерческие организации, то есть организации, не преследующие извлечение и (или) распределение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. К ним относятся потребительские кооперативы, общественные и религиозные организации (объединения), республиканские государственно-общественные объединения, благотворительные и иные фонды, учреждения (организации, созданные собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично), объединения юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей (ассоциации и союзы).

Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, природоохранных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и юридических лиц, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи в соответствии с законодательством, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ (ст. 46) [12].

В процессе исследования деятельности общественных организаций Республики Беларусь нами было выявлено, что особую группу среди них составляют творческие союзы — общественные объединения творческих работников (не менее двух третей от общего числа членов) и других граждан, которые внесли вклад в сохранение и развитие культуры, созданное на основе общности интересов его членов в определенном виде творческой деятельности для реализации уставных целей (ст. 58) [13].

С целью совершенствования правовой базы деятельности общественных объединений и расширения сферы их влияния был принят Закон Республики Беларусь от 19 июля 2006 г. «О республиканских государственно-общественных объединениях». Это основанная на членстве некоммерческая организация, создаваемая для выполнения возложенных на нее государственно-значимых задач — задач, направленных на реализацию жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах общественной деятельности [14].

Исследование Конституции, Гражданского кодекса, отдельных законодательных актов показало, что в рамках каждого нормативного документа, касающегося общественных организаций, имеется свой контекст употребления понятия общественное объединение. Отмечается фактическое существование широкого и узкого понимания понятия «общественное объединение». В широком смысле это все добровольные объединения граждан. В узком смысле это объединения, которые созданы и функционируют в соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 октября 1994 г. «Об общественных объединениях» [6, с. 183].

В научной и популярной литературе встречаются такие понятия, как «неправительственная организация» (ПНО), «негосударственная организация» (НГО), «некоммерческая организация» (НКО), «третий сектор». Однако данные понятия не являются синонимичными ни по отношению к категории общественное объединение, ни по отношению друг к другу. Рассмотрим более подробно данные понятия.

Понятия «неправительственная организация» и «негосударственная организация» появились в результате непосредственного перевода на русский язык термина *«nongovernmental organization»*, т. е. не созданная властями организация. Данный термин подчеркивает независимость организаций гражданского общества от власти. Однако, данная трактовка исключает государственно-общественные объединения, поскольку они могут создаваться по поручению Президента, а их учредителями и членами может быть Республика Беларусь в лице уполномоченных государственных органов,

«Некоммерческая организация» (НКО) — организация, не имеющая в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Их еще называют добровольными, благотворительными, неприбыльными. Однако общественные объединения обладают правом осуществлять производственно-хозяйственную деятельность, правда лишь постольку, поскольку она необходима для их уставных целей, соответствует этим целям и отвечает предмету деятельности общественного объединения. Кроме того, понятие «некоммерческая организация» не определяет государственный или негосударственный статус организации.

Изначально «третий сектор» определялся методом исключения, когда показывалось то, чем третий сектор не является, — государственным и коммерческим. Его институциональную структуру составляют организации, не инкорпорированные в государственную/муниципальную структуру, и не нацеленные на получение прибыли с целью ее распределения между учредителями, членами и участниками организации. Идея третьего сектора вошла в общественное сознание лишь в начале 1990-х гг., когда во многих странах мира наблюдался колоссальный рост количества таких организаций. Впервые в научном произведении сам термин был использован Т. Левиттом в книге «Третий сектор: новая тактика общественного взаимодействия» (1973 г.). Однако, получивший распространение способ определения третьего сектора по остаточному принципу зависит от того, какие институты общества будут выбраны в качестве базовых. Если в качестве таковых принять государство и рынок, то сектор негосударственных некоммерческих организаций будет составлять третий сектор. Если под базовыми институтами мы будем вслед за Гегелем понимать государство и семью, то тре-

тый сектор (как и гражданское общество) будет совпадать с рынком или будет являться четвертым сектором. Если рассматривать отдельно еще и организованную религию, то сектор негосударственных некоммерческих организаций станет пятым [15].

Каждое из указанных выше понятий также необходимо рассматривать в рамках более широкого понятия — гражданское общество — поскольку они представляют собой лишь сегменты гражданского общества.

Гражданское общество — это система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных граждан и инициатив, реализации их интересов и потребностей. Это сфера, независимая от прямого вмешательства государственной власти и бизнеса, его субъекты действуют на основе своих собственных целей и интересов. К гражданскому обществу относятся не только традиционные негосударственные организации, но также ассоциации нанимателей, объединения наемных работников (профсоюзы), религиозные, местные, профессиональные сообщества, любые заявленные общественные инициативы и движения, включая неформальную активность отдельных граждан и неформальных групп.

По мнению исследователя употребление этих терминов для характеристики общественных объединений Республики Беларусь не является корректным, поскольку они не являются синонимичными и в соответствии с действующим законодательством представляют собой одну из форм общественных организаций.

Целесообразным, по мнению исследователя, является конкретизация в научной литературе и на законодательном уровне понятий общественное объединение и общественная организация. В данном случае к первому необходимо отнести конкретно формирования, зарегистрированные и действующие в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об общественных объединениях», а понятие общественная организация будет включать общественные объединения, партии, профсоюзы, религиозные организации, творческие союзы, государственно-общественные объединения, учреждения, фонды, незарегистрированные объединения, объединения зарегистрированные за рубежом, самодеятельные организации (включающие уличные комитеты, домовые комитеты, сельские комитеты, родительские комитеты, товарищеские суды, различные советы и др.) и др. Данный список представляется разумным оставить открытым.

Данное уточнение выглядит существенным при изучении международного сотрудничества общественных объединений Республики Беларусь в 1990-е—2000-е гг., поскольку в соответствии с действующим законодательством каждая из указанных организационных форм обладает определенными правами и ограничениями при осуществлении международных связей. Научно обоснованный объект исследования позволит проводить более точные исследования и делать взвешенные выводы при оценке уровня и степени участия общественных формирований в международных отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Чернов, В. Ю. НПО в Белоруссии: проблемы становления и развития / В. Ю. Чернов // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — № 12. — С. 32—39.
2. Голованов, В. Г. Общественные объединения Беларуси: результаты работы и деятельности / В. Г. Голованов, О. Л. Слижевский. — Мозырь: Белый ветер, 2010. — 499 с.
3. Кузьменкова, Т. А. Третий сектор в Беларуси: проблемы становления и развития / Т. А. Кузьменкова; Белорусская республиканская общественная организация «Объединенный путь». — Мозырь: Белый ветер, 2004. — 103 с.
4. Пушкін, І. А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990—2005 гг.) / І. А. Пушкін. — Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт, 2007. — 203 с.
5. Мінаева, Н. М. Стварэнне дабрачынных грамадскіх арганізацый і іх дзейнасць у Рэспубліцы Беларусь (1991—2001 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Н. М. Мінаева. — Мінск, 2008. — 134 л.
6. Дашкевіч, А. Л. Пяніцце і віды грамадскіх аб'яднанняў паводле сучаснага заканадаўства Беларусі / А. Л. Дашкевіч // Эканоміка і праблемы управлення: зборнік навучных твораў / Частны інстытут управлення і прадпрыемстваў; рэдкал.: В. Г. Янчевский (пред.) [и др.]. — Мінск, 2008. — С. 174—183.
7. Смолянко, О. Создание некоммерческих организаций в Беларуси: правовые аспекты / О. Смолянко. — Минск: Медисонт, 2012. — 212 с.
8. Крывавай, Д. А. Развіццё культурных сувязей Рэспублікі Беларусь з краінамі Цэнтральнай і Заходняй Еўропы (1991—1996): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Д. А. Крывавай. — Гродна, 1999. — 113 л.
9. Русакович, А. В. Германия во внешней политике Беларуси (1990—2012 гг.) / А. В. Русакович. — Минск: РИПО, 2015. — 424 с.
10. Об утверждении Временного положения о порядке образования и деятельности общественных объединений граждан в Белорусской ССР [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 окт. 1990 г., № 255. — Режим доступа: <http://navinyu.org/1990/10/03/by78021.htm>. — Дата доступа: 20.05.2018.
11. Об общественных объединениях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 окт. 1994 г., № 3254-XII // Национальный правовой интернет-портал Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=v19403254&p2=%7B%7D>. — Дата доступа: 12.02.2018.
12. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://pravo.by/docum ent/?guid=3871&p0=hk9800218>. — Дата доступа: 12.02.2018.
13. Кодекс Республики Беларусь о культуре [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/docum ent/?guid=12551&p0=Nk1600413&r1=1&r5=0>. — Дата доступа: 01.09.2018.
14. О республиканских государственно-общественных объединениях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 19 июля 2006 г. № 150-3 // Национальный правовой интернет-портал Респ. Беларусь. — Режим доступа: [http://www.pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2006-114/2006-114\(025-048\).pdf&oldDocPage=1](http://www.pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2006-114/2006-114(025-048).pdf&oldDocPage=1). — Дата доступа: 24.07.2018.
15. Мерсиянова, И. Ф. Третий сектор: определение, терминология, границы, данные исследований и тенденции развития / И. Ф. Мерсиянова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.kdobra.ru/materials/Mersyanova.I.V.pdf>. — Дата доступа: 01.08.2018.
16. Гражданское общество [Электронный ресурс] // Международный консорциум «ЕвроБеларусь». — Режим доступа: <https://eurobelarus.info/civil-society/>. — Дата доступа: 31.07.2018.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МОНГОЛИИ И КНР В 2009—2017 гг.

*Данилович М. В., Степаненко Д. В., Белорусский государственный университет, e-mail: ambertmvd@gmail.com, darya.stepanenko@gmail.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В статье рассматриваются ключевые особенности формирования нормативно-правовой базы развития торгово-экономических отношений Монголии и КНР в 2009—

2017 гг. Дана оценка состоянию взаимодействия Монголии и КНР в условиях продвижения инициативы КНР «Один пояс — один путь». Обращено внимание на то, что усиление экономической зависимости от КНР побудило монгольскую элиту к сближению с Россией.

Ключевые слова: Монголия; Китайская Народная Республика; торгово-экономическое сотрудничество; инициатива «Один пояс — один путь»; «Степной путь».

В октябре 2017 г. решением XIX съезда КПК в уставе партии были закреплены идеи Председателя КНР Си Цзиньпина о «социализме с китайской спецификой в новую эпоху». Основополагающими здесь стали 14 принципов, один из которых касается внешней политики. Его суть сводится к следующему: придерживаясь мирной внешней политики с ориентацией на взаимную выгоду, КПК стремиться к созданию международной обстановки, благоприятствующей китайским реформам, открытости и модернизации. КПК «оберегает независимость и суверенитет страны, борется против гегемонизма и силовой политики... содействует прогрессу человечества, стимулирует создание сообщества единой судьбы человечества...» [1]. Инициатива «Один пояс — один путь» в данном контексте интегрирована в «содействие прогрессу человечества» и «создание сообщества единой судьбы», что артикулируется китайскими политическими деятелями. Участие в данной инициативе имеет жизненно важное значение для достижения долгосрочной стабильности в Монголии посредством развития ее геоэкономического потенциала. Местоположение Монголии в Северо-Восточной Азии, близость к китайскому и российскому рынкам дают ей возможность развития в качестве логистического и финансового центра региона.

В исследуемый нами период 2009—2017 гг. (период президентства Ц. Элбэгдорджа) декларируется переход отношений Монголии и КНР на уровень стратегического партнерства. С 2014 г. оно становится основанием для совместных действий по продвижению инициативы «Один пояс — один путь». Нормативно-правовое оформление и практическое развитие двустороннего сотрудничества являются типичным примером выстраивания отношений КНР с партнерами при имплементации данной инициативы.

Первым из значимых документов в связи с переходом отношений на уровень стратегического партнерства стало подписанное 17 июня 2011 г. Совместное заявление о создании стратегического партнерства. В нем озвучено намерение упрочить сотрудничество в ключевых областях (политика, экономика, гуманитарная сфера) в целях дальнейшего укрепления добрососедских отношений. Для придания практического импульса развитию стратегического партнерства в документе сделан акцент на расширение и углубление торгово-экономического сотрудничества, а именно на развитие ресурсодобывающей отрасли и инфраструктуры.

22 августа 2014 г. была подписана Декларация о создании и развитии всестороннего стратегического партнерства Монголии и КНР. В ней вновь особый акцент сделан на взаимодействие в торгово-экономической области: намерение продолжать сотрудничество в развитии минерально-сырьевой отрасли, строительстве инфраструктуры и в финансовой сфере, сотрудничество по вопросам энергетики, а также ставится цель повысить к 2020 г. двусторонний торговый оборот до

10 млрд дол. США. Монгольской стороной официально выражено желание принять участие в проектах «Экономического пояса Шелкового пути» и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, а также закреплено предложение монгольской стороны провести встречу руководства Монголии, КНР и Российской Федерации для содействия трехстороннему сотрудничеству.

Соответствующая установка была реализована в Уфе 10 июля 2015 г. посредством подписания Среднесрочного плана действий по развитию трехстороннего сотрудничества («Дорожной карты»). Основная часть плана была посвящена экономическому взаимодействию и возможностям сопряжения «Экономического пояса Шелкового пути», проектов Евразийского экономического союза и монгольской инициативы «Степной путь». Особое место отводилось вопросам логистики, в том числе транзитным железнодорожным перевозкам через Монголию, с необходимостью финансирования модернизации железной дороги. Общий характер документа определяет отсылку к проведению дальнейших переговоров о создании механизмов трехстороннего экономического сотрудничества и упрощения процедур торговли и необходимости подготовки его технико-экономического обоснования.

В последовавшем Совместном заявлении Монголии и КНР об углублении всестороннего стратегического партнерства (11 ноября 2015 г. главы) опорой развития всестороннего стратегического партнерства вновь признавалось расширение торговли, инвестиций и общее углубление экономического сотрудничества. Стороны намеревались ускорить сопряжение инициатив «Экономического пояса Шелкового пути» и «Степного пути», поддерживая деятельность Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути, направленную на финансирование строительства крупных инфраструктурных проектов в регионе. Отдельного внимания заслуживает намерение сторон сотрудничать в развитии транзитных перевозок между КНР и ЕС через Монголию.

Итак, в рассматриваемый период был документально оформлен переход двусторонних отношений на уровень стратегического партнерства. С одной стороны, это свидетельствовало о готовности взаимодействовать по значительному спектру вопросов, включая политику и экономику. С другой стороны, именно взаимодействие в указанных областях (в первую очередь, в экономической, о чем свидетельствуют все рассмотренные выше документы) гарантировало отношениям данный уровень.

Торгово-экономическое взаимодействие Монголии и КНР становилось все более тесным. На долю КНР во внешней торговле Монголии в 1994 г. приходилось менее 20 %, в 1998 г. — 25 %, в 2009 г. — около 50 %, а к 2017 г. — около 65 % (см. таблицу.). КНР закрепились на позициях ключевого внешнеторгового партнера Монголии. Характерной особенностью двусторонней торговли стало то, что объем экспорта Монголии традиционно превышал объемы импорта из Китая. Среднее значение доли экспорта Монголии в КНР в товарообороте за 2009—2017 гг. составляла 85 %, а доли импорта — около 30 % (см. таблицу).

Торгово-экономические отношения Монголии и КНР, в 2009—2017 гг., млн дол. США

Год	Экспорт Монголии в Китай	Доля Китая в экспорте Монголии	Импорт Монголии из Китая	Доля Китая в импорте Монголии	Внешний торговый оборот Монголии и Китая	Доля Китая во внешне-торговом обороте Монголии	Баланс внешне-торгового оборота Монголии и Китая
2009	1 393	73 %	538	25 %	1 931	47 %	855
2010	2 466	84 %	970	30 %	3 436	56 %	1 496
2011	4 439	92 %	2 023	30 %	6 462	56 %	2 416
2012	4 059	92 %	1 873	27 %	5 932	53 %	2 186
2013	3 706	86 %	1 822	28 %	5 528	52 %	1 884
2014	5 073	87 %	1 767	33 %	6 840	62 %	3 306
2015	3 910	83 %	1 389	36 %	5 299	62 %	2 521
2016	3 901	79 %	1 060	31 %	4 961	59 %	2 841
2017	5 307	88 %	1 427	42 %	6 734	64 %	3 880

Примечание: составлено на основе данных Монгольского статистического информационного сервиса [2].

Обратимся к структуре экспорта и импорта двух стран. В 2009 г. российская исследователь Г. Яскина отмечала, что около 80 % импорта Монголии из Китая — это продукты питания (мука, рис, сахар, овощи и фрукты), а также одежда и обувь, предметы быта. Монголия экспортировала в КНР медно-молибденовый концентрат, каменный уголь, сырую нефть, продукцию животноводства (пух, шерсть и др.) [3, с. 33]. В экспорте Монголии существенно преобладали полезные ископаемые, в то время как из КНР ввозились преимущественно товары широкого потребления.

По данным из общедоступных статистических источников за 2016 г., в экспорте Монголии в КНР преобладали такие категории товаров как «руды, шлаки и зола», затем «минеральное топливо, минеральные масла и продукты их дистилляции; битуминозные вещества; минеральные воски». С существенным отставанием следовали «шерсть, животные волосы; пряжа конского волоса и тканое полотно», «медь и изделия из нее», «машины, механические приборы, ядерные реакторы, котлы; их части». Из КНР были ввезены товары следующих категорий: «машины, механические приборы, ядерные реакторы, котлы и их части», «электрические машины и оборудование и их части; звукозаписывающие устройства и репродукторы, телевизионные устройства и репродукторы», «минеральное топливо, минеральные масла и продукты их дистилляции; битуминозные вещества; минеральные воски», «изделия из железа или стали», «пластмассы и изделия из них» [4]. Можно наблюдать очевидное изменение структуры экспорта и импорта, произошедшее с 2009 г.

Тем не менее, в связи с активизацией торговли наблюдалась обеспокоенность монгольской стороны касательно сферы экономики, а также демографии и культуры. В Концепции национальной безопасности Монголии им придается особое значение [5]. Кроме того, миграция ки-

тайских граждан в Монголию также стала вызывать вопросы и усиливать фобии в монгольском обществе. По данным ЮНИСЕФ, в 2013 г., из 14621 человек, иммигрировавших в Монголию, китайцы составили большинство (9163 человека) [6]. Что же касается культуры, то опасения возникают в связи с ростом китайского фактора по мере реализации на монгольском направлении китайской политики «мягкой силы». Это подтверждают исследования монголоведов [7].

Оценивая динамику торгово-экономических отношений Монголии и КНР за 2009—2017 гг., можно утверждать, что КНР приблизилась к цели построения «сообщества единой судьбы» с монгольским государством. Вместе с тем, упрочение позиций КНР на монгольском рынке и общее усиление торгово-экономической зависимости от КНР побудило Монголию к большему сближению с Российской Федерацией.

Исходя из концептуально зафиксированных соотношений национальной безопасности Монголии, ее совместная активность одновременно с КНР и России будет иметь решающее значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536_2.htm. — Дата доступа: 01.03.2018.
2. Mongolian statistical information service [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.1212.mn/>. — Date of access: 01.03.2018.
3. Яскина, Г. С. Россия — Монголия — Китай: проблемы сотрудничества и преодоление противоречий / Г. С. Яскина. — М.: Ин-т экономики РАН, 2009. — 49 с.
4. International Trade Centre (ITC) Trade Map [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.trademap.org/Index.aspx>. — Date of access: 01.03.2018.
5. Концепция Национальной Безопасности Монголии 2010 г. [Электронный ресурс] // Сайт министерства иностранных дел Монголии. — Режим доступа: http://www.mfa.gov.mn/index.php?option=com_content&view=category&id=35&Itemid=54&lang=en — Дата доступа: 21.01.2018.
6. Mongolia. Migration profiles 2013 [Electronic resource] // UNICEF. — Mode of access: <https://esa.un.org/migmgmprofiles/indicators/files/Mongolia.pdf>. — Date of access: 01.03.2018.
7. Терентьев, В. И. Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов / В. И. Терентьев // Вестн. Томск. гос. ун-та. — 2016. — № 406. — С. 152—157.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВЫХОДА СЛОВЕНИИ ИЗ СОСТАВА СФРЮ

*Демьянович Ю. Э., Белорусский государственный университет, e-mail: yuliya-dzemyu@rambler.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В статье анализируются предпосылки выхода Словении из состава Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) в 1991 г. Дана оценка роли внутренних и внешних факторов, способствовавших выходу Словении из состава Югославии.

Ключевые слова: Словения; Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ); сепаратизм; межэтнический конфликт; Брионское соглашение.

25 июня 1991 г. Словения первой из республик Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) в одностороннем порядке объявила о своей независимости. Союзное руководство попыталось этому помешать. Между созданной Территориальной обороной Словении и Югославской Народной Армией (ЮНА) произошел вооруженный конфликт. Любое вооруженное столкновение, несомненно, является трагическим событием, однако на фоне последующих событий на постюгославском пространстве оно оказалось наименее болезненным.

Во-первых, стадия вооруженного противостояния продлилась всего 10 дней: с 27 июня по 7 июля 1991 г. — после чего было заключено Брионское соглашение, прекратившее войну в Словении. Соглашение, можно сказать, вручило судьбу Словении в руки словенцев, продекларировав, что лишь народы Югославии могут принимать решения о собственном будущем [1, с. 245—246].

В свою очередь, словенцы еще до вступления в силу соглашения провели референдум, на котором более 88 % проголосовавших высказались за самостоятельность своей республики. Брионское соглашение фактически легализовало данное решение в международно-правовом плане [1, с. 188].

Также Брионское соглашение подключило к разрешению конфликта Европейские сообщества и страны-участницы СБСЕ, что автоматически вывело проблему конфликта из внутреннего формата в международный и гарантировало безопасность Словении [1, с. 245]. Созданная миссия-наблюдателей СБСЕ охватывала своими действиями не всю территорию Югославии, где, со всей очевидностью, назревали катастрофические события, а исключительно Словению и, по возможности, Хорватию [1, с. 248].

Во-вторых, по данным ЮНА она потеряла 44 человека, 184 были ранены. У Словении жертв оказалось меньше: 3 человека убито и 66 ранено [2, с. 117]. Важно заметить, что практически не пострадала инфраструктура, так как тяжелые вооружения, приносящие ей реальный ущерб, не применялась ни одной из сторон.

Возникает вопрос, каким образом Словения смогла относительно безболезненно выйти из состава СФРЮ. Причин, повлиявших на благоприятное решение, множество, однако ни одна из них не смогла бы в должной мере реализоваться без изначальных предпосылок, заложенных в самой Словении.

Во-первых, в составе СФРЮ Словения была преимущественно гомогенной республикой. На 1991 г. численность населения достигала 1 965 986 человек. Из них более 87 % составляли словенцы. Второй и третьей группами по этническому признаку являлись хорваты и сербы, но численность каждой из них не превышала 3 % [1, с. 460, 461; 3, с. 155].

Демографическая однородность содействовала успеху сепаратных действий словенских лидеров.

Во-вторых, Словения являлась экономическим лидером СФРЮ [3, с. 49]. Такая ситуация сложилась изначально. Югославия как государство складывалась после Второй мировой войны, и в ее состав вошли регионы, стоявшие на различных уровнях экономического развития. Перед страной стояла проблема не только восстановления разрушенной экономики и перехода на мирные рельсы, но и подтягивания отстающих регионов (Косово, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина) к экономической более сильным. Были выработаны различные мероприятия, наиболее значительные из них — создание специализированного фонда и выделение из него средств экономически ущербным районам, а также дифференцированная налоговая политика.

Первоначально такие действия дали определенный результат, однако в долгосрочной перспективе разница между развитыми и менее развитыми республиками меньше не стала, а только возросла: в югослав-

ской федерации Словения оставалась экономическим лидером; отставание Косово, Черногории и Македонии усиливалось. Даже в Сербии экономические показатели оказались ниже средне югославских, чего допускать было нельзя, поскольку Сербия претендовала на статус ядра-центра федерации, способного группировать вокруг себя другие субъекты СФРЮ. Параллельно усиливался дисбаланс интересов республик.

Неизбежность дезинтеграционных явлений подтверждает статистика 1989 г. Тогда средняя заработная плата в Словении составила 154 % относительно общесоюзного показателя. При этом он оказался более чем в два раза выше, чем в Косово и Македонии. Ситуация выглядела парадоксом, если учитывать, что в развитие Словении вкладывалось не более 2 % от общесоюзного ВВП, в то время как в Косово — не менее 15 %. При этом Словения генерировала 17 % ВВП страны [2, с. 107; 3, с. 50, 51].

Разумеется, в таких условиях среди словенцев недовольство экономической политикой СФРЮ только росло. Особенно оно усилилось с нарастанием экономического кризиса 1980-х гг., когда на грани краха оказались более 800 словенских предприятий [2, с. 107; 3, с. 50, 51]. Именно к этому моменту экономика СФРЮ продемонстрировала, что она как единый организм практически не функционирует.

Неудивительно, что уже в середине 1980-х гг. среди словенской интеллигенции имели место попытки активного оспаривания экономико-политических основ Югославии. Словенцев не устраивали гипертрофированные полномочия Сербии. Они выступали за большую свободу административных субъектов федерации [3, с. 118].

С 1986 г. в Словении активно сменяется партийное руководство всех уровней. Председателем центрального комитета Союза коммунистов Словении избирается Милан Кучан. Он открыто заявляет о катастрофичности экономической ситуации. В ослаблении функций центра словенские коммунисты усматривают способ избежать катастрофы [4, с. 46]. Они и явились инициаторами словенского сепаратизма.

Идеи децентрализации подхватила словенская интеллигенция. В феврале 1987 г. в ежемесячнике «Nova Revija» публикуется статья «Предложение к словенской национальной программе» [5, с. 252]. Статья оправдывала стремление к независимости Словении, усматривая корень ее проблем в особенностях устройства Югославии. Публикация инициировала общесловенский механизм общественной демонстрации особого мнения. Новые политические лидеры выражали крайнюю обеспокоенность сложившейся ситуацией. Предлагались демократические преобразования, главным образом, этнические выделяющие словенцев и пренебрегающие интересами других народов СФРЮ [3, с. 119].

Важно подчеркнуть: общественная консолидация вокруг идеи суверенитета укоренялась беспрепятственно, ибо Словения была практически моногенным этническим образованием. Задолго до официального заявления о независимости словенское общество созревало к идее национального государства. В нем словенцы увидели перспективу национального развития. К этому шагу готовились и республиканские власти, поскольку преодоление экономического диспаритета они строили на реализации идеи государственной независимости.

Консолидация общества и партийного руководства вокруг идеи независимой республики — ведущая политическая предпосылка выхода Словении из состава СФРЮ.

Крайне важной, но пока недооцененной предпосылкой быстрого обретения независимости Словении явилось ее географическое положение. Размещение страны сыграло особо важную роль при оценке инициаторами выхода вероятности подавления движения за независимость военными средствами. Месторасположение Словении, по меркам Югославии, было уникальным. Республика граничила с тремя странами: Австрией, Италией, Венгрией и субъектом СФРЮ — Хорватией. Последняя также была экономическим локомотивом СФРЮ с сильными сепаратистскими настроениями. Общегославская граница на территории Словении выходила к Италии и Австрии и была преимущественно сухопутной, значит, защищенной от возможной югославской блокады, ибо инициаторы выхода изначально не допускали поддержки официального Белграда со стороны Рима и Вены.

Важность этой внешней предпосылки проявилась в том, что сразу после объявления независимости Словения установила контроль над своим отрезком общегославской границы, после чего незамедлительно последовала силовая реакция СФРЮ [1, с. 458].

Таким образом, на этапе выхода из СФРЮ в Словении сложилась уникальная, присущая только ей, ситуация. Другие республики СФРЮ не располагали столь благоприятными условиями для относительно бескровного выхода. Присущие им значительный процент разнородности этнических групп, экономическая подпитка от центра, «закольцованность» интересов в рамках СФРЮ, неспособность местных администраций предпринимать шаги к независимости — все это принципиально усложняло республикам беспрепятственное получение независимости в долгосрочной и среднесрочной перспективе. У местных лидеров просто не хватало ресурсов для результативных действий. Даже Хорватия, во многом близкая по условиям к Словении, изначально заняла выжидательную позицию, наблюдая за ситуацией у соседки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Словения: путь к самостоятельности / Институт славяноведения; ред.кол.: Е. Ю. Гуськова [и др.]. — М.: Индрик, 2001. — 565 с.
2. Гуськова, Е. Ю. История югославянского кризиса (1990—2000 гг.) / Е. Ю. Гуськова. — М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. — 720 с.
3. Мартынов, М. Ю. Балканский кризис: народы и политика / М. Ю. Мартынов — М.: Старый сад, 1998. — 466 с.
4. Словения: путь к самостоятельности / Институт славяноведения; ред. кол.: Н. Н. Старикова [и др.]. — М.: Индрик, 2014. — 325 с.
5. Божинов, В. Почему распалась Югославия? Краткий обзор событий и причин от Тито до Милошевича / В. Божинов // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. — 2010. — № 7. — С. 248—257.

«ДОБРЫЕ УСЛУГИ» КАК ОСНОВА ШВЕЙЦАРСКОЙ ПОЛИТИКИ МИРА

Зуев И. В., Белорусский государственный университет,
e-mail: ilya.zueff@gmail.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье освещаются «добрые услуги», которые Швейцария оказывает другим странам в целях предотвращения или разрешения конфликтов, опираясь на свои богатые гуманитарные традиции, нейтральный статус и сложившийся имидж «строителя мостов» и надежного партнера. Дается краткий обзор исследований, посвященных «добрым услугам» Конфедерации, включая покровительство, посредничество

и содействие диалогу, а также излагается история их возникновения. Значительное внимание уделяется конкретным примерам их оказания в рамках швейцарской политики мира в 2000-х гг. — как под эгидой международных организаций, так и на двусторонней основе. Кроме того, оценивается роль Конфедерации как государства пребывания и ее усилия, направленные на поддержание и укрепление роли «международной Женевы» как центра мировой политики и дипломатии.

Ключевые слова: Швейцария; «добрые услуги»; политика мира; держава-покровительница; посредничество; содействие диалогу; государство пребывания; платформы координации, обсуждения и сотрудничества.

Одно из стратегических направлений внешней политики Швейцарии — укрепление мира, международной безопасности и стабильности. В период после окончания «холодной войны» она отказалась от идей изоляционизма и автономной самообороны, сделав солидарность и сотрудничество своими основными внешнеполитическими приоритетами. Конфедерация стала одним из государств — членов ООН, укрепила роль ОБСЕ в обеспечении региональной безопасности, направила гражданских и военных специалистов в миротворческие миссии под эгидой ООН, НАТО и ЕС, а также выступила с рядом инициатив в области прав человека и международного гуманитарного права, беженства и миграции, разоружения и нераспространения оружия.

Активизации швейцарской политики мира способствовало изменение международной обстановки: территориальные и политические преобразования, обострение вооруженных конфликтов, рост организованной преступности, всплеск насильственного экстремизма и терроризма. Однако при этом Конфедерация опиралась на богатые гуманитарные традиции и высокий профессионализм своих дипломатов. Благодаря этому, а также нейтралитету, невхождению в военно-политические блоки и отсутствию колониального прошлого, она пользуется широким доверием и уважением как компетентный, надежный и беспристрастный партнер, который может строить мосты там, где другим это не под силу. Поэтому «добрые услуги», ставшие краеугольным камнем швейцарской дипломатии, находят спрос в самых разных частях мира [1].

«Добрые услуги» не раз становились темой исследований швейцарских ученых. Рето Борсани выделил внутренние и внешние факторы, определяющие возможности Конфедерации в сфере оказания «добрых услуг» — в частности, ее вероятное вступление в Европейский союз [2]. Томас Фишер обратил внимание на изменение международной обстановки после окончания «холодной войны» и сделал вывод, что, расширив международное сотрудничество в сфере безопасности в 1990-х гг., Швейцария смогла интегрировать свою политику «добрых услуг» в многостороннюю превентивную дипломатию и миростроительство под эгидой ООН, ОБСЕ и других организаций [3].

Ряд публикаций был посвящен отдельным направлениям «добрых услуг» Конфедерации. В частности, Даниэль Трахслер оценил значимость Швейцарии как державы-покровительницы [4], а Йонас Бауманн и Говинда Клейтон — ее роль в посредничестве [5]. В свою очередь, Лоран Гётшель отметил, что малые государства Европы, в том числе Швейцария, постепенно обновили свою политику мира: они перестали рассматривать себя как «прирожденных миротворцев» и вместо этого исходят из более прагматичных целей — такой подход позволяет им сохранять свою значимость в региональной системе безопасности [6]. На постсоветском пространстве «добрые услуги» как часть внешней политики Конфедерации исследовали В. Я. Швейцер и А. И. Степанов [7].

Изучение «добрых услуг», которые оказывает Швейцария, может быть полезным и для белорусской дипломатии. Беларусь также позиционирует себя как площадка для диалога: она входит в состав Минской группы ОБСЕ по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта (с 1992 г.), а также организовала встречи Трехсторонней контактной группы и Нормандской четверки, где были подписаны Минские соглашения (5 сентября 2014 г. и 12 февраля 2015 г.), направленные на деэскалацию украинского кризиса. Выгодное расположение в центре Восточной Европы и развитая инфраструктура способствуют повышению значимости Беларуси как поставщика «добрых услуг», однако отсутствие нейтрального статуса и членство в Организации Договора о коллективной безопасности делают ее неприемлемой кандидатурой на роль посредника при обсуждении ряда вопросов региональной безопасности. Тем не менее, опыт Швейцарии в этой сфере может послужить базой для развития белорусской политики мира в будущем.

История «добрых услуг» Конфедерации насчитывает почти полтора столетия. Нейтральная Швейцария нередко выступала как держава-покровительница, представляя интересы государств, не имеющих или разорвавших дипломатические отношения между собой. Начало этому было положено еще во время франко-прусской войны 1870—1871 гг., когда Конфедерация действовала от имени Королевства Бавария и Великого герцогства Баден в их отношениях с Французской империей. Наиболее востребованной Швейцария оказалась в период второй мировой войны — тогда она представляла интересы сразу 35 государств.

Разрыв дипломатических отношений сейчас встречается намного реже, чему способствует глобализация и снижение числа межгосударственных конфликтов. Однако шесть государств: США, Иран, Куба, Россия, Грузия и Саудовская Аравия — по-прежнему нуждаются в покровительстве Швейцарии.

Еще одной распространенной формой «добрых услуг» является посредничество, при котором дипломаты создают благоприятные условия для диалога конфликтующих сторон и помогают им найти взаимоприемлемые решения. При этом посредники никогда не занимают сторону кого-либо из участников переговоров, сохраняя нейтральную позицию.

Современное посредничество с участием Швейцарии ведет свое начало от разрешения спора между США и Великобританией, которая, в нарушение нейтралитета, объявленного в американской Гражданской войне (1861—1865 гг.), продала южанам пять кораблей, включая крейсер «Алабама». За это, по решению Женевского трибунала, состоявшегося в сентябре 1872 г., Великобритания обязалась выплатить Соединенным Штатам денежную компенсацию. В состав трибунала входили три дипломата-посредника: итальянец Федерико Склопис (*Federico Sclopis*), бразилец Маркос Антонио де Араужо (*Marcos Antônio de Araújo*) и швейцарец Якоб Штемпфли (*Jakob Stämpfli*). В XX в. Конфедерация дважды оказывалась в роли посредника: она участвовала в разрешении конфликта между Италией и Грецией вокруг острова Корфу (1923 г.) и подготовке Эвианских соглашений (1962 г.), которые привели к независимости Алжира от Франции.

Швейцарские посредники стали очень востребованы в XXI в. Так, Михаэль Амбюль (*Michael Ambühl*) способствовал началу нормализации отношений между Арменией и Турцией, 10 октября 2009 г. подпи-

савших Цюрихские протоколы об установлении дипломатических отношений и развитии двусторонних отношений. А благодаря Мишлин Кальми-Ре (*Micheline Calmy-Rey*) 9 ноября 2011 г. в Женеве Россия и Грузия заключили Соглашение об основных принципах механизма таможенного администрирования и мониторинга торговли товарами, которое открыло России путь во Всемирную торговую организацию.

Дипломаты из Конфедерации участвуют в посредничестве и в рамках международных организаций. В частности, Хайди Тальявини (*Heidi Tagliavini*) в 2014—2015 гг. занимала должность специального представителя Генерального секретаря ОБСЕ на встречах Трехсторонней контактной группы по мирному урегулированию ситуации на востоке Украины, а Тони Фриш (*Toni Frisch*) с 2015 г. координировал там рабочую подгруппу по гуманитарным вопросам. В свою очередь, Никола Мишель (*Nicolas Michel*), действуя по поручению Генерального секретаря ООН, внес свой вклад в подготовку первого за годы гражданской войны в Сирии соглашения о прекращении боевых действий, заключенного в феврале 2016 г.

Кроме посредничества, возможен и другой вариант участия третьей стороны в разрешении международных споров — содействии диалогу. В этом случае поставщик «добрых услуг» оказывает логистическую поддержку: организует переговорную площадку, обеспечивает безопасность всех участников диалога, решает вопросы транспорта и размещения гостей. При этом содействующая сторона не участвует непосредственно в процессе переговоров. Кроме того, если посредничество предусматривает поиск конкретного решения спора, то для содействия диалогу успехом может считаться уже сам факт встречи сторон за столом переговоров и улучшение взаимопонимания между ними [8, с. 12—13].

Усилия Швейцарии в сфере содействия диалогу способствовали снижению напряженности во многих горячих точках мира. В марте 2004 г. в Бюргенштоке (кантон Нидвальден) рассматривался план Генерального секретаря ООН Кофи Аннана по урегулированию кипрско-греческого конфликта между Грецией и Турцией, а в 2016—2017 гг. переговоры по этому вопросу продолжились в Мон-Пелерине (кантон Во), Женеве и Кран-Монтане (кантон Вале). С 2012 по 2017 гг. в Женеве и Монтрё (кантон Во) состоялось восемь раундов переговоров, направленных на завершение гражданской войны в Сирии. В 2015 г. в Женеве проходил ряд встреч между сторонниками и противниками действующего правительства Ливии. В мае того же года в Женеве, а в декабре — в Магглингене (кантон Берн) обсуждались вопросы завершения войны между правительством Йемена и оппозиционной группировкой хуситов. Кроме того, в декабре 2015 г. в Берне при поддержке Швейцарии и Минской группы ОБСЕ состоялась встреча президентов Азербайджана и Армении, где обсуждался конфликт в Нагорном Карабахе.

Содействие диалогу со стороны Швейцарии не ограничивалось усилиями по урегулированию гражданских войн и других конфликтов. Она также способствовала обсуждению ряда проблем, оказывающих определяющее влияние на международную безопасность. В частности, в 2009—2013 гг. в Женеве проходили переговоры между группой P5+1, включающей Великобританию, Германию, Китай, Россию, США и Францию, с одной стороны, и делегацией правительства Ирана — с другой. В результате 24 ноября 2013 г. был подписан Совместный план

действий — временное соглашение, призванное гарантировать мирный характер ядерной программы Ирана. Последующие переговоры, на которых был подготовлен итоговый текст Совместного всеобъемлющего плана действий, проходили в Монтрё и Лозанне (кантон Во) в марте-апреле 2015 г. (сам документ был подписан 14 июля 2015 г. в Вене). Кроме того, в 2009—2010 гг. в Женеве проходили переговоры между представителями России и США по заключению Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III, англ. *New START*).

Швейцария не только вносит непосредственный вклад в укрепление безопасности, но и является одним из важнейших государств пребывания для различных международных институтов, чему во многом способствуют удобное расположение в центре Западной Европы, развитая инфраструктура и многоязычие. Начало этому положил Международный Комитет Красного Креста (МККК), основанный в 1863 г. по инициативе «Комитета пяти», в состав которого входили предприниматель Анри Дюнан, юрист Гюстав Муанье, врачи Луи Аппиа и Теодор Монуар и генерал Гийом-Анри Дюфур. Штаб-квартира МККК разместилась в Женеве.

С тех пор этот город стал ведущим и единственным в своем роде центром мировой политики и дипломатии. В нем расположены штаб-квартиры 37 межправительственных организаций, включая ООН (с 1966 г.), Международную организацию по миграции (с 1954 г.) и Международную организацию гражданской обороны (с 1976 г.), а также секретариат Договора о торговле оружием (с 2016 г.). Здесь размещаются 380 неправительственных организаций, включая Центр за гуманитарный диалог (с 1999 г.) и «*Interpeace*» (с 2000 г.). В Женеве находятся 257 постоянных миссий и делегаций, а также дипломатические представительства 177 государств. Общее число дипломатов и международных гражданских служащих в этом городе составляет почти 30 тыс. человек. Ежегодно в Женеве проводятся около 3300 международных конференций и других встреч на различном уровне [9].

Особую роль в координации швейцарской политики мира играют Женевский центр политики безопасности (основан в 1995 г.), Международный центр по гуманитарному разминированию (1998 г.) и Центр по демократическому контролю над вооруженными силами (2000 г.). В 2011 г. три Женевских центра присоединились к Федеральному департаменту иностранных дел, а в 2014 г. переехали в «Дом мира» (фр. *Maison de la paix*) — новый международный комплекс, построенный для содействия обмену опытом и обсуждению вопросов внешней политики, политики безопасности и политики мира [10].

Для содействия работе расположенных в Женеве международных организаций, аналитических центров, частных компаний, государственных учреждений, университетов и представителей гражданского общества созданы платформы координации, обсуждения и сотрудничества. Они проводят для международных гражданских служащих курсы, конференции, семинары и дебаты, сообщают о результатах встреч и публикуют информационные бюллетени [11, с. 21—24]. Ряд таких платформ специализируется на сфере безопасности — это Женевская платформа миростроительства (основана в 2008 г.), Глобальная инициатива против транснациональной организованной преступности (2014 г.),

Женевское гуманитарное объединение (2016 г.) и Женевская платформа по разоружению (2016 г.). Глобальные вопросы дипломатии и международных отношений обсуждаются на площадках Женевского аналитического центра и Швейцарского форума по международным делам. Кроме того, различные мероприятия организуются при поддержке Женевского фонда. Благоприятные условия для международных встреч созданы также в Базеле, Берне, Лозанне, Лугано (кантон Тичино), Люцерне, Монтрё и Цюрихе.

Таким образом, благодаря «добрым услугам», включая покровительство, посредничество и содействие диалогу, Швейцария способствует урегулированию конфликтов и вносит весомый вклад в укрепление мира и безопасности. Конфедерация оказывает «добрые услуги» как напрямую, так и в рамках международных организаций (ООН и ОБСЕ). Кроме того, она создала платформы координации, обсуждения и сотрудничества, которые укрепляют роль Женевы как центра мировой политики и дипломатии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Good offices // Federal Department of Foreign Affairs [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/home/foreign-policy/human-rights/peace/switzerland-s-good-offices.html>. — Date of access: 27.09.2018.
2. Borsani, R. Die Schweiz und die Guten Dienste: Ein weiterer Grund für den Alleingang? / R. Borsani // Swiss Political Science Review. — 1995. — Vol. 1, N 2-3. — P. 111-137.
3. Fischer, T. Switzerland's good offices: a changing concept, 1945–2002 / T. Fischer // ETH Beiträge. — 2002. — № 37.
4. Trachsler, D. Representing foreign interests: Rebirth of a Swiss tradition? / D. Trachsler // CSS Analysis in Security Policy. — 2012. — № 108.
5. Baumann, J. Mediation in violent conflict / J. Baumann, G. Clayton // CSS Analyses in Security Policy. — 2017. — № 211.
6. Goetschel, L. Introduction to special issue: Bound to be peaceful? The changing approach of Western European small states to peace / L. Goetschel // Swiss Political Science Review. — 2013. — Vol. 19, N 3. — P. 259-278.
7. Швейцер, В. Я. Своеобразие нейтралитета / В. Я. Швейцер, А. И. Степанов // Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / под ред. В. Я. Швейцера. — Москва: Весь Мир, 2009. — Гл. 5. — С. 144-164.
8. Посредничество и содействие диалогу в контексте ОБСЕ. — Вена: ОБСЕ, 2014. — 126 с.
9. Facts and figures about International Geneva // The Swiss Mission [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.eda.admin.ch/missions/mission-onu-geneve/en/home/geneve-international/faits-et-chiffres.html>. — Date of access: 27.09.2018.
10. The Geneva centres // Federal Department of Foreign Affairs [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/home/foreign-policy/human-rights/humanitarian-policy/maison-paix.html>. — Date of access: 27.09.2018.
11. Host State Switzerland. — 2nd ed. — Bern: FDFA, 2017. — 36 p.

КОНЦЕПТ «ФИНЛЯНДИЗАЦИИ» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА

Ковяко И. И., Белорусский государственный университет,
e-mail: klq2034@mail.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье представлены основные результаты исследования концепта «финляндизации» в англо-американской историографии германской проблемы. Выявлены причины возникновения данного концепта в работах историков Великобритании и США, определены основные аспекты германского вопроса, в рамках которых он получил наи-

больше распространение, установлены различия в подходах к использованию концепта среди представителей консервативного и либерального направлений исторической науки.

Ключевые слова: англо-американская историография; германский вопрос; «финляндизация»; НАТО; новая восточная политика.

Термин «финляндизация» приобрел широкую популярность в работах британских и американских исследователей с середины 1960-х гг. Он стал свидетельством возрастающих опасений, связанных с возможным усилением советского влияния в Европе без применения военной силы. В качестве образцовой модели выступала послевоенная Финляндия, которая воздерживалась от участия в антисоветской риторике и политике стран Запада, формировала правительства с участием левых сил и поддерживала добрососедские отношения с Советским Союзом. Возможная «финляндизация» ФРГ представлялась серьезной угрозой единству западного мира, позициям США в европейском регионе, а также возрождала призрак единой нейтральной Германии, лавирующей между востоком и западом в преследовании сугубо национальных интересов. Еще более опасным вариантом для стран Запада выглядел переход ФРГ в социалистический лагерь при готовности Москвы пойти на уступки по вопросу германского единства.

Укрепление позиций СССР в перспективе рассматривалось, с одной стороны, как результат умелой и дальновидной дипломатической практики Кремля, санкционировавшего запуск политики разрядки и очевидно благоволившего улучшению отношений со странами Западной Европы, в особенности с ФРГ. С другой стороны, модернизация советских вооруженных сил в 1960-е—1970-е гг. пробудила опасения существенной силовой и психологической разбалансировки в Европе, что таило угрозу постепенного сближения государств Западной Европы с СССР, вплоть до их «финляндизации». В составе германской проблемы можно выделить два аспекта, при исследовании которых британские и американские авторы уделили особое внимание концепту «финляндизации». К их числу следует отнести новую восточную политику В. Брандта и положение ФРГ в НАТО на рубеже 1970-х—1980-х гг.

Представители консервативного направления в англо-американской историографии склонны к критическому анализу новой восточной политики. Исследователи полагают, что на протяжении 1960-х гг. ФРГ проводила курс на «финляндизацию» или «самофинляндизацию», т. е. реализовывала политику умиротворения СССР при отсутствии прямого давления со стороны Москвы. Британский историк **Майкл Бальфур** (Университет Восточной Англии) в конце 1960-х гг. высказывал опасения в связи с возможностью формирования правительства националистической ориентации в ФРГ, которое пойдет на установление тесных союзнических отношений с СССР. На первый взгляд, сделка между националистами и советским режимом представлялась невозможной, поскольку они идеологически полярные. Однако автор обращал внимание, что *«сердце немецкого национализма принадлежит не западной, а центральной Европе. Они (немцы. — авт.) склонны к авторитарным методам управления, реализму во внешней политике»*. С точки зрения М. Бальфура, это существенно увеличивало вероятность перехода Германии на сторону СССР в случае уступок советской стороны по германской проблеме [5, с. 294—295]. Британский историк **Мартин Макколей** (Лондонский университет) отмечал, что поддержка Москвой нова-

торского курса В. Брандта была напрямую связана с надеждой на последующее ослабление связи ФРГ с НАТО и ее отдаление от США [6, с. 163]. Эту позицию поддержал американский исследователь **Уильям Гриффит** (Массачусетский технологический университет). Он утверждал, что в США усмотрели за новой восточной политикой «желание немцев остаться в стороне от решения проблем, связанных с ростом военно-го и экспансионистского потенциала СССР и склониться к «самофинляндизации» [7, с. 54]. Британский историк **Эйдан Кроули**, автор монографии «Подъем Западной Германии, 1945—1972», является еще одним представителем консервативного направления англо-американской историографии. В главе под образным названием «В танце с медведем» («*Dancing with a Bear*»), которая посвящена анализу политики В. Брандта, автор пришел к выводу, что природа и цели советской политики остались неизменными, а Кремль по-прежнему стремится поддерживать и распространять мировую социалистическую революцию. Э. Кроули отметил значительное сходство социально-экономической программы В. Брандта и левых партий, что позволило прийти к заключению о возможности мирного прихода к власти в ФРГ левой коалиции во главе с коммунистами [8, с. 284—285].

Группа исследователей либерального направления, не упуская из виду теорию «финляндизации», прилагала усилия для ее опровержения, опираясь на политические реалии. Профессор Бостонского университета **Уолтер Клеменс** в публикации 1970 г. высказал убежденность в неактуальности опасений в связи с возможной «финляндизацией» ФРГ. Исследователь отмечал, что подобные страхи возникли вследствие недооценки экономического потенциала ФРГ и США, а также проблем советского блока. Автор пришел к выводу, что вероятнее произойдет «финляндизация» Польши и ЧССР, которая будет способствовать постепенному ослаблению их зависимости от Москвы [9, с. 488]. **Дж. Ф. Кеннан** в середине 1970-х гг. также выражал уверенность в том, что «финляндизация» Западной Европы в обозримом будущем не состоится. С одной стороны, США не демонстрировали готовность нарушать обязательства в рамках НАТО и выводить свои силы из Европы. С другой стороны, СССР не располагал практической возможностью добиться пересмотра европейского порядка с позиции силы. Американский дипломат полагал, что главная причина актуализации концепта «финляндизации» вызвана не внешними факторами, а внутренней неуверенностью стран Запада и слабостью их политической воли [10, с. 16]. К числу исследователей либерального направления следует также отнести профессора Джорджтаунского университета **Андже-лу Стент**. В работе «*От эмбарго до новой восточной политики. Политическая экономия отношений ФРГ и СССР в 1955—1980 гг.*» (1981) она утверждала, что в период новой восточной политики приверженность ФРГ западным структурам — НАТО и ЕЭС — ничуть не ослабла. Зависимая от США и вмонтированная в НАТО ФРГ являлась гораздо более предсказуемой и безопасной для СССР, чем сильная независимая Германия, которая стремится доминировать в Европе и играть на столкновении интересов США и СССР. Таким образом, по мнению профессора Стент, при анализе новой восточной политики следует говорить лишь о нормализации советско-германских отношений, но никак не о возможной «финляндизации» ФРГ [11, с. 249—250].

Рубеж 1970-х—1980-х гг. ознаменовался окончанием эры разрядки и началом нового витка напряженности в отношениях сверхдержав. Это сделало актуальным вопрос пересмотра роли и полномочий ФРГ в рамках НАТО. На протяжении 1945—1970 гг. ФРГ *«находилась на положении младшего брата в отношениях с более сильным родственником»* [12, с. 3—4]. На протяжении 1970-х гг. она превратилась в крупную мировую державу и стала самостоятельно направлять и реализовывать свою внешнюю политику за исключением вопросов безопасности. По мнению исследователей, на фоне значительно возросшего потенциала Западной Германии и формирования зоны ее устойчивых интересов в социалистической Европе, зависимость ФРГ от США в вопросах безопасности неизбежно должна была привести к напряженности в американско-германских отношениях. Эта напряженность стала заметна в 1970-х и усилилась в 1980-е гг. В связи с этим концепт «финляндизации» вновь стал актуальным в англо-американской историографии германской проблемы.

Учитывая географическое положение Западной Германии на границе с социалистическим блоком, а также ее экономический и научно-технический потенциал, исследователи Великобритании и США анализировали перспективы предоставления ФРГ доступа к ядерному потенциалу НАТО и расширения ее полномочий в рамках блока. Профессор Колумбийского университета **Льюис Эдингер** утверждал, что немцы не удовлетворены чрезмерным контролем со стороны США и предполагал, что допуск ФРГ к контролю над ядерными силами окажет благотворное влияние на германо-американские отношения, будет способствовать внутренней консолидации альянса [13, с. 592—593]. Американский исследователь **Дэвид Гарнхам** отмечал, что при наличии у ФРГ небольшого ядерного арсенала НАТО сможет проводить гораздо более эффективную политику сдерживания. Это поможет предотвратить «финляндизацию» ФРГ и уменьшит опасность прямого вооруженного столкновения с СССР. По мнению Д. Гарнхама, предоставление немцам ядерного оружия также позволит перенести большинство рисков и финансовых затрат из Вашингтона в европейские столицы. Автор сравнивал такой механизм действий с выводом американских сил из Европы, однако отмечал его преимущество в связи с гораздо меньшими рисками последующей «финляндизации» ФРГ [14, с. 104—109].

Профессор Обернского университета (США) **Даниэль Нельсон** подчеркивал, что безопасность Западной Европы требует *«избежать «финляндизации» и сдержать советские военные авантюры»*. По мнению американского исследователя, эти две цели могут быть достигнуты только при сохранении тесных военно-политических связей между Западной Европой и США, что не представлялось возможным без присутствия значительного контингента американских сил в Европе. Сам факт их наличия в ФРГ демонстрировал СССР, что агрессия в любой форме недопустима. Это укрепляло моральный дух правительств Европы и защищало их от политического давления со стороны СССР, которое могло бы привести к «финляндизации» [12, с. 248].

Представители либерального направления англо-американской историографии отмечает преувеличенный характер подобных опасений [15, с. 54]. Для них пересмотр функций и полномочий ФРГ в рамках НАТО, включая вопрос контроля над ядерными вооружениями — это скоропа-

лительное решение несуществующей проблемы. По замечанию американского профессора **Майкла Содаро** (Джорджтаунский университет, США), СССР был заинтересован в сохранении американского военного присутствия в ФРГ как фактора стабилизации системы международных отношений. Следовательно, Советский Союз не ставил задачу «финляндизации» ФРГ после завершения разрядки [16, с. 106, 201]

Концепт «финляндизации» в англо-американской историографии нашел отражение в связи с анализом двух аспектов германской проблемы: новой восточной политики ФРГ и дискуссии о расширении полномочий Западной Германии в блоке НАТО в конце 1970-х — первой половине 1980-х гг. В консервативной историографии превалирует точка зрения, что советская политика в отношении ФРГ до второй половины 1980-х гг. была манипуляционной и преследовала цель внести раскол в отношении ФРГ и западных интеграционных структур. Одной из главных задач внешней политики СССР в 1960-е—1970-е гг. авторы назвали «финляндизацию» Западной Европы, в первую очередь ФРГ. В такой ситуации на рубеже 1970-х—1980-х гг. в условиях нарастания межблоковой напряженности целесообразным представлялось укрепление позиций Западной Германии в НАТО путем ее допуска к контролю над ядерными вооружениями.

Историки либерального направления рассматривали риски «финляндизации» ФРГ как крайне низкие и дали высокую положительную оценку новой восточной политике Брандта. К числу ее достижений исследователи отнесли развитие разрядки и укрепление позиций Запада в странах социалистического лагеря, которое происходило, главным образом, путем развития торгово-экономических отношений. Либеральные историки не считали актуальными вопросы пересмотра функций ФРГ в НАТО и допуска немцев к контролю над ядерным потенциалом блока. В дискуссии с консервативными авторами в качестве главного аргумента они использовали тезис о незаинтересованности Советского Союза в уходе американских вооруженных сил и превращении ФРГ в нейтральное государство, способное к проведению независимой и непредсказуемой национальной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Gimbel, J. *The American occupation of Germany. Politics and the military, 1945—1949* / J. Gimbel. — Stanford: Stanford University Press, 1968. — 335 p.
2. Kuklick, B. *American policy and the division of Germany: the clash with Russia over reparations* / B. Kuklick. — Ithaca and London: Cornell University, 1972. — 286 p.
3. Lewkowicz, N. *The German question and the international order, 1943—1948* / N. Lewkowicz. — London: Palgrave Macmillan, 2010. — 253 p.
4. McAllister, J. *No Exit: America and the German Problem, 1943—1954*. — J. McAllister. — Ithaca and London: Cornell University, 2002. — 283 p.
5. Balfour, M. *West Germany* / M. Balfour. — New York: Praeger, 1968. — 344 p.
6. McCauley, M. *Marxism-Leninism in the German Democratic Republic* / M. McCauley. — London: Macmillan, 1979. — 267 p.
7. Griffith, W. *The American view* / W. Griffith // *Germany between East and West* / Ed. by E. Moreton. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 49—63.
8. Crawley, A. *The rise of Western Germany, 1945—1972* / A. Crawley. — London: Collins, 1973. — 315 p.
9. Clemens, W.C. *The Soviet world faces West: 1945—1970* / W.C. Clemens // *International Affairs*. — 1970. — Vol. 46, N 3. — P. 475—489
10. Kennan, G.F. *Europe's Problems, Europe's Choices* / G.F. Kennan // *Foreign Policy*. — 1974. — N 14. — P. 3—16 [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/1147941>. — Date of access: 23.09.2018

11. Stent, A. From embargo to Ostpolitik. The political economy of West German-Soviet relations, 1955–1980 / A. Stent. — Cambridge: Cambridge University, 1981. — 328 p.
12. Nelson, D. J. Defenders or intruders? The dilemmas of U.S. forces in Germany / D. J. Nelson. — Boulder; London: Westview Press, 1987. — 288 p.
13. Edinger, L.J. The German-American Connection in the 1980s / L. Edinger // Political Science Quarterly. — 1980–1981. — Vol. 95, N 4. — P. 589–606 [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2150606>. — Date of access: 02.09.2018
14. Garnham, D. Extending Deterrence with German Nuclear Weapons / D. Garnham // International Security. — 1985. — Vol. 10, N 1. — P. 96–110 [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2538791>. — Date of access: 23.09.2018
15. Lebow, R. N. The Soviet Offensive in Europe: The Schlieffen Plan Revisited? / R. N. Lebow // International Security. — 1985. — Vol. 9, N 4. — P. 44–78 [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2538541>. — Date of access: 23.09.2018.
16. Sodaro, M. J. Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev / M. J. Sodaro. — Ithaca; London: Cornell University, 1990. — 423 p.

БЕЛОРУССКО-ШВЕДСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ ДЕРЕВООБРАБОТКИ: НА ПРИМЕРЕ ПРИХОДА КОМПАНИИ ИКЕА В БЕЛАРУСЬ

*Навошчik Е. В., Белорусский государственный университет, e-mail: liza.navoschik@gmail.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В статье анализируется проблема прихода шведской компании ИКЕА на белорусский рынок в контексте белорусско-шведского взаимодействия в сфере деревообработки. Автор предлагает периодизацию соответствующего процесса и характеризует особенности двустороннего взаимодействия с учетом интересов каждой из сторон. Отмечается наличие непримиримых противоречий между интересами белорусских государственных структур и шведского частного бизнеса, оцениваются дальнейшие перспективы сотрудничества Беларуси и Швеции в сфере деревообработки.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Швеция; ИКЕА; экономика, бизнес; белорусско-шведские экономические отношения; деревообработка.

Вопрос о приходе шведской компании ИКЕА на белорусский рынок является актуальным. Общественное мнение по данному вопросу остается разделенным. Среди части белорусской общественности существует мнение, что приход этой крупной корпорации принес бы пользу белорусской экономике, но есть и те, кто уверен, что это только повредило бы белорусской деревообрабатывающей промышленности.

Необходимо отметить, что соответствующая проблема недостаточно проработана в научном плане. Автору удалось обнаружить всего одну работу, в которой данный вопрос лишь обозначался в контексте изучения белорусско-шведских отношений на этапе до 2005 г. [1].

Цель данной статьи — проанализировать одну из основных сфер белорусско-шведского взаимодействия (деревообработку) на примере прихода шведской компании ИКЕА на белорусский рынок. Исследование строится на дескриптивном анализе событий с использованием таких общенаучных методов, как индукция, анализ и синтез.

Проблема прихода шведской компании ИКЕА на белорусский рынок возникла в начале 2000-х гг. Предложение о создании шведского производства в Беларуси поступило еще в 2001 г. Тогда с пятидневным визитом в нашей стране по приглашению Министерства предпринимательства и инвестиций побывала группа шведских бизнесменов во главе с владельцем концерна И. Кампрадом. Планировалось, что производство будет организовано путем создания иностранного предпри-

ятия «Шведвуд Беларусь» на территории Полоцкого района Витебской области. Сообщалось, что сумма инвестиций должна была составить 30 млн дол. США. Предприятие должно было заниматься лесозаготовками, распиловкой леса и выпуском мебели. Однако до практической реализации дело не дошло, поскольку чиновники из «Беллесбумпрома» сумели убедить руководство Беларуси, что проект угрожает отечественной деревообрабатывающей промышленности, поскольку в перспективе может лишить ее сырья [2].

Очередную попытку выхода на белорусский рынок ИКЕА предприняла в 2007 г. Инвестировать в предприятие по производству мебели в Гродненской области планировалось 25 млн дол. США. Шведский концерн предлагал передать ему в долгосрочное пользование лесной участок, а также предоставить ряд льгот. Однако и в этом случае последовал отказ. Как объясняли тогда представители Минлесхоза, лесные ресурсы Гродненской области задействованы в полном объеме, а передача лесных участков на условиях концессии нанесет вред лесному хозяйству [2].

Разговоры о строительстве завода ИКЕА продолжились в 2011 г. В мебельное производство, расположенное в Свислочском районе Гродненской области, предполагалось инвестировать порядка 60 млн дол. США. Планировалось создать 350 рабочих мест. Начало строительства намечалось на весну 2012 г. [3]. Однако, по словам заместителя председателя Свислочского районного исполнительного комитета А. Чижиковой, инвестиционный договор был временно приостановлен по инициативе шведской стороны.

Тем не менее, ИКЕА, все же пришла на белорусский рынок через сеть организаций-посредников. Так, она вошла в пул, созданный Европейским банком реконструкции и развития, немецкими и шведскими инвесторами, который с 2010 г. кредитовал строительство литовской компанией *VMG* крупного деревообрабатывающего комплекса под Могилевом «ВМГ Индустри». Вклад ИКЕА в данный проект составил 9,3 млн евро. Еще один шведский инвестор — *Swedfund* — вложил в проект 6,5 млн евро [4]. «ВМГ Индустри» является инвестиционным проектом и резидентом свободной экономической зоны «Могилев». Производственный комплекс занимает 22 га и включает в себя три производства, в том числе производство мебели торговой марки ИКЕА. Предприятие приступило к работе в июне 2012 г. [5]. В июле 2013 г. в рамках визита в СЭЗ «Могилев» Президент Республики Беларусь А. Лукашенко посетил «ВМГ Индустри». Оценивая пользу от этого производства и, в частности, от работы с иностранным инвестором, он отметил, что это создает необходимую конкурентную среду внутри страны и может служить хорошим примером эффективного хозяйствования [6].

Согласно информации с официального сайта «ВМГ Индустри», компания была отмечена Могилевским областным исполнительным комитетом как «лучший предприниматель» Могилевской области в 2014—2015 гг. и названа Белорусской торгово-промышленной палатой «лучшим экспортером» 2014—2015 гг. в номинации «Деревообрабатывающая, мебельная и целлюлозно-бумажная промышленность» [7].

Еще один пример посредничества для ИКЕА — мебельная фабрика «Мебелаин», которая начала функционировать в 2010 г. в рамках СЭЗ «Могилев». Бизнес-планом проекта предусмотрены инвестиции в

сумме 14 млн евро и создание 276 рабочих мест. Основным заказчиком продукции значится концерн ИКЕА [8]. В 2016 г. осуществлялось строительство фабрики по производству корпусной шпонированной мебели из коллекции ИКЕА [9].

Еще две могилевские компании являются поставщиками продукции для ИКЕА. Так, ОАО «Ольса» с 2010 г. сотрудничает со шведским концерном через российское представительство. В 2012 г. объем товарооборота компании составил 1 млн евро, в 2013 — 3 млн евро [10].

По информации официального сайта Могилевского областного исполнительного комитета за 2014 г., ОАО «Моготекс» к 2017 г. планировало увеличить объемы поставок для международной компании ИКЕА в 4 раза. «В Могилеве для ИКЕА шьют 28 наименований продукции, включая столовое белье, занавески, салфетки», — отметил генеральный директор белорусского предприятия В. Матиевич [11].

Сотрудничество с компанией ИКЕА у ОАО «Моготекс» началось еще в 2002 г., но серьезные подвижки по взаимным проектам проявились после 2010 г., когда белорусская компания смогла удовлетворить жесткие требования по качеству и ассортименту поставляемой продукции и договорилась по цене. Коммерческий директор предприятия В. Дединец отметил, что в результате предприятия стало получать достаточно крупные заказы, некоторые из которых «Моготекс» не успевало обеспечивать из-за нехватки мощностей. В 2012 г. объем поставок для ИКЕА составил 1,8 млн евро, в 2013 планировалось выйти на оборот в 4 млн евро [12].

В октябре 2016 г. посол Швеции М. Оберг и представитель ИКЕА посетили льнокомбинат в г. Орша в рамках официального визита посла в Витебский регион. Посол отметил, что продукция Оршанского льнокомбината хорошо знакома шведам и добавил: «Мы очень любим ваш лен». Представитель Оршанского региона отметил, что льнокомбинат около тридцати лет успешно сотрудничает со Швецией и заинтересован в установлении партнерских отношений со шведской компанией ИКЕА [13].

Таким образом, отвергнув предложение ведущей шведской компании ИКЕА установить сотрудничество напрямую, Беларусь все равно оказалась вовлеченной во многие проекты этого концерна через посредников. Вместе с тем, по законам экономики прибыль от такого типа сотрудничества получается заниженной.

Более того, многие проекты концерна «Беллесбумпром» (который, как отмечалось ранее, активно содействовал тому, чтобы ИКЕА не пришла на белорусский рынок из-за угроз «оставить отечественную деревообрабатывающую промышленность без сырья») оказались убыточными и потребовали вмешательства со стороны Главы государства. На осуществление их модернизации потребовалось выделение кредитов на сумму в 1,3 млрд евро [14].

В 2015 г. Президент Республики Беларусь дважды проводил совещания по проблемам деревообрабатывающей отрасли и остался недоволен достигнутыми результатами. Он подчеркнул, что причиной модернизации послужили стратегические ориентиры развития экономики Беларуси, связанные с необходимостью «структурно реформировать нашу экономику, чтобы удельный вес производимой реализованной продукции на внутренний и внешние рынки был связан с собственным сырьем, чтобы избежать зависимости» [15].

Неудачи белорусской деревообрабатывающей промышленности могли поставить под сомнение правильность решения не допускать компанию ИКЕА на белорусский рынок. С одной стороны, приход иностранного инвестора мог бы положительно сказаться на экономике, содействуя созданию новых рабочих мест в регионах, поступлению налогов в бюджет, увеличению экспортных позиций, учитывая глобальное присутствие этого шведского инвестора. С другой, стороны, приход такого гиганта в молодую деревоперерабатывающую отрасль мог бы не только уничтожить конкуренцию, но и саму отрасль, а также нанести урон и истощить запасы древесины, поскольку компания была заинтересована, в первую очередь, в использовании дешевого белорусского сырья. Таким образом, лоббирование чиновниками интересов отечественной деревообработки не кажется недалёковидным, поскольку такая стратегия, в целом была направлена на отстаивание национальных интересов по сохранению природных богатств и развитию научно-технологической базы деревообрабатывающей промышленности.

На наш взгляд, это противоречие обусловлено особенностью белорусско-шведского экономического сотрудничества — вовлечённостью в него акторов, представляющих различные экономические модели. В Беларуси государство, как правило, оказывает существенное воздействие на частный бизнес, определяет и указывает допустимые направления и рамки возможного сотрудничества. В Швеции же частные структуры — это автономные субъекты, развивающиеся вне зависимости от политической обстановки. Таким образом, данный конфликт интересов остался неразрешённым, поскольку деревообрабатывающая отрасль являлась привлекательной для шведского инвестора, но не способствовала решению задач диверсификации белорусской экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гринева, О. Политический и торгово-экономический аспекты белорусско-шведских отношений / О. Гринева // Беларусь в современном мире: материалы IV Респ. науч. конф., Минск, 28 сент. 2005 г. / Белорус. гос. ун-т, Фак. междунар. отношений; редкол.: А. В. Шарapo [и др.]. — Минск, 2005. — С. 19—20.
2. Ермак Д. ИКЕА в Беларуси с распростертыми объятиями не ждёт / Д. Ермак [Электронный ресурс] // Интернет-газета «Белорусские новости». — Режим доступа: http://naviny.by/gubrics/economic/2008/07/26/ic_articles_113_158188/. — Дата доступа: 14.11.2012.
3. Дёмина А. Завод ИКЕА обойдется в 60 миллионов долларов / А. Дёмина [Электронный ресурс] // TUT.BY: Белорусский портал. — 2011. — Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/253802.html>. — Дата доступа: 21.09.2012.
4. Тополько А. Как посол Эрикссон заинтересовал шведов белорусским рынком / А. Тополько [Электронный ресурс] // TUT.BY: Белорусский портал. — Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/303394.html>. — Дата доступа: 06.08.2012.
5. ИООО «ВМГ Индустри». Главная [Электронный ресурс] // ИООО «ВМГ Индустри». — Режим доступа: <http://www.vmg.by/>. — Дата доступа: 16.11.2012.
6. Лукашенко поручил расставить все точки над «i» в вопросе функционирования СЭЗ [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/president/Lukashenko-poruchil-rasstavit-vse-tochki-nad--v-voprose-funktsionirovanija-SEZ_i_640676.html. — Дата доступа: 14.07.2013.
7. ИООО «ВМГ Индустри». Сертификаты [Электронный ресурс] // ИООО «ВМГ Индустри». — Режим доступа: <http://vmgi.by/%D1%81%Do%B5%D1%80%D1%82%Do%B8%D1%84%Do%B8%Do%BA%Do%B0%D1%82%D1%8B/>. — Дата доступа: 16.05.2016.
8. ЕБРР выделил 5 млн евро для строительства мебельной фабрики в СЭЗ «Могилев» [Электронный ресурс] // TUT.BY: Белорусский портал. — 2012. — Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/273486.html>. — Дата доступа: 14.11.2012.

9. ИООО «МЕБЕЛАИН». О нас [Электронный ресурс] // ИООО «МЕБЕЛАИН». — Режим доступа: <http://www.mebelain.by/>. — Дата доступа: 16.11.2012.

10. Могилевская «Ольса» в 2013 году увеличит поставки продукции компании ИКЕА более чем в 2 раза [Электронный ресурс] // Могилевский областной исполнительный комитет. Режим доступа: http://mogilev-region.gov.by/news/mogilevskaya_olsa_v_2013_godu_ovelichit_postavki_produktsii_kompanii_ikea_bolee_chem_v_2_raz_. — Дата доступа: 14.04.2016.

11. Моготекс планирует увеличить поставки продукции для ИКЕА вчетверо [Электронный ресурс] // Могилевский областной исполнительный комитет. Режим доступа: http://mogilev-region.gov.by/news/mogoteks_planiruet_ovelichit_postavki_produkcii_dlya_ikea_vchetvero_. — Дата доступа: 14.04.2016.

12. Моготекс увеличит поставки домашнего текстиля компании ИКЕА в 2013 году более чем в два раза [Электронный ресурс] // Могилевский областной исполнительный комитет. — Режим доступа: http://mogilev-region.gov.by/news/mogoteks_ovelichit_postavki_domashnego_tekstilya_kompanii_ikea_v_2013_godu_bolee_chem_v_dva_. — Дата доступа: 14.04.2016.

13. Турок, А. Оршу посетил Посол Королевства Швеции [Электронный ресурс] / А. Турок // СМИ Беларуси. — Режим доступа: http://belsmi.by/archive/article/63185_. — Дата доступа: 1.08.2017.

14. На модернизацию предприятий деревообработки было взято 1,3 млрд евро кредитов [Электронный ресурс] // News.21.by. — Режим доступа: <http://news.21.by/ekonomics/2013/11/27/850970.html> — Дата доступа: 23.12.2015.

15. Лукашенко ждет отчета чиновников за результативность модернизации деревообрабатывающей отрасли - Президент [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/lukashenko-zhdet-otcheta-chinovnikov-zarezultativnost-modernizatsii-derevoobrabatyvajuschej-otrasli-167497-2015/>. — Дата доступа: 14.01.2016.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ КНР В ОТНОШЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ

*Пахомова А. В., Белорусский государственный университет,
e-mail: pakhomova.anastasia.v@gmail.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В статье исследуется реализация руководством КНР политики в отношении этнических меньшинств, начиная с периода правления Мао Цзэдуна до периода правления Си Цзиньпина. Определяются факторы, влияющие на выбор политической стратегии в отношении этнических меньшинств, рассматриваются результаты такой политики. Оценено влияние политики КНР в отношении этнических меньшинств на социально-экономическую стабильность государства.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; политика; этническое меньшинство; социальное меньшинство; Синьцзян-Уйгурский автономный район; сепаратизм.

Совокупность региональных проблем, включая дисбаланс социального, политического и экономического развития регионов, а также та или иная форма дискриминация в отношении этнических меньшинств, способствует развитию сепаратистского движения, стремлению регионов к повышению правового статуса и политическому обособлению.

Исторический опыт показывает, что возникновение сепаратистского движения в государстве часто приводит к вооруженным конфликтам, открытой конфронтации, социальной нестабильности и замедлению социально-экономического развития государства. Вооруженные конфликты в свою очередь приводят к человеческим жертвам, разрушению хозяйственной инфраструктуры, социальных институтов, появлению беженцев. Сепаратизм создает угрозу территориальной целостности и суверенитету государства и ставит под сомнение легитимность власти центрального правительства, снижая его международный престиж.

Поэтому необходимо изучать и анализировать политику центральной власти в отношении этнических меньшинств, ее результаты и последствия. Недостаточное изучение данного вопроса может служить причиной возникновения сепаратистского движения. Эволюция политики в отношении этнических меньшинств в КНР отражает социально-экономическое развитие государства, а также факторы, влияющие на его развитие. Изучение данного вопроса необходимо для выявления наиболее эффективных способов урегулирования противоречий между этническими меньшинствами и центральной властью.

Многие научные труды о политике КНР в отношении этнических меньшинств носят обзорный характер и описывают тот или иной период социально-экономического развития КНР. При этом некоторые авторы исследуют явление сепаратизма, возникающего на базе недостаточной эффективности проводимой политики. Подобные исследования дают необходимый материал для проведения исследования явления сепаратизма в определенном регионе и сравнения результатов по отношению к другим регионам. В частности, в этом отношении интересна научная статья В. Кузнецова под названием «Может ли в Китае появиться своя Чечня?», в которой анализируются факторы отторжения мусульманской общины от навязанной извне социально-политической системы. Данное исследование затрагивает исторические процессы развития конфликтных отношений в Синьцзяне, начиная с середины XVIII в., когда в 1759 г. войска правившего в Китае дома Цин сокрушили теократическое мусульманское государство Восточный Туркестан [1]. Интерес представляет также статья А. Бондаренко «Синьцзян: проблемы экономического и политического развития», в которой акцентируется внимание на месте и роли Синьцзяна в экономике КНР, а также на внутрирегиональных политических проблемах [2].

Этническое меньшинство — это категория людей в государстве, находящаяся в позиции социального меньшинства в соответствии со своей этнической принадлежностью. Социальное меньшинство — группа людей в государстве, не обладающих сильной властью в обществе [3].

Этническое меньшинство в КНР со времен Мао Цзэдуна является политической категорией. В КНР насчитывается более 280 использующихся языков. Наиболее многочисленные этнические меньшинства включают чжуань (16 млн), манчу (11 млн), хуэй (10 млн), мяо (9 млн), уйгуры (12 млн), тибетцы (5,5 млн), монголы (6 млн), корейцы (2,5 млн) [4].

Отношения этнических меньшинств с большинством населения остаются напряженными. Конфликт зародился еще в середине XVIII в. Этому способствовали такие факторы, как миграция ханьцев на территории этнических меньшинств, дискриминация в отношении этнических меньшинств, заселение ханьцев на лучшие сельско-хозяйственные участки, занятие ханьцами ключевых политических и экономических позиций в обществе, ассимиляция. Ханьцы считали другие народы в то время варварами, а себя цивилизационным обществом, что также способствовало усилению враждебности и возникновению явления сепаратизма.

Например, истоки сепаратизма в СУАР берут свое начало еще в 1759 г., когда Китай присоединил к себе Исламский Восточный Туркестан, во главе которого стояли братья-ходжи, которых почитали как

потомков пророка. Оно в последствии стало частью наместничества Синьцзян (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район, СУАР). Особенностью сепаратизма в КНР в данном районе является этнорелигиозная база. Пребывание под властью не мусульманских правителей и правительств придавало и в настоящее время придает остроту взаимоотношениям между двумя сильно рознящимися укладами жизни. До сих пор идет сильное отторжение мусульманской общины от навязанной извне социально-политической системы. Это дополняется и психологическим фактором осознания того, что мусульманская община находится под властью не мусульман («неверных») [1, с. 15].

В период правления Мао Цзэдуна, в отношении этнических меньшинств проводилась жесткая политика ассимиляции. Этнические проблемы считались классовыми проблемами.

В период реформ политика китайских властей изменилась в сторону позитивной дискриминации. Для стабилизации социальной ситуации китайское правительство приняло специальную политику и меры по эффективному осуществлению и гарантированию права на равенство всех этнических групп в общественной жизни и деятельности правительства, что предусмотрено Конституцией и законом (законы 1984 и 2001 гг.).

Социальная политика Ху Цзиньтао основывалась на достижении определенных экономических показателей и общем повышении благосостояния автономных регионов, населенных этническими меньшинствами. Она включала в себя снижение налогов, стимулирование торговли с приграничными районами, развитие туризма, привлечение иностранных инвестиций в автономные регионы, политику «развития западных регионов», повышение уровня образования.

Согласно текущей политике, проводимой китайскими властями по отношению к этническим меньшинствам, все этнические группы участвуют в управлении государственными делами при равных условиях, идет борьба с этнической дискриминацией и любой формой угнетения, поддерживается единство всех этнических групп, большое внимание уделяется уважению и защите свободы вероисповедания этнических меньшинств, использованию и развитию разговорных и письменных языков этнических меньшинств, укреплению строительства объектов инфраструктуры и содействию развития основных отраслей в районах меньшинств, развитию сельского хозяйства и животноводства, предоставляются льготы и субсидии, поощряется развитие торговли и обеспечивается производство товаров, используемых меньшинствами, идет борьба с бедностью, осуществляется более льготная демографическая политика рождаемости в сравнении с ханьцами и жесткой политикой двух детей в семье, растет уровень образования этнических меньшинств. Также в официальных документах фигурирует гарантия уважения народных обычаев и обычаев народов меньшинств, сохранение культурного наследия этнических меньшинств, содействие культурным мероприятиям, сохранение и развитие традиционной медицины, развитие традиционного спорта [5].

В результате китайские власти надеются создать благоприятную социальную среду, чтобы этнические группы относились друг к другу на равной основе и развивали отношения единства, согласия, дружбы и взаимопомощи между ними [5].

Однако, несмотря на то что, автономный регион должен управляться выходцем из этнического меньшинства, партийный секретарь все равно является ханьцем. Как правило, в КНР нет полной автономии регионов, и реальная власть делегируется лишь в не большом количестве. Например, любой закон, принимаемый в автономном регионе, должен быть одобрен Всекитайским собранием народных представителей. Провинции сами могут лишь рассматривать и предлагать законопроекты.

В целом текущая политика в отношении этнических меньшинств базируется на экономическом анализе, в основе которого лежит цель повышения уровня жизни этнических меньшинств. Считается, что осуществление данной цели приведет к исчезновению этнического напряжения в КНР. Тем не менее, этническая политика китайских властей является формально плюралистической, но фактически ассимиляционной. То есть выражение этнической принадлежности и культурных особенностей разрешено и приветствуется в соответствии с партийной официальной программой, но независимое выражение политической позиции не допускается.

К тому же, последствия повышения уровня жизни вместо ослабления этнического напряжения наоборот могут привести к осознанному желанию этнических меньшинств расширить свои политические права, что в свою очередь приведет к усилению напряжения социальной ситуации для ханьцев.

Таким образом, социальная политика китайских властей эволюционировала от политики тотальной ассимиляции до политики позитивной дискриминации в отношении этнических меньшинств. Акцент делается на экономическое развитие регионов, населенных этническими меньшинствами. В некоторых случаях предоставляется автономия, однако характерными особенностями является поддержка экономического развития регионов, а также развитие культурных особенностей. Предоставление независимости в политических вопросах не включается.

Миграция ханьцев в районы этнических меньшинств и этнорелигиозные противоречия обостряют межэтнические отношения и способствуют развитию сепаратистского движения. Отсутствует реальный диалог между лидерами этнических меньшинств и центральными китайскими властями. Также китайское правительство беспокоит внешний фактор, в лице международного сообщества, вмешивающегося в развитие социальной ситуации в регионах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кузнецов, В. Может ли в Китае появиться своя Чечня? (сепаратизм в провинции Синьцзян) / В. Кузнецов // *Азия и Африка сегодня*. — 2001. — № 5. — С. 15–23.
2. Бондаренко, А. Синьцзян: проблемы экономического и политического развития / А. Бондаренко // *Азия и Африка сегодня*. — 2005. — № 12. — С. 27–30.
3. Меньшинство [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН. — Режим доступа: <https://iphlib.ru/greystone3/library/collection/newphilenc/document/HASH131b8ac7772dfe4b7f4613>. — Дата доступа: 27.09.2018.
4. Family Portraits of All 56 Ethnic Groups in China [Electronic resource] // ChinaHush. — Mode of Access: <http://www.chinahush.com/2009/12/06/family-portraits-of-all-56-ethnic-groups-in-china/>. — Date of Access: 27.09.2018.
5. National Minorities Policy and Its Practice in China [Electronic resource] // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. — Mode of Access: <http://www.china-un.ch/eng/bjzl/t176942.htm>. — Date of Access: 27.09.2018.

6. Burbach, R. Globalization and its Discontents / R. Burbach, O. Nunez, B. Kagarlitsky. — London, 1997.
7. Cvetkovich A., Kellner D. Articulation the Global and the Local Globalization and Cultural Studies. — Boulder, 1997
8. Kellas, J. The Politics of Nationalism and Ethnicity / J. Kellas. — New York, NY: St. Martin's, 1991.
9. Дивак, В. В. Сепаратизм как феномен текущей политики: политологический и правовой аспекты: автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.02: Киев, 2010, 20 с.
10. Домарева, М. А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2004. — 34 с.
11. Крылов, А. Б. Сепаратизм: истоки и тенденции развития: (Из опыта полит. развития некоторых зарубж. стран) / А. Б. Крылов. — М.: Знание, — 1990. — 62 с.
12. Сыроежкин, К. Л. Этносоциальный фактор развития Сынцзяна / К. Л. Сыроежкин // Проблемы Дальнего Востока. — 1990. — № 2. — С. 80—88.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ НА ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ЕС

Пашковская Е. О., *Белорусский государственный университет,*
e-mail empty.pages@yandex.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Определены предпосылки и результаты воздействия миграционного кризиса 2015 г. на состояние отношений Великобритании и Европейского союза в контексте подходов британского общества, политической элиты и СМИ к миграционной проблеме.

Ключевые слова: *Великобритания; Европейский союз; миграционный кризис; партийная система; средства массовой информации.*

Миграционный кризис, характеризующийся многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов в Европейский союз (ЕС) из стран Северной Африки и Ближнего Востока, достиг своего апогея в 2015 г., когда в Европу прибыло более 1 млн чел. По мере пребывания мигрантов, принимающие государства все хуже справлялись с их размещением — лагеря беженцев оказались переполненными. Италия и Греция обратились за помощью к другим странам ЕС за поддержкой.

Для снятия нагрузки на Италию и Грецию, в качестве чрезвычайной меры был разработан план по переселению ищущих убежища людей. Он включал в себя систему квот, согласно которой каждое государство ЕС должно было принять определенное количество мигрантов. Это число определялось уровнем благосостояния страны (ВВП), численностью населения, уровнем безработицы и средним количеством заявлений на представление ищущих убежища в предыдущие годы [3].

Предложенная система подверглась критике, поскольку нововведения являлись временной мерой, которая будет работать только в период интенсивной миграции в Европу. Дублин IV не решал проблему иммиграции и не включал в себя долгосрочные структурные изменения миграционных потоков, где региональные конфликты являются их постоянным источником. Подчеркивалась неспособность стран — членов ЕС к совместным действиям. Критикуется возможность страны «откупиться» от принятия мигрантов согласно квотам.

Соединенное Королевство отказалось участвовать в системе квот на мигрантов. Тем не менее, в сентябре 2015 г. было объявлено, что Великобритания разместит у себя 20 тыс сирийских беженцев в следующие 5 лет.

По данным 2015 г. Великобритания являлась вторым государством по величине оказываемой помощи жертвам сирийского конфликта. 4 сентября 2015 г. премьер-министр объявил о выделении дополнительной помощи сирийским беженцам в размере 4 млн ф. ст. 23 сентября к этой сумме добавилось еще 115 млн ф. ст. Общий вклад Великобритании с 2012 г. составил 1,12 млрд ф. ст.

Правительство Великобритании участвовало в трех программах переселения в партнерстве с Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН). Д. Кэмерон также поддержал достигнутое между ЕС и Турцией соглашение по размещению сирийских беженцев. Турция получила от Соединенного Королевства 275 млн ф.ст. для реализации условий договора [5].

До кризиса 2015 г. иммиграция в Великобританию в основном связывалась с единым рынком ЕС и свободой перемещения рабочей силы внутри союза. Так, после очередного расширения ЕС в 2004 г. в страну начали прибывать работники из вступивших в союз государств, таких как страны Прибалтики, Польша, Словакия и Словения. Великобритания оказалась наиболее привлекательной страной трудовой иммиграции благодаря развитой социальной системе, а также системе образования и здравоохранения.

Возрастающее количество приезжих дает дополнительную нагрузку на социальную систему, что так же являлось аргументом в пользу ужесточения иммиграционной политики. Тем не менее, на фоне громких заявлений и лозунгов мало кто апеллировал к реальным цифрам по вкладу иммигрантов в британскую экономику. Более того, ЕС не оказывал влияния на предпринимаемые Великобританией меры по борьбе с миграционным кризисом.

Для правых партий Великобритании (консерваторов и Партии независимости Соединенного Королевства) Европейский миграционный кризис стал одной из причин для продвижения идеи пересмотра отношений страны с ЕС, а для избирателей — одной из причин проголосовать против членства Великобритании в ЕС.

Консерваторы, на фоне кризиса, в котором им виделись подходящие условия для пересмотра миграционной политики ЕС, стремились ограничить трудовую иммиграцию. Сделать это предлагалось путем усиления пограничного контроля для лиц, прибывающих из стран ЕС, ограничения доступа трудовых мигрантов к социальному жилью и пособиям по безработице, высылке иммигрантов, которые в течение полугода не смогли найти работу, а также прекращения практики выплаты детских пособий лицам, чьи дети находятся в других государствах. Более того, задачей Д. Кэмерона было внести поправки в основополагающий договор ЕС поправки в соответствии с интересами Великобритании.

Проект соглашения по иммиграции появился 2 февраля 2016 г. и вызвал разную реакцию в британском обществе. Согласно документу Великобритании предоставлялось право отсрочки подключения вновь прибывших мигрантов к социальной системе на 4 года, в случае, если Великобритания или любое другое государство-член может доказать, что мигранты из ЕС «оказывают чрезмерное давление на надлежащее функционирование своих общественных услуг» [1].

Средства массовой информации не давали объективной картины по иммиграции в Великобританию и ее вкладу в общество.

Проведенное в Оксфордском университете исследование рассматривает закономерности в языке, используемом в газетных статьях в период с 2006 по 2016 годы, и как они связаны с политическим контекстом Великобритании. Согласно полученным результатам, наблюдаются следующие тенденции: тенденция обвинять политиков в масштабах миграции в ЕС; резкое увеличение объема газетного освещения миграции с момента формирования возглавляемого консерваторами коалиционного правительства в 2010 г.; увеличение частоты обсуждения мигрантов из ЕС/Европы после 2013 г. с особым всплеском в 2014 г., когда мигранты из Румынии и Болгарии получили полный доступ к рынку труда в Великобритании [2].

Иммиграция, и особенно иммиграция в ЕС, явно стала ключевым фактором в решениях многих людей проголосовать за то, чтобы Великобритания покинула Европейский Союз. Но значительное увеличение освещения миграции из ЕС в средствах массовой информации в Великобритании показывает, что СМИ играли важную роль в обсуждениях отношений с ЕС.

В другом исследовании британская пресса была сопоставлена с сообщениями из других стран. Следует отметить, что в большинстве государств ЕС газеты, будь то левой или правой ориентации, как правило, сообщали об использовании одних и тех же источников. Они также описывали одни и те же темы и предоставляли аналогичные объяснения кризису и пути его решения.

Подходы британских СМИ к проблеме миграции отличались. В то время как *The Guardian* и, в меньшей степени, *The Daily Mirror*, освещали целый ряд гуманитарных тем, в которых выражалось сочувствие бедственному положению беженцев, правая пресса последовательно поддерживала жесткий подход в отношении беженцев и мигрантов.

Это отличие демонстрирует низкая доля статей, в которых представлены гуманитарные темы (*Daily Mail* 20,9 %, *The Sun* 7,1 %, в среднем по ЕС — 38,3 %), а также высокий процент статей, в которых подчеркивается угроза того, что беженцы и мигранты нагружают социальную систему Великобритании (*Daily Telegraph* — 15,8 %, *Daily Mail* — 41,9 %, *The Sun* — 26,2 %, по ЕС — 8,9 %).

В прессе ЕС негативные комментарии в отношении беженцев и мигрантов обычно исходят только от некоторых граждан в нескольких предложениях, или от крайне правых политиков, и эти комментарии часто оспариваются в статье журналистом или другим источником. В британской же правой прессе тема борьбы с беженцами и мигрантами постоянно подкрепляется точками зрения, отраженных в редакционных статьях и комментариях [4].

В условиях миграционного кризиса Великобритания финансировала лагерь беженцев в Сирии, оказывала помощь странам Африки, участвовала в программах переселения под эгидой УВКБ ООН. В то же время, государство отказалось участвовать в плане ЕС по распределению квот на иммигрантов.

Антииммиграционные настроения были присущи Соединенному Королевству еще до событий 2015 г. Европейский миграционный кризис лишь обострил уже существующие в британском обществе проблемы, перенеся вопросы иммиграции в сферу внешней политики.

В 2015 г. в политической сфере Великобритании наблюдается смещение акцентов с вынужденной миграции в сторону трудовой, которую призывали ограничить.

ЕС не оказывал давления на Великобританию в период Европейского миграционного кризиса. Государство само определяло форму и размер оказываемой помощи.

Если по вопросу членства в ЕС общественное мнение Великобритании было расколото, то по вопросу иммиграции британцы были солидарны и выступали за ее ограничение. Отрицательное отношение к иммигрантам отражается в увеличившемся количестве негативно освещающих миграцию публикаций. Тем не менее, оно было во многом субъективным и основывалось больше на личном восприятии, чем на фактах.

Во время, как в отношениях с ЕС основной задачей правительства в исследуемый период было сокращение количества трудовых мигрантов из стран союза и его реформирование в сфере миграционной политики, другие политические силы (в частности ПНСК) использовали антииммиграционные лозунги в качестве аргумента в пользу выхода Великобритании из ЕС. Иммиграция, в частности из ЕС, стала важным фактором в решениях многих избирателей проголосовать за то, чтобы Великобритания покинула Европейский союз.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андреева, Т. Н. Проблема ограничения трудовой миграции как основная причина Брексита / Т. Н. Андреева // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2017. — Т. 61, № 8. — С.57—66.

2. A Decade of Immigration in the British Press (Report) [Electronic resource] // The migration observatory at the University of Oxford. — Mode of access: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/reports/decade-immigration-british-press/>. — Date of access: 29.08.2018.

3. European Solidarity: A Refugee Relocation System [Electronic resource] // Official website of the European Union. — Mode of access: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/background-information/docs/2_eu_solidarity_a_refugee_relocation_system_en.pdf. — Date of access: 05.09.2018.

4. Press Coverage of the Refugee and Migrant Crisis in the EU: A Content Analysis of Five European Countries [Electronic resource] // The UN Refugee Agency. — Mode of access: <http://www.unhcr.org/56bb369c9.html>. — Date of access: 29.08.2018.

5. Syria refugees: UK government response [Electronic resource] // UK government official website. — Mode of access: <https://www.gov.uk/government/news/syria-refugees-uk-government-response>. — Date of access: 29.08.2018.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КИТАЯ В БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Сидорейко И. В., Белорусский государственный университет,
e-mail: ivansidi1@yandex.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Определена значимость проведения исследований политической системы Китая в Беларуси в контексте развития белорусско-китайских отношений, вышедших на уровень восторженного стратегического партнерства.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Китайская Народная Республика; восторженное стратегическое партнерство; индустриальный парк «Великий камень»; партийная система; научные исследования.

В сентябре 2018 г. Республику Беларусь посетил член постоянного комитета Политбюро ЦК Компартии КНР Чжао Лэцзи. Во время его встречи с Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко было обращено внимание на высокий уровень, которого достигли белорусско-китайские отношения, отмечено, что Беларусь и КНР связывает доверительное всестороннее стратегическое партнерство, договор об установлении которого был подписан 29 сентября 2016 г. За 25 лет, прошедших с момента установления дипломатических отношений объем белорусско-китайского товарооборота вырос почти в сто раз и достиг 3 млрд дол. США.

Главы государств ежегодно обмениваются визитами и проводят двусторонние встречи в ходе различных международных мероприятий. Одна из таких встреч состоялась в июне 2018 г. на полях Шанхайской организации сотрудничества. Ярким примером белорусско-китайского сотрудничества двух стран стал индустриальный парк «Великий камень», где в настоящее время зарегистрированы 37 резидентов, включая высокотехнологичные компании из КНР, Республики Беларусь, Российской Федерации, Австрии и ФРГ. Летом 2019 г. на базе парка планируется проведение глобального экономического форума.

Интерес белорусских аналитиков к политической системе КНР может быть обусловлен тем, что после распада СССР возникла естественная необходимость формирования политической системы Республики Беларусь с учетом тенденций, преобладающих в мире.

Современные Беларусь и Китай имеют заметные различия в характере политического устройства, в частности, — партийных систем. Так, по мнению директора института социологии НАН Республики Беларусь И. В. Котлярова, Республика Беларусь не является страной с развитой и стабильной партийной системой, что автоматически создает определенные трудности на пути артикуляции и агрегирования политических интересов граждан. Истоки слабости партийной системы Беларуси обусловлены недостатками организации политической власти, свойственными для государств бывшего Советского Союза. Как правило, властные отношения не выходят за рамки персоналий, конкретных личностей. Это борьба конкретных людей, а не политических идей. На президентских и парламентских выборах происходит состязание между отдельными политическими фигурами. Постсоветским государствам явно не хватает конкуренции политических идей, программ и команд [1, с. 4].

Опыт формирования политической системы Китая, обеспечивающей одновременно стабильность и развитие, крайне полезен для Беларуси, поэтому проведение сравнительных исследований в сфере трансформационной динамики политических систем Беларуси и Китая представляют научную и практическую значимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Котляров, И. В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И. В. Котляров. — Минск: ФУАинформ, 2009. — 320 с.

МАЁ «АДКРЫЦЦЁ» ЮНРРА: АБ СТАНЕ ДАСЛЕДАВАННЯЎ ТЭМАТЫКІ ўЗАЕМААДНОСІН БССР з ЮНРРА У БЕЛАРУСІ І ЗАМЕЖЖЫ

Снапкоўскі У. Е., *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,*
e-mail: ulsnar44@inbox.ru
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Раскрыты асаблівасці і метады даследавання праблемы дзейнасці ЮНРРА ў Беларусі ў 1945–1947 гг. Падрэслены асабісты ўклад аўтара ў вывучэнні адпаведнай праблематыкі. Абазначаны праблемы, якія яшчэ належыць раскрыць пры далейшым вывучэнні дзейнасці ЮНРРА ў Беларусі.

Ключавыя словы: БССР; ЮНРРА; метадалогія; крыніцы; архіўныя фонды; дакументы; гістарыяграфія.

У савецкія часы ЮНРРА лічылася падазронай ці нелаяльнай да СССР міжнароднай арганізацыяй, дзе ЗША і іншыя заходнія дзяржавы праводзілі рэакцыйную палітыку, імкнучыся падпарадкаваць краіны-атрымальнікі дапамогі (дзе савецкія рэспублікі, блізкія да СССР дзяржавы Усходняй Еўропы — Польшчу, Чэхаславакію, Югаславію, Албанію, як і іншыя еўрапейскія краіны) свайму палітычнаму і эканамічнаму ўплыву. Такія ацэнкі змяшчаліся ў артыкуле пра ЮНРРА ў першым выданні савецкага «Дыпламатычнага слоўніку» (1948 г.) пад рэдакцыяй сумнавядомага пракурора і дыпламата А. Вышынскага. У наступных выданнях слоўніку (50–80-я гг. XX ст.) пад рэдакцыяй міністра замежных спраў СССР А. Грамыкі гэтыя ацэнкі захаваліся з пэўнай доляй змяжчэння.

У савецкай гістарыяграфіі ЮНРРА не была спецыяльным прадметам даследавання. Паколькі гэта арганізацыя дзейнічала толькі на тэрыторыі Беларусі і Украіны, агульнасаюзныя навуковыя цэнтры ў Маскве яе не вывучалі, пакідаючы гэту рэспубліканскую тэму на водкуп украінскім і беларускім гісторыкам. На Украіне праблематыка міжнароднай і знешнепалітычнай дзейнасці УССР, як і іншых саюзных рэспублік, была найбольш распрацавана, а ўкраінскія гісторыкі і спецыялісты ў галіне міжнароднага права адрозніваліся больш смелымі навуковымі падыходамі і імкненнем да адрыцця новых тэм. Адною з такіх тэм стала пытанне аб дзейнасці ЮНРРА на Украіне, якое атрымала сваё адлюстраванне ў форме асобнага раздзела ў манаграфіі Л. Лешчанкі аб удзеле УССР у міжнародных адносінах у другой палове 1940-х гг. Паколькі характар адносін ЮНРРА з суседняй БССР быў шмат у чым падобны, то аўтар зразумела закранаў і беларускія сюжэты. Пасля Л. Лешчанкі юнраўская тэматыка пакрыху стала з’яўляцца на старонках абагульняючых прац украінскіх гісторыкаў. У БССР жа да самага канца савецкага перыяду гэта пытанне не знайшло свайго даследчыка. Аб гэтым аўтарам было сказана ў гістарыяграфічным аглядзе знешнепалітычнай дзейнасці БССР, зробленым у 1989 г.

Пасля таго як я выбраў тэмай сваёй доктарскай дысертацыі знешнепалітычную дзейнасць Беларускай ССР у 1944–1953 гг., адносіны па лініі БССР—ЮНРРА павінны былі знайсці ў ёй сваё належнае месца і яны гэта месца знайшлі. Праца над дысертацыяй у пачатку 1990-х гг. патрабавала новых падыходаў, перагляду старых трактовак і ацэнак, адкрыцця свежых тэм і забароненых іменаў, усяго таго, што атрымала назву «запаўнення белых плямаў у гістарыяграфіі». Адною

з такіх новых тэм, якія мне давлялося адкрываць, з'явілася дзейнасць ЮНРРА ў Беларусі ў 1945—1947 гг. Да яе я падыходзіў паступова, чытаючы ў Маскве і Мінску працы ўкраінскіх і замежных, заходніх аўтараў, прытым апошнія знаходзіліся ў спецхранах бібліятэк. Так стала вядома пра дзейнасць ЮНРРА на Украіне і Беларусі, а потым і ўвогуле пра гісторыю гэтай арганізацыі дзякуючы фундаментальнай трохтомнай працы пад рэдакцыяй Д. Вудбрайджа, дзе змяшчаецца асобны раздзел пра адносіны Адміністрацыі з дзвюма савецкімі рэспублікамі. У 1947 г. ЮНРРА выдала працу супрацоўніцы гістарычнай секцыі ЮНРРА М. Рэдмер «Эканамічнае аднаўленне ў Беларусі», з якой азнаёміўся ў форме мікрафільма ў Цэнтральнай навуковай бібліятэцы НАН Беларусі, прысланага з Масквы.

Пасля вывучэння літаратуры прыйшоў час архіўных даследаванняў, якія былі праведзены ў Партыйным архіве Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ. Пазней, як вядома, ён быў перададзены ў Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. У фондзе ЦК КПБ былі прагледжаны матэрыялы бюро і сакратарыята ЦК і знойдзена некалькі пастановаў ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР па пытаннях супрацоўніцтва з ЮНРРА. Увогуле матэрыялаў па гэтай тэме ў фондзе ЦК КПБ я знайшоў мала з прычыны як недастаткова глыбокай прапрацоўкі гэтага вялізнага фонда, так і таго, што працэс рассяжрэчвання толькі пачынаўся. У Навуковым архіве Інстытута расійскай гісторыі РАН было прагледжана дасье савецкай і замежнай прэсы па пытаннях міжнародных адносін, у тым ліку ўзаемаадносін СССР з ЮНРРА, і выяўлена шмат выразак з газет, асабліва англійскіх і амерыканскіх, па гэтай тэме. Толькі некаторыя з іх знайшлі адлюстраванне ў дысертацыі і пазнейшых публікацыях, што пакідае месца для далейшай працы над гэтай тэмай. Пасля рассяжрэчвання фонда Управления ЮНРРА ў НАРБ з яго некалькімі вопісамі і 330 справамі ў даследчыкаў зараз з'явілася выдатная магчымасць глыбокага і шырокага вывучэння дзейнасці ЮНРРА ў Беларусі, як і ў больш шырокім плане адносін СССР, УССР і БССР з гэтай арганізацыяй. Гэта магчымасць можа палепшыцца пры атрыманні доступу да Архіва МЗС Рэспублікі Беларусь (матэрыялаў сакратарыята, кантрольна-распараджальнай і справаздачнай дакументацыі), якія зараз не выдаюцца даследчыкам.

Яшчэ большыя перспектывы для архіўных пошукаў і знаходак адкрываюцца ў сталіцах замежных дзяржаў і Архіве ААН у Нью-Ёрку. У Маскве матэрыялы ЮНРРА знаходзяцца ў Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі (фонд Міністэрства знешняга гандлю СССР) і Архіве знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (фонд Аддзела міжнародных эканамічных арганізацый). У Кіеве яны размеркаваны паміж Цэнтральным дзяржаўным архівам МЗС Украіны, Цэнтральным дзяржаўным архівам грамадскіх аб'яднанняў Украіны і Цэнтральным дзяржаўным архівам вышэйшых органаў улады і кіравання Украіны. У Лондане асобныя справы па ўзаемаадносінах СССР—ЮНРРА знаходзяцца ў Нацыянальным архіве Вялікабрытаніі (фонд Форын Офіса), а аналітычныя матэрыялы па дзейнасці ЮНРРА ў Беларусі і Украіне і іншыя афіцыйныя публікацыі ў бібліятэцы Лонданскай школы эканомікі і палітычных навук, паколькі Еўрапейскае рэгіянальнае бюро Адміністрацыі размяшчалася ў Лондане і яго матэрыялы пазней былі перададзены ў Архіў жаночай бібліятэкі (*The*

Women's Library Archives) гэтай установы. З матэрыяламі шэрагу названых вышэй архіваў у Маскве, Кіеве і Лондане аўтар працаваў на месцы.

Але самы вялікі масіў юнраўскіх матэрыялаў знаходзіцца ў Архіве ААН у Нью-Ёрку, куды быў перададзены ўвесь архіў ЮНРРА. Вывучэнне вопісаў гэтага архіва праз Інтэрнет паказвае, што там змяшчаецца каля двух соцен спраў па тэме «Беларусь—ЮНРРА». Гэта ў прыватнасці фонды Беларускай місіі ЮНРРА, бюро і штаб-кватэры Адміністрацыі, офіса гісторыкаў (Office of the historians) і інш. У Бібліятэцы Калумбіўскага ўніверсітэта (Butler Library) знаходзіцца рукапісны фонд першага кіраўніка місіі ЮНРРА ў Мінску Р.Скандрэта.

Паглядзім цяпер на тое, што зроблена ў беларускай гістарыяграфіі ў галіне даследаванняў юнраўскай тэматыкі. Як было адзначана, пачаткам навуковага вывучэння гэтай праблемы адносіцца да першай паловы 1990-х гг. і звязаны ён з нашымі першымі публікацыямі. Пазней у манаграфіі аб знешнепалітычнай дзейнасці БССР у 1944—1953 гг. асобны раздзел быў прысвечаны дзейнасці ЮНРРА ў Беларусі. У пачатку 2000-х гг. артыкулы пра ЮНРРА з'явіліся ў беларускіх энцыклапедыях. У падручніках па гісторыі знешняй палітыкі Беларусі гэта пытанне таксама прадстаўлена як важная частка міжнароднай дапамогі нашай рэспубліцы ў пасляваенныя гады. Асобныя артыкулы па юнраўскай ці блізкай да яе тэматыцы апублікаваныя Г. П. Бушчык, В. А. Вялікай, І. А. Марцынкевіч, Ю. В. Кірчук.

На факультэце міжнародных адносін БДУ тэма «Дзейнасць ЮНРРА ў Беларусі» уваходзіць у спіс экзаменацыйных пытанняў па прадмету «Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі», а студэнты пішучь курсавыя і дыпломныя працы па гэтай тэме. У 2017 г. вучанцы 11-га класа сярэдняй школы № 130 г. Мінска імя Рут Уолер сталі пераможцамі рэспубліканскага конкурсу вучняў за даследаванне «Місія ООН—ЮНРРА в БССР (1946—1947 гг.)».

У зборніках дакументаў, апублікаваных ў Беларусі ў пачатку XXI ст., упершыню былі ўключаны архіўныя і іншыя матэрыялы аб дзейнасці ЮНРРА ў рэспубліцы. І калі ў выданні «Освобожденная Беларусь» такіх дакументаў налічвалася толькі тры, то ў зборніку «Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914—1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 4 (4 ліпеня 1944 г. — 25 жніўня 1991 г.)» змешчаны 23 дакумента аб дзейнасці ЮНРРА ў Беларусі ў 1945—1947 гг. з архіваў Беларусі, Вялікабрытаніі і Расіі і апублікаваных дакументаў знешняй палітыкі Вялікабрытаніі, ЗША і СССР.

Падсумоўваючы пытанне аб стане даследаванняў дзейнасці ЮНРРА і яе адносін з Савецкім Саюзам, адзначым, што яно атрымала пэўнае адлюстраванне ў беларускай навуковай, вучэбнай і энцыклапедычнай літаратуры. У апошнія гады ўзрасла цікавасць дыпламатычных колаў да дзейнасці ЮНРРА ў Беларусі. Аб гэтым сведчыць прысваенне імя Рут Уолер (супрацоўніцы місіі ЮНРРА, якая памерла ў Мінску) сярэдняй школе № 130 г. Мінска і адкрыццё памятнай дошкі аб дапамозе ААН у аднаўленні пасляваеннай Беларусі ў Лошыцкім усядзебным доме, дзе размяшчалася місія ЮНРРА.

Што датычыцца аўтарскага вопыту распрацоўкі гэтай тэмы, якую нам пашанцавала адкрываць, то да яе я ішоў праз вывучэнне англамоўнай, а потым украінскай літаратуры, пасля чаго прыйшоў час архіўнай працы,

чытання дакументаў і газет, перш за ўсё англійскіх і амерыканскіх, якія дастаткова шырока і падрабязна адлюстроўвалі дзейнасць ЮНРРА, у тым ліку ў Беларусі і Украіне. Гэта паказвае пэўны метадалагічны шлях, як адчыняць дзверы ў даследаванні новых тэм па гісторыі міжнародных адносін і знешнепалітычнай дзейнасці Беларусі ў XX ст.

Маё адкрыццё ЮНРРА адбылося пасля прачытання ў спецхранах Масквы кніг па навейшай гісторыі Украіны на англійскай мове, дзе ўпершыню даведаўся пра дапамогу гэтай арганізацыі УССР і БССР. Далей па спасылках у гэтых кнігах выйшаў на трохтомную гісторыю ЮНРРА пад рэдакцыяй Д. Вудбрайджа, дзе даволі падрабязна выкладзена праца арганізацыі ў дзвюх савецкіх рэспубліках і змешчаны тэкст пагаднення Адміністрацыі з урадамі рэспублік. Потым ішло паглыбленне ў тэматыку і назапашванне канкрэтна-гістарычнага матэрыялу і нарэшце яго апрацоўка і напісанне тэксту. Наступны этап — апрацаваныя вынікаў даследавання, публікацыя артыкулаў, выступленні на канферэнцыях. На маім вопыце можна заўважыць, што беларускія гісторыкі спазніліся з вывучэннем ЮНРРА ў параўнанні з украінскімі: кніга Л. Лешчанкі апублікавана ў 1969 г., а нашы першыя публікацыі выйшлі ў 1993—1994 гг. Аднак потым назіраецца ўзрастанне навуковай і грамадскай цікавасці ў Беларусі да гэтай тэмы, ЮНРРА прызнаецца беларускімі ўладамі як важная міжнародная арганізацыя дапамогі, якая садзейнічала эканамічнаму аднаўленню рэспублікі ў цяжкія пасляваенныя гады. Гэта адкрывае перспектывы далейшых даследаванняў тэмы «Беларусь—ЮНРРА» на падставе Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і замежных архіваў.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ МОНГОЛИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Степаненко Д. В., Турарбекова Р. М., *Белорусский государственный университет,*
e-mail: darya.stepanenko@gmail.com, turarbekova@tut.by
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Оцениваются основные результаты и значимость проведения исследований в области внешней политики Монголии в Республике Беларусь и Российской Федерации. Обращается внимание на неразработанность монгольского контента в белорусской историографии.

Ключевые слова: *Монголия; Республика Беларусь; Российская Федерация; историография; приоритет.*

Ранее монгольская тематика в белорусской историографии не рассматривалась, поскольку Монголия не включалась в число важных направлений внешней политики Республики Беларусь, несмотря на значительный интерес отечественных ученых к центральноазиатскому региону. В белорусской историографии отсутствуют как прикладные, так и теоретические научные работы по данной проблематике. Таким образом, новизна исследований внешней политики Монголии для белорусской историографии бесспорна.

В России, которая имеет с Монголией общую границу, проводятся исследования, раскрывающие особенности монгольской внешней политики. Среди них можно отметить в первую очередь работы видных российских востоковедов С. Г. Лузянина и А. С. Железнякова. За-

щищенная в 2009 г. кандидатская диссертация В. Б. Базарова на тему «Внешняя политика Монголии (конец 1980-х—2000-е гг.)» является единственной фундаментальной научной работой, в которой рассмотрены все основные направления внешней политики этой страны. В указанной диссертации, а также в сопутствующих научных публикациях В. Б. Базаров делает акцент на политическом и экономическом аспектах во взаимодействии Монголии с ее внешнеполитическими партнерами, детально рассматривая их фактологию.

В российской научной периодике имеются публикации, охватывающие политические, экономические и культурно-гуманитарные аспекты внешней политики Монголии. Попытки проведения исследований вышеобозначенной тематики осуществляются учеными-международниками регионов, граничащих с Монголией.

Западные ученые, чьи научные труды характеризуются спецификой методологического подхода, наделяют их более цельным концептуальным осмыслением, что отличает их от работ российских авторов. Среди них выделяются авторитетный американский монголовед А. Кэмпбелл, а также автор диссертации 2010 г. «*Mongolian State Weakness, Foreign Policy, and Dependency on the People's Republic of China*» британский исследователь Дж. Ривз.

Работы монгольских и китайских авторов труднодоступны, поскольку публикуются на монгольском и китайском языках.

В целом, внешняя политика Монголии является малоизученной, а научных работ на данную тему немного. На наш взгляд, недостаточность изученности внешней политики Монголии иностранными исследователями становится ясна, если принять во внимание схожесть положения Беларуси и Монголии. В частности, оба государства, обретя независимость в начале 1990-х гг., до сих пор находятся в процессе постсоциалистического транзита и национального строительства. Как в Беларуси, так и в Монголии, если и не отсутствует национальный «кризис идентичности», то регулярно возникают вопросы, связанные с национальной идентичностью, пусть и не всегда схожие по своей сути.

И, конечно, обе страны «зажаты» между несопоставимо более крупными политическими игроками: Беларусь с Европейским союзом и Россией, а Монголия — с Россией и Китаем. В этих обстоятельствах оба государства стремятся проводить многовекторную внешнюю политику. Монгольские политические элиты смогли оформить потребность внешнеполитической диверсификации и вывести так называемую концепцию «третьего соседа», рассмотрение которой представляет несомненный интерес как для теоретической науки, так и для прикладного поля внешней политики Республики Беларусь.

Монголия, в отличие от многих стран своего региона, не имеет механизмов «мягкой силы», направленных на собственную популяризацию за рубежом. Более того, в Беларуси отсутствует посольство Монголии, а послы этой страны традиционно аккредитуются по совместительству в Российской Федерации. В настоящее время в Беларуси действует лишь консульский пункт Монголии, возникший в Бресте в 2004 г. и перемещенный в Минск в 2012 г.

Ярким примером неочевидности значимости монгольского направления во внешней политике Беларуси стал несостоявшийся визит в Монголию главы белорусского государства, несмотря на то, что ин-

формация о возможности такого визита распространялась в СМИ еще в 2016 г. Можно предположить, что визит в Монголию не состоялся из-за отсутствия убедительной аргументации относительно целесообразность активизации сотрудничества с этой страной.

В настоящее время в отношениях двух государств обозначилась положительная динамика. Так, в июне 2018 г. состоялся визит министра иностранных дел Монголии в Минск, а несколькими неделями позже президенты Беларуси и Монголии провели встречу на полях саммита ШОС в Циндао. Белорусско-монгольский товарооборот в 2017 г. увеличился на 37 % по сравнению с 2016 г. Белорусская сторона декларирует намерение активно развивать двустороннее сотрудничество. В свою очередь, руководство Монголии подчеркивает необходимость заключения таможенного соглашения между двумя странами. В 2019 г. предполагается открытие посольства Монголии в Минске.

Учитывая обозначенную тенденцию, можно говорить о назревшей необходимости расширения монгольских исследований в Беларуси.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ТАЙВАНЯ (2016—2018 гг.)

*Сунь Цзюньфэн, Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассматриваются вопросы определения дипломатического статуса Тайваня в 2016—2018 гг. Обращено внимание на сокращение количества стран, поддерживающих с Тайванем дипломатические отношения, что свидетельствует о растущей международной изоляции тайваньского режима.

***Ключевые слова:** Тайвань; дипломатические отношения; «Консенсус 1992 г.»; Демократическая прогрессивная партия Тайваня; США.*

Современный дипломатический статус Тайваня определяется его правовой принадлежностью к территории Китая, которая признается международным сообществом, включая Республику Беларусь. На протяжении послевоенной истории Тайваня его статус не подвергался сомнению и определялся стремлением правящей партии Гоминьдан сохранять тесные связи с континентальным Китаем, откуда ее руководство вынуждено было эвакуироваться после поражения в гражданской войне в 1949 г.

Ситуация заметно изменилась после проведения на Тайване очередных всеобщих выборов, которые прошли 16 января 2016 г. и завершились победой главной оппозиционной силы — Демократической прогрессивной партии, которая получила контроль над исполнительной и законодательной властями Тайваня. Третья по счету смена власти в истории острова вызвала обострение дискуссии относительно дипломатического статуса Тайваня, так как в отличие от Гоминьдана Демократическая прогрессивная партия выступала за независимость острова и отказывалась признавать положения ключевого правового документа — «Консенсуса 1992 г.», который определял принципы взаимодействия правительств КНР и Тайваня. Они опирались на безусловное признание острова неотъемлемой и безусловной частью территории Китая.

В результате неизбежного ухудшения отношений между правительствами КНР и Тайваня перед многими международными партнерами острова — государствами, расположенными в различных регионах

мира, встал вопрос: каким образом им следует реагировать на усиление противоречий между ними. Выбор ряда стран был очевиден. Эти государства прекратили поддерживать дипломатические отношения с Тайванем и установили их с КНР, что стало очередным свидетельством усиления позиций Китайской Народной Республики в мировой политике в начале XXI в.

21 декабря 2016 г. дипломатические отношения с Тайванем разорвало правительство Сан-Томе и Принсипи, 13 июня 2016 г. — Панамы, 1 мая 2018 г. — Доминики, 24 мая 2018 г. — Буркина-Фасо, 21 августа 2018 г. — Сальвадора. Таким образом, число государств, признающих независимость Тайваня, к осени 2018 г. сократилось до 17. Это заметно сузило дипломатические возможности администрации президента Цай Инвэнь, которая столкнулась с нарастающей изоляцией Тайваня на фоне усиления поддержки КНР со стороны абсолютного большинства стран мира.

Тем не менее, реальный политический потенциал Тайваня, как и его современный дипломатический статус, определяется, прежде всего, характером американо-китайских отношений. Администрация Д. Трампа значительно усилила поддержку правительства Тайваня, в том числе путем расширения военных поставок. Кроме этого, США отреагировали на разрыв отдельными государствами дипломатических отношений с Тайванем и в качестве жеста солидарности с ним объявили 7 сентября 2018 г. об отзыве американских послов из Панамы, Доминики и Сальвадора. Это укладывалось в русло многочисленных заявлений президента Д. Трампа, направленных против внешнеполитического курса КНР и на реализацию долгосрочной стратегии по сдерживанию Китая.

Отношения США с тайваньским правительством по-прежнему регулируются «Законом о взаимоотношениях с Тайванем» (*Taiwan Relations Act, TRA*), на основании которого действует «Американский институт на Тайване» (*American Institute in Taiwan; AIT*), осуществляющий текущее политическое и экономическое взаимодействие США с островом с учетом ключевого военно-стратегического значения Тайваня для американских интересов в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Тихомиров А. В., *Белорусский государственный университет,*
e-mail: tihomirou@list.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье рассматриваются основные формы и особенности информационного обеспечения внешнеполитической деятельности Республики Беларусь в контексте формирования и развития белорусской государственности в 1990-х — 2010-х гг.

Ключевые слова: *Республика Беларусь; внешняя политика; информация; средства массовой информации; Государственная программа информационного обеспечения внешнеполитической деятельности; дипломатия.*

Проблематика, связанная с информационным обеспечением внешней политики Республики Беларусь, не получила полноценного отражения в научных исследованиях. Зарубежных исследователей она не привлекала, а в Беларуси единственным исследованием подобно-

го рода стала статья В. Г. Шадурского, опубликованная в журнале «Беларуская думка» в 2009 г. [1]. Между тем она представляется актуальной, поскольку восприятие международным сообществом действий белорусского государства во многом предопределяется его умением донести свою точку зрения до внешних контрагентов и способностью адекватно оценить суть событий, происходящих в мировой политике и экономике.

Объектом научного исследования в данной статье является внешняя политика Республики Беларусь, а предметом — информационное обеспечение внешнеполитической активности белорусского государства после его выхода на мировую арену в качестве самостоятельного актора.

Следует отметить, что начало информированию международного сообщества о намерениях и возможностях независимой Республики Беларусь было положено осенью 1991 г., еще до того как Республика Беларусь получила полноценное международное признание. Первым документом, в котором излагались принципы деятельности белорусского государства на международной арене в новых условиях, стало заявление Верховного Совета Республики Беларусь, обнародованное в сентябре 1991 г.

На первых порах активную работу по информированию мировой общественности осуществляло Министерство иностранных дел Беларуси, руководителем которого с лета 1990 г. являлся П. Кравченко. 26 октября 1991 г. в своем выступлении на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН глава белорусского внешнеполитического ведомства впервые обосновал закономерность возникновения белорусской государственности и изложил систему приоритетов республики в сфере внешнеполитической деятельности. К таковым были отнесены:

а) достижение Беларусью реальной независимости и суверенитета, нежелание «быть тенью своих соседей» и «разменной монетой в большой европейской игре»;

б) взаимодействие с другими республиками СССР в создании единого экономического пространства и нового союза суверенных государств;

в) мобилизация международной поддержки в решении чернобыльской проблемы;

г) превращение Беларуси в безъядерное и нейтральное государство;

д) включение Беларуси в общеевропейский процесс;

е) создание условий для формирования рыночной экономики;

ж) обеспечение экологической безопасности;

з) обеспечение свободного взаимодействия культур [2, с. 278—283].

После признания независимости Беларуси ведущими государствами мира в конце 1991 — 1992 гг. внешняя информационная политика стала неотъемлемой частью внешней политики белорусского государства. Она вбирала в себя два компонента:

а) информацию о принципах деятельности белорусского государства и его внешней политике, целях и возможностях Беларуси на мировой арене (информационный контент);

б) способы (каналы) распространения информации о Беларуси в мире.

Первоначально белорусское руководство акцентировало внимание на закономерности выхода белорусского государства на мировую арену в качестве независимого субъекта международных отношений. В на-

чале 1990-х гг. использовался тезис о несправедливости существующих границ Республики Беларусь (из-за этого возникали коллизии с поляками, литовцами и китайцами). Достаточно четко артикулировалось стремление избавиться от ядерного оружия и не вмешиваться в конфликты на пространстве СССР (в 1992 г. Беларусь не присоединилась к системе коллективной безопасности, созданной в Ташкенте, и сделала это лишь в конце 1993 г.). Много внимания уделялось чернобыльской проблематике (эта тема в первой половине 1990-х гг. стала одной из центральных в деятельности белорусской дипломатии). Выражалось стремление изменить характер внешних экономических связей. Много внимания уделялось внешней культурной политике, ознакомлению мирового сообщества с особенностями цивилизационно-культурного развития Беларуси, был поставлен вопрос о возвращении в Беларусь культурных ценностей, вывезенных в XX веке за пределы Беларуси (ре-ституции).

Однако в белорусском обществе не наблюдалось единства относительно региональных внешнеполитических приоритетов. В то время как П. Кравченко рассматривал Беларусь в качестве «моста» между Востоком и Западом, Председатель Верховного Совета С. Шушкевич, в целом поддерживая идею такого «моста», обратил внимание на то, что по своему географическому положению Беларусь не является уникальной [3, с. 17]. Глава белорусского правительства В. Кебич отдавал предпочтение «особым» отношениям с Россией, соглашаясь даже на создание конфедерации с восточным соседом [4]. Оппозиция БНФ, напротив, призывала дистанцироваться от России и создавать Балтийско-Черноморский союз в пику России, Германии и Польше [5; 6]. Любопытно, что ни одна политическая сила в начале 1990-х гг. не выступала за интеграцию Беларуси в ЕС (не говоря уже об интеграции в НАТО).

Пришедший к власти в 1994 г. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко сориентировал белорусскую дипломатию на осуществление прагматичной политики. В 1996 г. он впервые заявил о многовекторности как одном из базовых принципов внешней политики Беларуси [7, с. 4]. В том же году руководство Беларуси выступило с инициативой о создании безъядерного пространства в Центральной и Восточной Европе, а в 1997 г. предложило создать «пояс добрососедства» возле границ белорусского государства (в апреле 1999 г. соответствующее предложение было сформулирована как конкретная задача белорусской дипломатии). Со второй половины 1990-х гг. белорусская дипломатия стала наращивать контакты с государствами Азии, Африки и Латинской Америки («дальней дуги»). Однако в это же время во внешней политике Республики Беларусь существенно повысилась значимость восточного (российского) вектора и снизилась значимость западного вектора.

В 2001—2002 гг. белорусское руководство сфокусировало внимание на незыблительности суверенитета белорусского государства. Ряд важных внешнеполитических постулатов был сформулирован Главой белорусского государства на встрече с белорусскими дипломатами в июле 2004 г. (европейская основа, балансирование между основными центрами силы, внешнеэкономическая экспансия) [8]. В 2011 г. было уточнено понятие «многовекторности» и введено в активный оборот понятие «интеграция интеграций» (в широком смысле этого слова). В 2014 г.

белорусская сторона заявила, что не намерена вовлекаться в конфликт между Россией и странами «коллективного Запада» и отдает предпочтение сохранению статуса регионального «донора стабильности» [9; 10]. Белорусское руководство не отказывалось от участия в интеграционных объединениях, но во главу угла при этом ставило сохранение суверенного статуса (временами такой подход порождал конфликты интересов с другими участниками интеграционных объединений).

Первоначально ключевую роль в информировании мировой общественности о Беларуси играл белорусский МИД. В марте 1991 г. при МИД БССР был образован Информационно-коммерческий центр (на правах малого предприятия), 11 февраля 1992 г. Информационно-коммерческий центр был переименован в Информационный центр при МИД Республики Беларусь, а его полномочия расширены [11, с. 89].

Распространение информации о Беларуси осуществлялось во время визитов в Беларусь и за ее пределы представителями государственных органов власти и управления, вменялось в обязанность сотрудникам зарубежных дипломатических миссий Беларуси. Значительный вклад в осуществление пиар-акций внес лично П. Кравченко. Однако слабым местом внешней информационной деятельности являлась недостаточная координация действий с представителями бизнеса, партии и движениями, общественными организациями. Практически не использовались возможности общественной дипломатии.

В 1998 г. белорусское правительство утвердило первую Государственную программу информационного обеспечения внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности на 1999 г. С этого момента информационное обеспечение внешней политики Беларуси стало осуществляться на системном уровне. Основными компонентами этого процесса стали рекламно-информационные издания (в печатном и цифровом виде на русском, английском и немецком языках), выпуск памятных марок, подготовка видеороликов, видео- и фонотек, информационных баз данных для размещения в Интернете. До 2006 г. соответствующие Государственные программы принимались ежегодно. В июне 2006 г. Совет министров Республики разработал Государственную программу информационного обеспечения внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности республики, рассчитанную на 2006—2010 гг. В июне 2011 г. правительство подготовило и утвердило еще одну Государственную программу (на 2011—2015 гг.), но в условиях нарастания кризисных явлений в белорусской экономике она осуществлена не была и в последующие годы правительство отказалось от разработки подобных программ.

В 2000-х — 2010-х гг. ведущую роль при подготовке необходимых информационных материалов играло Министерство иностранных дел Республики Беларусь. При содействии внешнеполитического ведомства функционировал сайт «Беларусь. Факты», содержащий базовые сведения о Беларуси. Также Министерство имело свой сайт в Интернете, который функционировал на белорусском, русском и английском языках (специализированные сайты имели и диппредставительства Беларуси за рубежом) и завело странички в соцсетях (*Twitter*, *You Tube*, *Facebook*, *Instagram*, *Periscope*, до апреля 2017 г. — *ВКонтакте*). Информация о Беларуси распространялась на пресс-конференциях и брифингах, которые МИД проводил для отечественных и зарубежных СМИ.

Информационная работа с зарубежной аудиторией стала неотъемлемой частью деятельности белорусских диппредставительств. Белорусские дипломаты оказывали содействие в проведении форумов, выставок, контактно-кооперационных бирж с участием представителей белорусских деловых кругов (встречи по экономическим вопросам сочетались с проведением культурных мероприятий).

Помимо МИД в информировании зарубежной общественности принимали участие Министерство спорта и туризма, Министерство статистики и анализа, Министерство информации, Министерство транспорта, Министерство экономики, Уполномоченный по делам религий и национальностей.

В значительной мере информирование зарубежной общественности о целях и возможностях Беларуси осуществлялось в ходе визитов Президента Республики Беларусь, других высших должностных лиц Беларуси, выезда за рубеж правительственных и парламентских делегаций Республики Беларусь. Новаторской формой общения стало проведение встреч Президента Республики Беларусь с представителями региональных СМИ (наиболее активно такая форма общения использовалась со СМИ России, хотя последняя встреча подобного рода была проведена в ноябре 2016 г.). В 2008—2009 гг. для улучшения белорусского имиджа на Западе были использованы услуги британского пиар-агентства *Bell Potinger*, но эта практика в дальнейшем не использовалась.

Вопросы политики, экономики и культуры Беларуси находили отражение в публикациях ведущих информационных агентств Республики Беларусь: Белорусского телеграфного агентства (БЕЛТА), Белорусского частного агентства новостей (БелаПАН), Белорусских порталов *TUT.BY* и *21.BY*, Агентства финансовых новостей (АФН). Специалистами БЕЛТА был разработан и поддерживался специальный сайт *Belarus.by*, который функционировал на белорусском, русском, английском и китайском языках (в будущем количество языковых версий планируется расширить).

Активное участие в распространении информации о Беларуси за рубежом принимали Белтелерадиокомпания и некоторые белорусские СМИ («Советская Белоруссия», «Рэспубліка», «Голас радзімы»). В 2005 г. было положено начало вещанию международного спутникового телеканала «Беларусь-ТВ».

Благодаря предпринятым мерам Беларусь стала более узнаваемой в мире. Однако проблема заключалась в том, что узнаваемой она становилась преимущественно среди зарубежных экспертов, а в массовом сознании продолжала оставаться таинственным «белым пятном». Не последнюю роль в негативном восприятии Беларуси за ее пределами сыграли односторонняя подача материалов ведущими медиакомпаниями Запада, которые на протяжении длительного времени формировали образ Беларуси исключительно как «последней диктатуры в восточной части Европы» (отход от этой установки наметился лишь в 2014 г.), а также присутствие Беларуси преимущественно в русскоязычном сегменте «мировой паутины». Во втором десятилетии XXI в. информационное давление на Беларусь и ее руководство стали оказывать некоторые российские СМИ (преимущественно расположенные в Москве), трактовавшие политику белорусского руководства как действия, направленные против интересов России.

К концу 2010-х гг. очевидной стала проблема наполнения белорусского информационного контента. Официальные трактовки не содержат внятного ответа на вопрос о перспективах развития белорусской государственности, основных направлениях политических и социально-экономической трансформации, позиционирования Беларуси в мире (примечательно, что с официального портала Президента Республики Беларусь была изъята информация об истории формирования белорусского государства, а сайт МИД ограничился предельно кратким изложением информации о землях-княжествах, ВКЛ и БССР). Сохраняется проблема координации деятельности между государственными структурами Республики Беларусь и белорусской общественностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шадурскі, В. Г. Каб ведалі і паважалі: даследаванне праблемы фарміравання вобраза Беларусі ў замежных краінах / В. Г. Шадурскі // Беларус. думка. — 2009. — № 3. — С. 18—23.
2. Кравченко, П. К. Беларусь на переломе: дипломатический прорыв в мир. Выступления, статьи, интервью, беседы, дипломатические документы и переписка: учеб.-метод. пособие / П. К. Кравченко. — Минск: БИП-С Плюс, 2009. — 636 с.
3. Станіслаў Шушкевич: «...Абсолютного суверенитета не бывает» / С. Шушкевич // Нёман. — 1993. — № 6. — С. 15—18.
4. Иванов, И. Через сотрудничество — к подлинной дружбе / И. Иванов // Народная газета. — 1992. — 22 липня. — С. 1.
5. Паведамленне Апазіцыі БНФ у Вярхоўным Савеце Беларусі аб палітыцы ўрада // Народная газета. — 1992. — 11 жніўня. — С. 2.
6. Пазыняк, З. Беларусь. Расія. СНД / З. Пазыняк // Народная газета. — 1993. — 14 студзеня. — С. 2.
7. Лукашенко, А. Г. Только народ вправе решать свою судьбу: Выступление Президента Республики Беларусь на I Всебелорусском собрании, 19 окт. 1996 г. / А. Г. Лукашенко // Рэспубліка. — 1996. — 20 кастр. — С. 2—5.
8. Лукашенко, А. Г. Выступление Президента Республики Беларусь А. Лукашенко на совещании с руководителями белорусских дипломатических представительств «Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире» / А. Г. Лукашенко // Веснік Міністэрства замежных спраў. — 2004. — №3. — С. 35—52.
9. Лукашенко, А. Г. Послание Президента белорусскому народу и национальному собранию, 22 апр. 2014 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhгодnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549. — Дата доступа: 22.04.2014.
10. Лукашенко, А. Г. Обращение с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию, 21 апр. 2016 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-21-aprelja-obratitsja-s-ezhгодnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-13517. — Дата доступа: 21.04.2016.
11. Улахович, В. Е. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь (1991—2005 гг.) / В. Е. Улахович. — Минск: Харвест, 2009. — 352 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ МОНГОЛИИ В 1991—2017 гг.

*Тунлага, Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В данной статье рассматриваются проблемы формирования внешней политики Монголии. В конце 1990-х гг., по ряду причин Монголия стала следовать национальным интересам, чтобы сформировать принципы внешней политики, такие как «неприсое-

динение, равноудаленность, многовекторность». Кроме того Монголия была вынуждена лавировать между Россией и Китаем. В нынешних условиях Монголия вынуждена ориентироваться на Китай и Россию, но при этом она придерживается установки «третьей ведущей страны». В качестве основных противобесов Китая и России официальный Улан-Батор рассматривал Соединенные Штаты Америки, Японию, Южную Корею и страны Европейского союза.

Ключевые слова: Монголия; внешняя политика; принципы внешней политики; «третья ведущая страна».

В начале 1990-х гг., с распадом Советского Союза, международное сообщество претерпело глубокие изменения. Монголия вошла в новую эру реформ и открытости, отказавшись от многолетней тенденциозной политики. Это связано с геополитическими факторами, мировыми экологическими изменениями, развитием Монголии и переориентацией на национальные интересы.

С начала 1990-х гг. в Монголии осуществлялась переориентация внешней политики. В 1994 г. Монгольский национальный хурал проголосовал за принятие новой программы внешней политики, призванной содействовать открытости, неприсоединению и многовекторности во внешней политике. Политика обеспечения независимости Монголии явилась основной целью отказа от следования в фарватере политики СССР.

Одновременно с двумя основными соседними странами на севере и юге Монголия развивала отношения с остальным миром. Хотя концепция «третьей соседней страны» явно не фигурирует в официальных документах Монголии, законодательство страны предусматривает легитимность развития дипломатических отношений с другими странами мира.

Согласно Конституции Монголии, принятой в январе 1992 г., прежнее название страны, используемое с 1924 г. — Монгольская Народная Республика, было изменено на Монголию. Также Основной закон уточнил направление социального развития страны: переход от социалистического режима к демократии западного образца, переход от обязательной плановой экономики к контрактной рыночной экономике, внешняя политика также вступила в период адаптации к «односторонней» политике. Первый Великий государственный хурал Монголии принял Резолюцию № 56 «Концепция внешней политики Монголии». С завершением холодной войны произошло обращение к бывшим республикам СССР, сфера действия ограничивалась внешней политикой социалистического лагеря, затем формально установились сбалансированные отношения с Китаем и Россией. В то же время принятие документа способствовало многовекторной разносторонней внешней политике, в ракурсе сотрудничества с такими крупными странами, как США и Япония, а также с другими государствами и международными организациями. После пяти лет перехода и адаптации, к началу XXI в. внешняя политика Монголии в основном была сформирована и способствовала восстановлению национальной мощи страны и расширению иностранных инвестиций в ее экономику.

Исторический путь и развитие Монголии в основном определяли Китай и Россия. Выбор политического курса Монголии очень ограничен: существование в виде буфера между Китаем и Россией, либо присоединение к одному из полюсов и конфронтация со вторым. Монголия после распада СССР и биполярной системы международных отно-

шений, проводит внешнюю политику «многоплановой поддержки» и добрососедского сотрудничества в условиях полной открытости, представляя третью силу, призванную сбалансировать китайское и российское влияние.

Таким образом, государство выступает опорой национального развития. Противостояние Российской Империи, а затем СССР с Китаем и политика «разностороннего партнерства» стран Запада под руководством США привели к подчинению Монголии. Эти государства действовали в соответствии с собственными стратегическими интересами в Евразии. Налаживание партнерских отношений с северным соседом представляет проблему, а с южным — открывает новые возможности.

Монголия расположена между Китаем и Россией, геостратегическая ценность ее местоположения оказывает огромное влияние на китайско-российскую безопасность.

Становясь центром пересечения интересов мировых держав. Монголия получила широкое признание со стороны международного сообщества и значительную поддержку, социальные преобразования проходят плавно, социальная экономика возобновила развитие, а международный авторитет страны продолжает расти.

Многовекторная внешняя политика положительным образом сказалась на международном статусе Монголии, поспособствовала экономическим и политическим преобразованиям. В то же время она поспособствовала стабильности и развитию в Северо-Восточной Азии и оказала позитивное влияние на здоровое развитие монголо-китайских и монголо-российских добрососедских отношений.

Монгольское государство осуществляет преобразования в условиях беспрецедентного расширения внешних связей, его международный имидж улучшился. Монгольская дипломатия создает благоприятные внешние условия для укрепления и развития страны.

В то же время Монголия — это небольшое государство, и ее внешняя политика должна исходить из этого обстоятельства. Дипломатические отношения Монголии с другими государствами всегда отличались относительной простотой, но представляли важную стратегию. Будучи небольшой страной в Северо-Восточной Азии, Монголия существует в геополитическом пространстве между Китаем и Россией и всегда находилась под угрозой военного вторжения со стороны этих государств. Поэтому поиск путей сдерживания двух соседей необходим для обеспечения выживания и безопасности монгольского государства.

Суть дипломатии так называемых «третьих соседних стран» заключается в том, чтобы сбалансировать отношения с Китаем и Россией с помощью США, Японии и других западных стран, чтобы в большей степени обеспечить собственный суверенитет и безопасность. Понятие «третьего соседа» пришло с подачи госсекретаря США Дж. Бейкера, который в июле 1990 г. предложил помощь Монголии в качестве «третьей страны». Его аргументы заключались в следующем: «У Монголии есть два дружественных соседа, если нужен третий, Соединенные Штаты будут рады играть его роль».

В настоящее время Монголия должна применить исторический опыт в качестве практического урока и полностью оторваться от каких-либо альянсов и проводить политику с опорой на собственное независимое развитие.

Международная политика всегда была неотъемлемой составляющей политики крупных государств. Но в условиях многополярности, глобализации и демократизации международных отношений повысилась стратегическая значимость и влияние «малых» стран.

ИЗУЧЕНИЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Фрольцов В. В., *Белорусский государственный университет,*
e-mail: vlad_froltsov@rambler.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выделены основные этапы и дана оценка результатов изучения теории международных отношений в Республике Беларусь

Ключевые слова: *Республика Беларусь; теория международных отношений; концепция; методика.*

Обретение Республикой Беларусь независимости в 1991 г. обусловило формирование национальной школы изучения международных отношений и внешней политики Республики Беларусь на базе профильных высших учебных заведений и ведущих академических центров нашего государства. В основу этого процесса были положены достижения политических, исторических, экономических и правовых наук, накопленные как советскими учеными—международниками, так и их зарубежными коллегами. Одной из наиболее важных из них является теория международных отношений, которая призвана дать системное и научно обоснованное объяснение основным характеристикам и ключевым особенностям современной системы международных отношений, ее структурных элементов и трансформации под воздействием различных внутренних и внешних факторов.

Стремительный распад СССР, появление новых независимых государств в Восточной Европе и Северной Евразии, иные крупномасштабные геополитические изменения, вызванные завершением «холодной войны» и биполярного противостояния, поставили перед белорусскими исследователями—международниками целый ряд важных научных задач, среди которых следует выделить такие как:

— определение места и роли Республики Беларусь в региональной и мировой политике и экономике с учетом эволюции их характера и структуры в результате процессов глобализации, региональной интеграции, а также дезинтеграции и фрагментации международных отношений, которые носят параллельный и взаимозависимый характер;

— выработка современных подходов к определению субъекта международных отношений в условиях фактического распада многих государств, укрепления наднациональных интеграционных центров, появления значительного количества самопровозглашенных государственных образований, в том числе на территории бывшего Советского Союза;

— комплексная оценка и характеристика новой конфигурации системы международных отношений, которая сложилась в результате исчезновения СССР и советского блока государств на фоне увеличения количества и усиления различных негосударственных субъектов;

— выявление наиболее типичных форм взаимосвязи и взаимозависимости трансформации международных отношений и мировой экономики в контексте сложного и многоаспектного характера переплетения

политических и экономических интересов различных субъектов и их групп, которые оказывали также влияние на эволюцию системы международного права и принципы его применения;

— раскрытие специфики международных конфликтов на современном этапе с учетом особенностей пост-биполярного мирового порядка и усиления роли таких факторов, как этнические и конфессиональные противоречия, трансграничный характер взаимодействия различных социальных групп и общностей, усиливающееся влияние глобализации на внутреннюю политику, национальную экономику, социальную стабильность государств.

Для становления белорусской школы изучения теории международных отношений, к числу основателей которой следует, безусловно, отнести таких известных представителей исторических и политических наук, как профессора А. М. Байчоров, А. А. Розанов, В. Е. Снапковский, А. А. Челядинский, М. Э. Чесновский, В. Г. Шадурский, были характерны три основных этапа. Они отличались особым вниманием этих и многих других белорусских исследователей к различным аспектам проблемного поля теории международных отношений, которое отражало общие закономерности и тенденции глобального развития в конце XX — начале XXI вв.

В ходе **первого этапа**, который охватывал 1990-е гг., наиболее значимой научной задачей для белорусских исследователей—международников стали определение и всесторонняя характеристика места и роли Республики Беларусь как независимого государства в новой конфигурации международных отношений в Европе и мире. Большое внимание в работах белорусских авторов уделялось таким важным аспектам, как геополитические предпосылки формирования внешнеполитических и внешнеэкономических интересов Беларуси, выделение приоритетных и менее значимых направлений ее внешней политики, выработка рекомендаций для выстраивания отношений с ключевыми международными партнерами в нашем регионе и за его пределами. Научно-методические рекомендации белорусских исследователей касались, прежде всего, концептуальных основ выстраивания отношений с такими государствами, как Россия, Польша, США, Германия и другие страны Западной Европы, Китая.

На протяжении **второго этапа**, который был озаглавлен наступлением нынешнего столетия, а также появлением новых глобальных рисков и угроз и продлился до середины 2010-х гг., белорусские ученые-международники стали уделять больше внимания комплексному анализу и научной характеристике важнейших тенденций мирового развития, влиянию процессов глобализации и регионализации на внешнеполитическое положение Беларуси, совместным усилиям нашей страны, других государств и международных организаций в борьбе с терроризмом, бедностью, социальным неравенством и их долгосрочными последствиями. Тематика публикаций стала охватывать такие сложные аспекты, как соотношение понятий «международные отношения» и «мировая политика», растущая взаимозависимость основных трендов глобального политического и экономического развития, возможность применения опыта геополитической адаптации других стран, к примеру, России или Китая, к актуальным изменениям в международных отношениях, произошедшим в начале XXI в.

Начало *третьего этапа* в середине 2010-х гг. было обусловлено обострением политической ситуации в Восточной Европе в конце 2013 — начале 2014 гг., которое привело к нарастанию противостояния между Россией и странами Запада. Этот процесс вновь привел к смещению фокуса внимания в исследованиях белорусских экспертов в области международных отношений в сторону научной дискуссии о концептуальных принципах и приоритетных направлениях внешней политики Республики Беларусь в условиях резкого ухудшения отношений между ее ведущими международными партнерами и соседями. Белорусские исследователи сосредоточились на особенностях процесса принятия внешнеполитических решений в нашей стране, участия в нем различных государственных институтов, воздействия общественного мнения. Вырос также интерес к изучению взаимосвязи и взаимозависимости формирования внутренней и внешней политики других государств, среди которых следует указать, прежде всего, Россию, Украину, Германию, Польшу, прибалтийские страны, США, Китай, государства «дальней дуги» для внешней политики Беларуси. Вместе с тем, глобальные явления и процессы, характерные для мирового развития в целом, по-прежнему привлекают внимание белорусских авторов, так как именно их всестороннее исследование позволяет в полной мере реализовать прогностическую функцию комплекса наук о международных отношениях.

В заключение необходимо подчеркнуть, что солидная научно-методическая основа для изучения современной теории международных отношений, которая была заложена видными представителями ее белорусской школы в 1990-е гг. — начале XXI в., требует дальнейшего развития и совершенствования с учетом новейших концепций, современных научных оценок и методологических разработок. По этой причине особую важность приобретает привлечение молодых авторов к выполнению различных исследований в этой сфере, в том числе на стыке теории международных отношений и смежных научных дисциплин.

ПОМОЩЬ ТУРЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТУРКМЕНИСТАНА В 2000-х — 2010-х гг.

Худайбердиева Н. Х., Белорусский государственный университет,
e-mail: solnce.wwwwww@mail.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье раскрываются основные формы и особенности взаимодействия Туркменистана и Турции в сфере туризма в 2000-х — 2010-х гг. Дана оценка результатов туркменско-турецкого сотрудничества в сфере туризма, обращено внимание на значительный вклад Турции в развитие туристического потенциала Туркменистана.

Ключевые слова: *Турция; Туркменистан; экономика; туризм; сотрудничество; инфраструктура туризма, регулирование в сфере туризма.*

Развитие рыночной системы экономических отношений и уровень общественных отношений привели к тому, что новым направлением экономической системы государств стала туристическая сфера. Для современных стран, туризм стал одним из важнейших секторов экономики. Обретение независимости Туркменистаном привело к необходимо-

сти поиска новых возможностей для развития национального потенциала. Благоприятное воздействие на формирование этой сферы в Туркменистане оказали такие факторы как, наличие выхода к Каспийскому морю, ряд исторических и природных памятников. Сближение Ашхабада и Анкары в вопросах туристического потенциала основано на необходимости сближения стран в постсоветский период для совместного преодоления вызовов современности, наличие необходимого туристического опыта у Турции, а также существование у Туркменистана потенциала в сфере туризма в виде рекреационных и культурных зон.

Вопрос участия Турции в формировании туристического потенциала Туркменистана не получил широкого распространения в историографии, что обусловлено, в первую очередь, его новизной. Особое значение при разработке вопроса турецкого влияния на туризм Туркменистана имели работы Дж. Аррыковой [1], С. Джанбарова [3], И. Имамкулиевой [6], В. И. Ковалева [7], Е. А. Сафонкина [10, с. 145], Ш. К. Хайбаева [16, с. 111], Н. К. Хука [17, с. 22]. Целью работы стало исследование вопроса туркмено-турецкого сотрудничества в постсоветский период.

В 2010-е гг. партнерство стран в туристической сфере получило новое значение, что определило актуальность исследования данной проблематики. Как отметил заместитель начальника управления Социальной политики Института стратегического планирования и экономического развития С. Джамбаров, за январь 2016 г. темп роста по общей прибыли, полученной от финансово-хозяйственной деятельности Государственного комитета страны по туризму, достигла отметки 102,8 %, темп роста по обслуживанию туристов за указанный период составил 101 % [3].

Темпы роста вызвали необходимость рассмотрения вопроса развития туристического потенциала Туркменистана в исторической ретроспективе и выявлении роли в этом вопросе главного международного партнера страны — Турции [3].

На современном этапе, у Туркменистана сложилось сразу несколько направлений по развитию своего туристического потенциала, который основан на наличии исторических памятников, возможностях Каспийского моря и национальных рекреационных зон. Особый интерес представляет наличие у Туркменистана целого ряда исторических и архитектурных памятников, среди которых древнейший город Центральной Азии, располагавшийся на берегу реки Мургаб в юго-восточной части Туркменистана — Мерв, совокупность исторических построек в городе Кёнеургенч (Куня-Ургенч), руины древнего города, находящиеся близ Ашхабада — Ниса (Наса, Неса) входят в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО [5].

Кроме того, за годы существования независимого Туркменистана в стране появился ряд современных достопримечательностей — Главный флаг Туркменистана (является 5-м по высоте флагштоком в мире), дворцовый комплекс «Огузхан», Монумент Независимости Туркменистана, Мечеть Туркменбаши Рухы, Национальный музей туркменского ковра, Национальный культурный центр Туркменистана, Национальный музей живой природы Туркменистана, Фонтанный комплекс «Огузхан и сыновья», а также достопримечательности Койтендагского этрапа, пустыни Каракумы, ущелья Сумбара [4].

Потенциал историко-культурного наследия и современного развития Туркменистана привел к необходимости разработки собственной туристической отрасли на основе опыта стран, занятых в этой сфере ни одно десятилетие. Несмотря на свои внешнеполитические установки, Туркменистан стремился найти свое место в мировом рынке туризма. Вступление страны в 1993 г. во Всемирную Туристскую Организацию стало доказательством желания страны занять свое место в этом направлении [3].

В 1994 г. указом Президента Туркменистана было инициировано создание «Туркменсыяхат» — государственная туристическая корпорация, его правопреемником стал государственный комитет Туркменистана по туризму и спорту. Одним из ключевых направлений данного учреждения стало участие туркменских делегаций в туристических форумах, выставках, ярмарках и конференциях в Германии, Великобритании, Нидерландах, России, Узбекистане, Казахстане и Иране [1, с. 8].

Стоит также отметить замечания о недостатках туристической отрасли Туркменистана, сделанные Полномочным Послом Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Туркменистане Нейла Кеннета Хука, сделанные им в 1997 г. в туркменском периодическом издании «Туризм и развитие». В своей статье британский дипломат отметил недостатки современного состояния туристической сферы страны, среди которых отсутствие информации у западных стран о возможностях отдыха в Туркменистане, отсутствие автомобильной инфраструктуры для самостоятельного путешествия по стране и возможностей для активного отдыха, включая зоны кемпинга, медицинских пунктов, гидов и транспортного сообщения [17, с. 23].

Позиция туркменского руководства на мировой арене, вызванная опасением возможной утраты части своего суверенитета, а также распространением влияния в стране и регионе великих держав привела к формированию внешнеполитической доктрины изоляции. Однако, традиционно особое место в туркменской внешнеполитической доктрине которой занимала Турция.

Для Турции развитие сотрудничества с Туркменистаном в области туризма также имело большое значение. Однако, развитию крепких отношений между Турцией и Туркменистана препятствовал ряд факторов, в частности, опасения туркменского лидера вызывали активизация турецких политиков в регионе, стремление получить долю контроля над энергетической и нормативно-правовой сферой страны. Настороженность туркменского руководства привела к тому, что Турция в отношении Туркменистана стала активно использовать элементы «мягкой силы». Среди ключевых ведомств и институтов Турции, занимающихся сотрудничеством с странами Центральной Азии в области туризма: Министерство иностранных дел, Министерство туризма и культуры, Министерство общественной дипломатии, Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТЙКА), Турецкий Красный Полумесяц, Фонд Юнуса Эмбре [10, с. 147].

Наличие уникального туристско-рекреационного потенциала, в том числе доступ к четырем морям, делал из Турецкой Республики серьезного конкурента в этом направлении. Основными туристическими районами страны являются Аланья, Сиде, Белек, Кемер, Бельдиби, Кириш, Гейнюк и другие. Указанные туристические регионы обладают необходимыми характеристиками для комфортного отдыха. Туристические

города Турции обладают множеством античных памятников (амфитеатров, храмов, музеев), большим количеством магазинов, ресторанов, оздоровительные центры, где лечат заболевания сердечно-сосудистой системы, опорно-двигательного аппарата, нервной системы, гинекологические заболевания и др. [10, с. 145].

Инициатива туркменского лидера Г. Бердымухамедова о строительстве национальной туристической зоны «Аваза» была озвучена на берегу Каспийского моря в 2007 г. Строительство началось с конца 2007 г., которое включало в себя мощную курортную инфраструктуру, в том числе аэропорт, газотурбинную электростанцию, завод для опреснения воды, автомобильные и пешеходные мосты, амфитеатры, фонтаны, пирсы для яхт и прогулочных катеров [16, с. 111].

В соответствии с планами лидера Г. Бердымухамедова строительство курортной зоны «Аваза» предусматривало широкое привлечение инвестиций из-за рубежа. С этой целью в туристической зоне был введен специальный правовой режим для предпринимательской деятельности, который предусматривал предоставление льгот в выдаче виз для иностранных специалистов и рабочих без взимания консульских и регистрационных сборов. Также иностранным инвесторам предоставлялись и налоговые льготы, которые заключались в освобождении от уплаты налога на добавленную стоимость в период строительства объектов и инфраструктуры курорта и др. [8, с. 20].

Активная политика лидера страны, государственных учреждений привели к формированию совершенно новой нормативной правовой базы в сфере туризма [13]. Закон Туркменистана «О туризме», принятый 10 мая 2010 г. был направлен на «создание правовой основы для становления туризма как высокорентабельной отрасли экономики и развития рынка туристических услуг, обеспечения занятости населения, увеличения валютных поступлений, защита прав и законных интересов туристов и субъектов туристической деятельности, определение их обязанностей и ответственности» [9].

Статьей 11 Закона «О туризме» были определены основные принципы государственного регулирования в сфере туризма, среди которых можно отметить «формирование представления о Туркменистане как о стране, благоприятной для развития туризма; обеспечение устойчивого развития туризма на территории Туркменистана; популяризация внутренних ресурсов» [9]. Среди целей государственного регулирования в сфере туризма можно отметить развитие международных туристических контактов, формирование международных связей с другими государствами, изучение опыта зарубежных коллег, осуществление подготовки и переподготовки квалификации кадров [9].

Наиболее важным направлением в туристической области стала необходимость строительства инфраструктуры для эффективного развития данной сферы. Видимые результаты в туристической сфере были достигнуты в ходе визита президента Турции А. Гюля в Туркменистан в мае 2011 г. Встреча прошла в прикаспийском городе Туркменбаши в национальной туристической зоне «Аваза», которая и является объектом пристального внимания турецких бизнесменов.

В феврале 2012 г. состоялся визит в Турецкую Республику Г. Бердымухамедова. В ходе переговоров между лидерами двух стран подписали ряд документов, в том числе и в области туристической сфере. Наи-

более важным достижением двустороннего сотрудничества стран стало подписание Протокола между Государственным комитетом Туркменистана по туризму и спорту и Турецким агентством по сотрудничеству и координации (ТИКА) при премьер-министре Турции о реализации проекта «Организация учебных программ по повышению квалификации, направленных на развитие туризма в Туркменистане» [12].

Не менее важное значение в продвижении туристического потенциала Туркменистана занимает участие в международных туристических выставках. В 2013 г. туристическая выставка *ITB Berlin 2013* выявила новые возможности страны на мировой арене. Главной задачей туркменской делегации на *ITB Berlin 2013* стала популяризация Великого шелкового пути. Туркменская делегация смогла представить различные вариации комбинированных туров историко-культурной и этнографической направленности в своей стране. По мнению туркменской стороны, «главное даже не в экономической рентабельности, а в том, что благодаря туризму Великий Шелковый путь возродился и продолжает выполнять свою миссию — сближать людей и народы, культуры и регионы» [14].

Развитие туристической сферы в Туркменистане требовало подготовки специалистов младшего и среднего уровня, с этой целью в рамках реализации Программы развития туризма в Туркменистане на 2012—2016 гг. был разработан план по подготовке администраторов отелей, менеджеров по продажам в индустрии туризма, инструкторов по туризму, гидов-переводчиков со знанием иностранных языков (английского, немецкого и турецкого языков), рекламных агентов в индустрии туризма, менеджеров международного туризма и других специалистов. Для этого в 2012 г. была открыта школа для туриндустрии, что совпало с введением в работу Национальной туристической зоны «Аваза» [6].

Однако, наиболее важным достижением в сотрудничестве Турции и Туркменистана стало начало строительства турецкой строительной компанией *Şahin İnşaat Gıda Tekstil ve Otomotiv S.T.Ş.* туристического комплекса в национальной туристической зоне Туркменистана «Аваза» [15].

В июне 2014 г. прошел визит Президента Туркменистана в Турецкую Республику, в рамках которого состоялись туркмено-турецкие переговоры на высшем уровне. В ходе обсуждения приоритетных направлений сотрудничества между странами, президент Турции А. Гюль отметил, что большие возможности для укрепления сотрудничества в сфере туризма и спорта [15].

На новый этап вышли турецко-туркменские отношения в сфере туризма в 2015 г., связанные с сокращением потока россиян (вызванного кризисом в российско-турецких отношениях) на турецкие курорты. Кроме этого, активизировалось участие турецких подрядчиков в строительстве национальной туристической зоны Аваза на Каспийском море [7].

2 января 2018 г. в Туркменском государственном университете имени Махтумкули прошла конференция «Туркменистан в новую историческую эпоху: широкомасштабные программы и возможности», которая прошла под патронажем Министерства образования и Демократической партией. В форуме приняли участие руководители и представители общественных организаций, а также студен-

ты, профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений Ашхабада, ученые научно-исследовательских институтов и др. [2].

Участники конференции привели важные результаты по поводу значимости открытий, сделанных на территории Туркменистана, в частности были подведены итоги археологической экспедиции, что дает возможность ознакомиться с традициями, обычаями страны, оценить ее вклад в мировой и научный прогресс туризма [2].

Еще одним итогом конференции стало подтверждение желания Туркменистана стать международным туристическим центром, в рамках которого будет создана современная инфраструктура, выбрана эффективная модель. В ходе конференции было принято решение использовать историко-культурную самобытность и богатое национальное наследие, включающее в себя памятники культуры, природные экосистемы, с целью привлечения новый туристический поток. Использование культурного и природного наследия, в том числе путешествия по маршруту Великого Шелкового пути, проходящего через территорию Туркменистана, должно стать частью национальной туристической системы страны [2].

Во время конференции глава Туркменистана Г. Бердымухамедов отмечал необходимость введения новых туристических маршрутов, расположенных через территорию Шелкового пути, которая предусматривает введение новых туристических маршрутов, охватывающих исторические, археологические памятники, природные достопримечательности [11].

Таким образом, благодаря турецкой помощи, в 2000-2010-е гг. в Туркменистане были реализованы планы по строительству системы отелей, которые отвечают современным требованиям туризма, функциональны. Центральной проблемой туркменского туризма продолжает оставаться подготовка кадров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аррыкова, Дж. Будущее отелей в Березенги / Дж. Аррыкова // Туризм и развитие. — 1997. — № 3. — С. 8—9.
2. В Туркменистане рассмотрели широкомасштабные программы и возможности [Электронный ресурс] // Turkmenportal. Информационный портал Туркменистана. — Режим доступа: <https://turkmenportal.com/blog/13039/v-turkmenistane-rassmotrelishirokomasshtabnye-programmy-i-vozmozhnosti>. — Дата доступа: 11.09.2018.
3. Джапбаров, С. Развитие международного туризма в Туркменистане [Электронный ресурс] / С. Джапбаров // Turkmenportal. Информационный портал Туркменистана. — Режим доступа: <https://turkmenportal.com/blog/9220>. — Дата доступа: 11.09.2018.
4. Достопримечательности Ашхабада — удивительной столицы Туркменистана [Электронный ресурс] // Most-beauty. — Режим доступа: <https://most-beauty.ru/mesta/dostoprimechatelnosti-ashhabada.html>. — Дата доступа: 11.09.2018.
5. Древние города Туркменистана [Электронный ресурс] // Central Asia travel. — Режим доступа: http://www.centralasia-travel.com/ru/countries/turkmenistan/sights/ancient_places. — Дата доступа: 11.09.2018.
6. Имакулиева, И. Подготовка кадров для туристической индустрии [Электронный ресурс] / И. Имакулиева // Infoabad — Режим доступа: <http://infoabad.com/sport-i-turizm-turkmenistana/podgotovka-kadrov-dlja-turisticheskoi-industri.html>. — Дата доступа: 11.09.2018.
7. Ковалев, В. И. О развитии отношений между Турцией и Туркменистаном [Электронный ресурс] / В. И. Ковалев // Институт Ближнего Востока. — Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=30258>. — Дата доступа: 11.09.2018.
8. Национальная туристическая зона «Аваза» // Комитет по Национальной туристической зоне «Аваза». — Туркменбаши: Комитет по Национальной туристической зоне «Аваза», 2009. — 64 с.

9. О туризме: Закон Туркменистана от 10 мая 2010 года № 107-IV / Параграф [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344087. — Дата доступа: 11.09.2018.

10. Сафонкина, Е.А. Турция как новый актор политики «мягкой силы» / Е.А. Сафонкина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2014. — Т. 9. — № 2. — С. 145–167.

11. Туркменистан — сердце Великого Шелкового пути [Электронный ресурс] // DN Tours. — Режим доступа: <http://ru.dntours-business.com/turkmenistan-serdtse-velikogo-shyolkovogo-puti/>. — Дата доступа: 11.09.2018.

12. Туркменистан и Турция подписали ряд двусторонних документов о сотрудничестве / Turkmenistan. Золотой век [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/37084.html>. — Дата доступа: 11.09.2018.

13. Туркменистан открывает миру свои туристические возможности / Turkmenistan. Золотой век [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=3152>. — Дата доступа: 11.09.2018.

14. Туркменистан повышает свой рейтинг на европейском рынке туризма / Turkmenistan. Золотой век [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=3510>. — Дата доступа: 11.09.2018.

15. Турция застраивает туристическую зону «Аваза» / Вести Турции Босфор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vestiturkey.com/turci-zastraivaet-turisticsku-zonu-avaza-2123h.htm>. — Дата доступа: 11.09.2018.

16. Хайтбаева, Ш. К. Стратегия развития международного туризма в Туркменистане / Ш. К. Хайтбаева // European Research. — 2016. - № 8 (19). — С. 111-112.

17. Хук, Н. К. Туризм как важная часть экспорта / Н. К. Хук // Туризм и развитие. — 1997. — № 3. — С. 22-23.

КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (2016—2018 гг.)

Чакыр О. Д., Посольство Турции в Республике Беларусь

Оцениваются особенности и основные результаты культурной деятельности Турции в Республике Беларусь в 2016—2018 гг. с позиций «мягкой силы» в политике турского государства.

Ключевые слова: турецко-белорусские отношения; культурная дипломатия; формы культурных контактов; инструменты культурного взаимодействия; программы культурного обмена.

В данной статье рассмотрены некоторые аспекты культурных отношений между Турцией и Беларусью и особенности турецкой культурной деятельности в Беларуси во втором десятилетии XXI в., начиная с открытия турецко-язычного детского сада в Минске и заканчивая турецкими сериалами на белорусских телевизионных каналах. Подобные формы культурных контактов помогают народам ближе знакомить друг друга со своей культурой, извлекая из них интеллектуальную пользу и укрепляя дружельюбное межгосударственное сотрудничество.

Наряду с политическими отношениями между Турцией и Беларусью в сфере культуры последовательно развиваются с каждым годом. Их международно-правовую основу составляет межправительственное соглашение о сотрудничестве в областях образования, науки, культуры и спорта, а также протокол о сотрудничестве в области культуры и искусства между Министерством культуры Беларуси и Министерством культуры и туризма Турции (подписан в 2007 г. в Минске).

Осуществляется проведение дней культуры, концертов. Налажено непрерывное сотрудничество между такими учреждениями как национальные библиотеки, театры, открываются языковые курсы, планируется создание культурных центров. Существенно растут встречные

потоки турецких и белорусских туристов. Позитивным индикатором взаимопонимания между народами стало возрастание количества совместных браков.

Стороны обладают достаточно широким спектром субъектов и инструментов культурного взаимодействия. Среди них: некоммерческие и неправительственные организации, фонды, разнообразные продукты массовой культуры. Индустрия медиа, телевидения, СМИ, в совокупности с массовой культурой и Интернетом, также создают (и расширяют) масштабную площадку взаимодействия в культурной сфере. К примеру, Турция располагает такими общественными институтами, как *TİKA* (Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию). Это — гибкий внешнеполитический инструмент, действующий в регионе Среднего Востока, Кавказа, Центральной Азии, Балкан, Африки. Агентство занимается реализацией проектов в сфере образования, здравоохранения, развития сельского хозяйства и туризма [1]; *Kızılay* (турецкий Красный Полумесяц), *TRT* (турецкий национальный телеканал), Фонд Юнуса Эмре (открывает ряд культурных центров по всему миру; обладает широкой сетью зарубежных филиалов, нацеливаясь на продвижение турецкой культуры, языка, искусства, литературы). В настоящее время обсуждается открытие Минского филиала данного Фонда. Набирает влияние государственная структура — Агентство по инвестициям и поддержке, а также Фонд «Маариф» (последний открывает образовательные и культурные центры и учебные заведения — от детских садов до вузов) [2, р. 43]. Культуру Турции продвигают за рубежом и иные отраслевые и частные организации страны.

Визит в Минск в начале 2018 г. премьер-министра Турции Б. Йылдырыма послужил импульсом для улучшения и расширения двусторонних межкультурных отношений. Был подписан ряд документов по расширению сотрудничества в различных сферах между Беларусью и Турцией, в том числе, Меморандум о взаимопонимании между Национальной библиотекой Турции и Национальной библиотекой Беларуси. Дух данного документа — укрепление взаимодействия между двумя библиотеками в профессиональной деятельности через установление корпоративных связей в области науки, культуры и распространения научной информации.

Во второй день визита премьер-министра президент Национальной библиотеки Турции передал около 1,5 тыс. книг в дар Национальной библиотеке Беларуси. Для белорусских читателей открылась возможность ближе ознакомиться с турецкой культурой, художественными, техническими или языковыми достижениями Турции, посетив самую крупную библиотеку своей страны [3].

Турецко-белорусские совместные семьи — еще одно доказательство, что отношения между двумя народами не ограничиваются уровнем экономики, политики и культуры, а приобретают межнациональный характер. Число совместных браков, соответственно детей, рожденных и воспитываемых в таких браках, растет с каждым годом. Требуется особый подход к таким детям, впитывающим ценности двух культур. Поэтому в Минске для реализации этой задачи уже существуют ясли-сад (№ 18) на 230 мест. В обустройство этого детского учреждения частично вкладывал инвестиции турецкий фонд «Маариф». Инициатива реализации проекта содержалась в соглашении, подписанном во вре-

мя названного официального визита премьер-министра Б. Йылдырыма. В садике функционирует группа, где детей обучают турецкому языку, и предлагаются дополнительные занятия с турецким педагогом [4].

Радио, телевидение, новостные передачи, пресса, трансляция спортивных мероприятий Турции в последние годы все активнее включаются в программы культурного обмена. Такие продукты интеллектуального содержания играют доминирующую роль в формировании имиджа страны в Республике Беларусь — еще один канал распространения турецкой культуры в Беларуси — телевизионные сериалы. Отметим, что они сегодня вообще вышли на уровень глобальной презентации Турции. А впервые феномен турецких сериалов вне Турции проявился в регионе Ближнего Востока, получив затем намного более широкое распространение, в том числе и в странах СНГ.

Еще в конце 1990-х — начале 2000-х гг. в Турции доминировали сериалы США, Мексики и Бразилии. Ситуация начала меняться лишь с началом процесса общего развития национальной киноиндустрии либерализации медиасферы в целом. С начала 2000-х гг. производство и трансляция (в том числе и за рубежом) турецких сериалов неуклонно росли. Сегодня Турция является вторым крупнейшим в мире после США экспортером телевизионных сериалов. Выручка от продажи сериалов за границу составляет сотни миллионов долларов, а аудитория насчитывает более 100 стран, включая Беларусь. Растет также туристический поток в страну, в частности в Стамбул, ставший в последние годы своеобразным «Голливудом» в сфере турецкого кинопроизводства.

Согласно данным турецкой компании Au Yarım, продюсера знаменитого исторического сериала «Великолепный век» и лидера киноиндустрии в Турции, некоторые серии, пользующиеся наибольшей популярностью, продаются за границу по цене 150 тыс. дол. США и более (для сравнения: 5-7 лет назад цена серии составляла 4 тыс. дол.). Сериал встретил некоторую критику со стороны историков, режиссеров, религиозных деятелей, даже президента Турции, но он остается самым успешным и самым дорогим национальным сериалом, который успешно привлекает и белорусских зрителей.

Культурная деятельность Турции в Республике Беларусь — убедительное доказательство развивающегося двустороннего сотрудничества, сближения и растущего взаимопонимания между турецким и белорусским народами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Turkish cooperation and coordination agency [Electronic resource] // Republic of Turkey Prime Ministry. — Mode of access: <http://www.tika.gov.tr/en/overseasoffices/>. — Date of access: 18.01.2015.
2. Altunisik, M. B. The Possibilities and Limits of Turkey's Soft Power in the Middle East / M. B. Altunisik // Turkish Studies. — 2008. — N 10.
3. Около 1,5 тыс. книг передал НББ глава Национальной библиотеки Турции [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство (БЕЛТА) — Режим доступа: <http://www.belta.by/culture/view/okolo-15-tys-knig-peredal-nbb-glava-natsionalnoj-bibliotekiturtsii-289804-2018/>. — Дата доступа: 19.09.2018.
4. Кохно, М. С входом по чипу. В Лебязьем открыли ясли-сад, в который вложил деньги турецкий инвестор [Электронный ресурс] / М. Кохно // News TUT.by. — Режим доступа: <https://news.tut.by/society/607028.html>. — Дата доступа: 06.09.2018.
5. Candemir Yeliz. Turkish Soap Operas: The Unstoppable Boom [Electronic resource] // Blogs WSJ. — Date of Access: <http://blogs.wsj.com/middleeast/2013/04/29/turkish-soap-operas-the-unstoppable-boom/>. — Date of Access: 30.04.2013.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Чесновский М. Э., *Белорусский государственный университет,*
e-mail: m.chasnouski@gmail.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается содержание и характер оценок событий и процессов прошлого, осуществленных белорусскими и польскими исследователями в результате исторической дискуссии в 1990-х — 2010-х гг. Обращено внимание на отсутствие системного анализа состояния и особенностей реализации исторической белорусско-польской политики и необходимость систематизации расхождений в трактовках основных событий прошлого, акторами которых являлись белорусы и поляки.

Ключевые слова: *белорусско-польские отношения; историческая политика; белорусско-польская дискуссия; позиции сторон; «темные пятна истории»; укрепление основ добрососедства.*

К настоящему времени выявлены и пока на вербальном уровне проанализированы несовпадающие подходы к оценке исторических процессов, субъектами/объектами которых выступали Беларусь и Польша. Однако многие нарративы отличаются политизированной, а значит, спорной интерпретацией фактов, событий и процессов прошлого. Все еще не устранены «темные пятна» истории, порожденные апологетическими утверждениями о содержании белорусско-польских отношений.

Анализ названных выше расхождений является попыткой синтезировать и изложить позиции сторон по наиболее острым и дискуссионным проблемам белорусско-польского научного диалога, а также обосновать сложившиеся оценки в белорусской историографии по данным проблемам.

1. Несмотря на определенные позитивные подвижки в оценках ряда польских историков в последние десятилетия, стержневым тезисом, вызывающим принципиальные расхождения белорусских и польских экспертов и создающим последующие расхождения в исторических интерпретациях, является *степень готовности белорусской нации к образованию самостоятельного государства в ходе и после Первой мировой войны.*

Суть дискуссии вытекает из значительных расхождений между польскими и белорусскими историками в части оценок политики возрожденного в конце 1918 г. Польского государства в отношении Беларуси и белорусов. Выступая апологетами «Второй Речи Посполитой» и территориально идентифицируя ее с возрожденной Польской республикой, тогдашние польские политики не усматривали исторического места белорусов, украинцев в Речи Посполитой и, соответственно, отрицали способность белорусского народа к самоорганизации в XIX — начале XX вв. Следствием утверждений о неготовности белорусской нации к образованию самостоятельного государства явилось их непризнание дееспособности БНР и БССР, выступавших в качестве практического воплощения стремления белорусов обрести свою государственность.

Предложения польских социалистов о возможности создания федерации между Польшей и Беларусью и колебания руководителя Польского государства Ю. Пилсудского, временно разделяющего данный вариант взаимодействия с Беларусью, явились лишь результатом слабо-

сти самой Польской Республики, отклонившей какие-либо формы федерации с Беларусью после относительного укрепления международных позиций.

Изложенный подход современных польских историков коррелируется с настроениями польских политиков в 1918—1920 гг. Правда, существует некоторый нюанс, а именно: чрезмерное выпячивание федеративной позиции Ю. Пилсудского, якобы декларировавшего равенство поляков и белорусов в проекте Польско-белорусского государства.

Белорусские историки, исследовав данный процесс, считают идею равенства не более чем историко-пропагандистским лозунгом, авансирующим признание за Польшей факта формирования демократических отношений соседства уже в начале XX в. Последовавшая инкорпорационная практика национального строительства в Польской Республике в 1920-е — 1930-е гг. подтверждает позицию белорусскую исследователей. Онисходятся во мнении, что возрожденное польское государство практически с первых дней существования проводило политику отрицания белорусской государственности. В историографии Республики Беларусь сохранился нарратив прежней эпохи об оккупации поляками белорусских земель в 1918—1920 гг. Негативно оцениваются Рижские договоренности о разделе белорусских земель между Польшей и РСФСР в 1920—1921 гг.

2. Недооценка процессов формирования белорусской нации, стремление инкорпорировать белорусские территории в состав Польши посредством ускоренной ассимиляции коренного населения в полной мере проявились в 1921—1939 гг. *Ассимиляционная политика польских властей на территории Западной Беларуси в межвоенный период* выступает нерешенной проблемой в дискуссиях белорусских и польских политиков.

Несмотря на юридическое обязательство в полной мере удовлетворять этнокультурные потребности белорусов, содержащиеся в трактате о национальных меньшинствах 1919 г., Рижском мирном договоре 1921 г. и Конституции 1921 г., польские власти в 1921—1939 гг. проводили политику ассимиляции белорусского населения. В составе Польши белорусы не получили ни территориальной, ни национально-культурной автономии. В официальном делопроизводстве использовался исключительно польский язык. Процесс ассимиляции ускоряло расселение на белорусских землях польских колонистов («осадников»). Власти препятствовали развитию белорусской системы образования на уровне начальных и средних школ и полностью исключили возможность получения белорусского образования в вузах.

Политику ассимиляции современные польские историки признают неохотно, считая ее второстепенной проблемой, решение которой оттягивалось из-за сложной внутривосточной обстановки и нестабильного геополитического положения Польской Республики. Превалирует тезис: ради усиления обороноспособности государства, находящегося во враждебном окружении, требовалось идти на отсрочку социально-политических реформ и укрепление национального единства. В данной ситуации достижение национальной сплоченности виделось не в автономии меньшинствам, а в укреплении польского патриотизма среди всех слоев населения.

В дискуссиях с белорусскими историками также выдвигается тезис о «меньшем зле»: т. е. утверждается, что белорусы в территориальных рамках БССР терпели большие притеснения и преследования в процессе социалистического строительства, чем их соотечественники в Западной Беларуси.

Белорусские историки придерживаются иных трактовок двусторонних отношений в данный период. Расширение польского государства за счет восточных территорий не содействовало достижению его мощи. Наоборот, ассимиляционная политика польских властей на территории Западной Беларуси, кроме торможения государствообразующих процессов среди белорусской нации, объективно порождала конфликтную ситуацию в белорусско-польских отношениях. Нарратив антипольской национально-освободительной борьбы в Западной Беларуси в 1921—1939 гг. остается доминирующим в исторической науке Республики Беларусь. Признается бесспорным, что, несмотря на усилия польского правительства, белорусы не стали патриотами «Второй Речи Посполитой»; в полной мере это проявилось осенью 1939 г. В целом современная белорусская историография негативно оценивает польскую политику на восточных землях, вошедших в состав Польской Республики в 1921 г.

3. До настоящего времени непримиримыми остаются противоречия сторон в вербальных *оценках событий на белорусских и польских землях в период Второй мировой войны (1939—1945 гг.)*. Польские историки воспринимают события войны как национальную катастрофу, сопровождавшуюся утратой польских территорий. Частью этой катастрофы они считают потерю территории Западной Беларуси и Западной Украины. Исключительно негативная оценка дается договоренностям между СССР и Германией 1939 г. («пакт Молотова—Риббентропа»), репрессиям в отношении поляков-военнопленных в СССР в 1940 г. (проблема Катюни»). В качестве национальных героев рассматриваются в Польше деятели польского антисоветского подполья и «Армии Краевой» периода 1939—1945 гг. (с польской стороны выдвигается требование увековечить их память на территории Республики Беларусь). Историкисуверенной Беларуси доминирующим нарративом этого периода, отличающимся положительной коннотацией, считают «объединение белорусских земель в 1939 г.» (лишь отдельные историки критически оценивают международно-правовые аспекты объединительного процесса). В отношении военного столкновения между Германией и СССР в 1941—1945 гг. они сохраняют термин «Великая Отечественная война», из чего следует отрицание положительной роли поляков на белорусских землях в годы Второй мировой войны. Польские действия квалифицируются как противодействие формированию белорусского национального самосознания, заведомо обреченное на провал. Под сомнение ставится тезис об успешной борьбе сил польского сопротивления против нацистской Германии в 1941—1944 гг. Но белорусские историки позитивно оценивают процесс выселения польского населения с территории Беларуси в 1944—1945 гг. («обмен населением»).

4. Остроактуальной проблемой в белорусско-польской исторической дискуссии выступает *ассимиляционная политика польских властей периода (1945—1989 гг.) в отношении белорусского меньшинства*.

Согласно подсчетам белорусского эмигрантского историка М. Волатича, после Второй мировой войны на территории Польши проживала значительная доля белорусов. В 1946 г. их было 1 082 тыс, в том числе на Белосточчине 632 тыс, в западных округах — 300 тыс, Пруссии и Померании — 135 тыс, Центральной Польше — 15 тыс. У 1956 г. число белорусов в Польше возросло, составив 1 207,5 тыс человек.

В послевоенный период польские власти, независимые от политической и идеологической ориентации — представители как демократического, так и социалистического направлений — проводили стратегическую линию на достижение мононационального состава населения. Она стала результатом осмысления национально-территориального устройства Польской Республики в межвоенный период. Польские руководители осознавали, что одной из причин геополитической слабости того государства была невозможность ассимилировать население столь большой территории на востоке, где проживали белорусы и украинцы.

Провальные уроки прежней ассимиляционной политики привели польских послевоенных руководителей не только к открытым репатриационным мероприятиям, но и к планам осуществления незаметной колонизации восточнославянских этнических групп. Особую целенаправленность эта политика приобрела на Белосточчине. Там осуществляли сколь-нибудь выраженные практические усилия по проведению национально-культурной политики, направленной на взаимообогащение культур поляков и белорусов.

Идеал создания мононационального государства как преемственность довоенной практики стала осуществлять Народная Польша, только с той разницей, что ее целью не было внедрение единого в стране католического вероисповедания. Провозглашая официальный постулат дружбы между народами, власти ПНР много сделали ради того, чтобы он не был реализован относительно меньшинств.

Прежде всего, это касалось Белосточчины, где реализовалась цель преобразовать ее в польское пространство как демографическими, так и идеологическими средствами — сделать ее ментально польской. Реализация данной линии велась через ополчительство белорусов, как католиков, так и православных. На вооружение властей, как и католического клира, был взят главный историко-политический тезис: белорусы утратили национальное сознание, не имеют национальной идеи. Такое приниженное значение белорусской нации расчищало путь к отрицанию культурных, образовательных и политических потребностей белорусов Белосточчины. В то же время в современной белорусской исторической науке не закрепился нарратив о несправедливости границы с Польшей, установленной в 1944—1945 гг. (на возвращение Белосточчины Республика Беларусь не претендует, и в ее историографии соответствующий дискурс не поддерживается).

5. Белорусские историки адресуют своим коллегам в современной Республике Польша актуальную для оценки состояния белорусско-польских отношений проблему освещения положения белорусов в социалистической Польше, отстаивая позицию *замалчивания властями ПНР факта жизнедеятельности белорусского сообщества и его национальных запросов ради достижения мононационального состава населения страны.*

В обстановке отрицания культурных, образовательных и политических потребностей белорусов Белосточчины польские историки послевоенного социалистического периода не касались национальных проблем и особенностей развития современных им белорусов. Интерес в лучшем случае адресовался иным эпохам. В их оценках стержневой мыслью проходило удивление, как Беларусь существует вообще. Отдельные польские историки соглашались, что польская восточная политика средневековья была ошибочной: следовало бороться на западе, побеждать крестоносцев, не допускать прусского милитаризма. Но поляки уступали крестоносцам и шли на восток. В таких обстоятельствах, согласно их мнению, вообще выглядит большой загадкой тот факт, что Беларусь еще существует.

Перевод проблематики вглубь истории помогал изображать менее проблемной реализацию официальной польской доктрины времен ПНР по достижению мононационального состава населения.

Исключение составляли издания белорусской подпольной печати в ПНР, где открыто анализировались события, происходящие в белорусской среде в 1945—1990 гг. Подобные описания положения белорусов в Польше — бесспорно объективная оценка процессов жизнедеятельности белорусского национального меньшинства. Кроме того, ретроспективное освещение действительной ситуации на Белосточчине стало частично возможным в период краткосрочной либерализации польской жизни в 1980—1989 гг. Именно тогда искусственно упрятанные религиозные и национальные проблемы этого края оказались публичными. 1980-е гг. стали периодом становления разных белорусских общественных инициатив. Активность имела культурно-национальное содержание, но приобретала преимущественно характер социально-политического оживления и восстановления исторического влияния православного вероисповедания.

В постсоциалистической польской историографии на официальном уровне практически замалчивается положение белорусов в ПНР. Известные историки — специалисты по изучению восточных соседей, исследовательские центры избегают актуализации данной проблематики. Вероятно, объяснение такой позиции можно найти в преемственности доктрины мононациональности, перешедшей от социалистической Польши к постсоциалистическим властям. Исключение составляют единичные издания историков белорусского происхождения, проживающих на Белосточчине.

6. Независимо от принципиально иной идеологической платформы, взятой на вооружение властями и большинством политических партий и движений постсоциалистической Польши, линия на мононациональный статус государства сохранилась. Ее сопутствующий элемент — *продолжение политики ополячивания белорусов Белосточчины в 1990-е — 2010-е гг.* Белорусские историки аргументировано доказывают, что ополячивание белорусов в современной Польше оказалось одним из оснований недоверия на официальном уровне между властями Республики Беларусь и Республики Польша.

Расстановка объективно мотивированных оценок в рамках исторической политики, как Беларуси, так и Польши, способна устранить элементы недопонимания и недоверия в современных двусторонних белорусско-польских отношениях, динамизировать их развитие, укрепить основы добрососедства, поспособствовать стабилизации и оздоровлению ситуации в регионе Центральной и Восточной Европы.

ПОЛИТИКА КИТАЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Чувиллов И. А., Малевич Ю. И., *Белорусский государственный университет, e-mail: chuvilovi@mail.ru, malejill@rambler.ru*
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье дается оценка форм и методов осуществления политики Китая в сфере безопасности в Юго-Восточной Азии (ЮВА) на современном этапе. Отмечается, что Китай, ранее не имевший возможности предъявить сколь-нибудь серьезных притязаний на регион ЮВА, в нынешних условиях стремится к доминированию в нем, включая сферу безопасности.

Ключевые слова: Китай; Юго-Восточная Азия; политика безопасности; международные отношения.

Китай — мощнейшее государство в АТР, процесс его возвышения, начавшийся в 1949 г. после провозглашения Китайской Народной Республики, вышел на финальную стадию после вступления в ВТО в 2001 г. [1].

Еще в 1951 г. Чжоу Эньлай сказал: «Острова в Южно-китайском море ископаемые веков являлись частью китайской территории». Данное высказывание символизировало начало китайского возвращения в регион после долгого периода рецессии [2]. Руководство коммунистического Китая стремилось доктринально заявить, что страна намерена вернуть себе былую силу и престиж, утраченные в годы Второй мировой войны. Акватория Южно-Китайского моря рассматривалась (и рассматривается по сей день) как территория, где доминирование Китая должно быть безусловным. Руководители КНР настойчиво и осторожно продолжают искать возможности для восстановления «Большого Китая» (под этим традиционно понимается экономическая, культурная и историческая целостность исторического Китая со странами-сателлитами), восстановления китайских позиций в ЮВА, утраченных в колониальный период.

При Цзян Цзэмине и в начальный период правления Ху Цзиньтао страна перешла к политике интеграции и партнерского сотрудничества, чтобы с помощью своего экономического веса установить доминирование над государствами региона и интегрировать их в структуры, создаваемые под эгидой Китая. Так, в 2007 г. КНР стала государством-членом программы «АСЕАН плюс три», усилив воздействие на экономические и политические процессы, происходящие в субрегионе ЮВА.

Однако к концу того же 2007 г. стало ясно, что экономическая интеграция не принесла желаемых результатов, что вынудило китайское руководство снова вернуться к политике силового давления на соседние государства (особенно ярко это сказалось на обострении противостояния в Южно-Китайском море). В рамках так называемого проекта «Большого Меконга» КНР выстроила эффективную систему политических и экономических контактов с Таиландом, Вьетнамом, Камбоджой, Лаосом и Мьянмой. В настоящее время она стремится сформировать жизнеспособное сотрудничество в сфере безопасности.

В начале XXI в. было объявлено об успешном завершении третьего этапа модернизации страны, включая сферу армейского строительства. Социалистическое планирование с «китайской спецификой» в очередной раз принесло впечатляющие успехи, которые позволили сформу-

лировать новую — во многом агрессивную — наступательную политику КНР. Основные ее составляющие: укрепление боевой части армии, дальнейшее углубление модернизации и существенное перевооружение НОАК, ВВС, ВМС. Эти установки были негативно восприняты США, что, по сути, привело к гонке вооружений в регионе. В Пекине процесс усиления КНР рассматривается как необходимое дополнение к «мирным инициативам» в политической и экономической сферах. При этом увеличение военной составляющей в региональной политике стало чрезвычайно заметным в последние годы, когда была возобновлена политика силового натиска на филиппинские и вьетнамские границы в спорных районах Южно-Китайского моря.

Одним из первых пробных действий для международного признания и обоснования притязаний Китая на ЮКМ и прилегающие к нему острова можно считать карту, которую представители Поднебесной отправили в специальном письме, направленным в мае 2009 г. Генсеку ООН Пан Ги Муну [2]. В том же году Пекин запретил ловлю рыбы в спорных водах ЮКМ, а китайские военнослужащие с целью преподать урок своим соседям захватили 22 рыболовных судна, принадлежащих Вьетнаму, которые отказались соблюдать данный запрет. Подобные случаи фиксировались неоднократно.

Председатель Си Цзиньпин и его правительство показывают готовность к большей, чем у предшествующих лидеров, активности и «жесткости» внешнеполитического курса, к увеличению диапазона и более прагматичному использованию инструментов внешней политики страны. Ян Цзечи часто употреблял в своих высказываниях понятие «нижняя черта» при декларации решимости Китая защищать свои законные интересы. Показательно и обещание «не уклоняться в дипломатической работе от споров и проблем любого рода». В данной ситуации отчетливо просматривается доктринальное изменение подхода КНР к проблеме нивелирования разногласий с рядом соседних государств об установлении четко зафиксированной границы. В начале XXI в. эта тема не подвергалась обсуждению, но теперь открыто признается, что у Китая, граничащего с 8 государствами по морю и с 14 по суше, имеются «споры о суверенитете» с 10 государствами. Нередко положение о приверженности Китая «защите суверенитета и территориальной целостности» подается в одной связке с задачами «качественного совершенствования национальной обороны» и «превращения страны в сильную морскую державу».

В то же время глобальный характер деятельности КНР на международной арене не отменяет, а, скорее, даже подчеркивает приоритетность для Пекина тех или иных конкретных географических направлений его внешней политики. В этом плане одним из основных приоритетов для КНР остается Северо-Восточная Азия. Здесь находится Япония — по сути дела, основной соперник Китая за лидерство в субрегионе. Сюда повернута своим тихоокеанским фасадом Российская Федерация, стремящаяся укрепить позиции в АТР в целом и в первую очередь в Восточной Азии.

Отношения Китая с сопредельными государствами в предшествующие XIX съезду КПК годы выявили множество проблем, создали еще невиданную «внешнюю угрозу безопасности» для Китая. Ряд аналитиков предполагает, что «отношения с сопредельными странами явятся

в будущем самой насущной проблемой для безопасности Китая». Эта неоглаженная проблема, которую должен решить Китай, стала одной из основных причин корректировки «дипломатии добрососедства» и военной стратегии Китая после «рабочего совещания по дипломатической работе с сопредельными странами», состоявшегося в октябре 2013 г.

К слабостям вооруженных сил Китая относятся факторы организации и поддержания боевого духа, они недостаточно понимаются теми, кто реально контролирует артиллерию и флот. КНР — единственная великая держава, армия которой не является официальным государственным институтом. Она входит в сферу ответственности Коммунистической партии и находится под управлением Центральной военной комиссии КПК, а не Министерства обороны. Хотя партия и правительство в Китае представляют собой уникально дееспособный «социалистический симбиоз», за пределами страны с трудом понимают, где находятся верные партии люди и каковы главные предпочтения военных руководителей КНР.

В настоящее время военная мощь Китая сконцентрирована прежде всего на решении проблем внутренней безопасности и обеспечении планов доминирования в морских районах в пределах АТР, а именно в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, вблизи от морской границы самого Китая. Для осуществления этой задачи до 2020 г. НОАК должна стать самой мощной армией Азии, а для того, чтобы к 2050 г. достичь уровня мощнейших армий мира, Китай должен быстро осуществить военную модернизацию, и в этом — главная причина корректировки стратегии военной безопасности в современных международных условиях.

Корректировка стратегии военной безопасности помогает КНР осуществлять противоправные «благоприятные» и «эффективные» действия в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Сооружение искусственных островов, строительство объектов военного назначения на островах Южно-Китайского моря, милитаризация отрядов из десятков тысяч рыболовных судов, ввод буровых установок в ИЭЗ Вьетнама, односторонние приказы о запрете ловли рыбы в морских водах других стран, создание помех для свободного судоходства кораблям других стран — все это является нарушением международного права согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Указанные действия ведут к эскалации напряженности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и даже могут привести к серьезным конфликтам между Китаем и странами-участницами двух и многосторонних территориальных споров. Это наносит ущерб региональной и международной безопасности.

Основные корректировки Китаем стратегии военной безопасности, угрожающие Вьетнаму, следующие: во-первых, курс на усиление авиации и флота; во-вторых, способы и средства ее реализации — преимущественно в направлении моря, т. е. курс, определяемый как «строительство морской державы». Цель этих действий — перенести центр тяжести морской тактики КНР с «обороны в открытом море» на «защиту на океанах», чтобы отражать «все угрозы правам и интересам судоходства Китая». Это усилило опасность установления негласного контроля Китая над ЮКМ, даже возможность, пусть умеренного, но все-таки серьезного конфликта между Китаем и Вьетнамом в споре за принадлеж-

ность островов в ЮКМ. Меняются представления и взгляды относительно военной безопасности Вьетнама. Он осознает, что в нынешней обстановке следует заново оценить «друзей соседей» с учетом изменения их стратегии военной безопасности. Вьетнам вынужден усиливать оборонный потенциал посредством заключения контрактов о покупке оружия и военной техники. Расширяется военное сотрудничество СРВ со странами АСЕАН и с США. Вьетнам также осознает, что оборона должна служить национально государственным интересам, национальный суверенитет — превыше всего, остальное — это иллюзии [3].

Амбиции КНР обладать монополией на решения в регионе ЮКМ вызвали стремление всех вьетнамцев как в стране, так и за ее пределами, в едином порыве поддерживать борьбу в защиту суверенитета и территориальной целостности. Это — сила солидарности, сила национальной памяти, которая способна одержать победу над самым современным оружием. Вместе с народом руководители партии и правительства Вьетнама осознают простую истину — во имя интересов нации и корпораций северный сосед готов похоронить более двадцати лет нормализации отношений. Ради «глобальных целей» они используют ЮКМ — единственный проход в океаны, во имя того, чтобы стать хозяином региона, а не во имя искренней дружбы между народами двух соседних стран.

АСЕАН — ведущая интеграционная структура в ЮВА. Одним из его столпов является Сообщество политики и безопасности (СБА). Как говорилось при планировании его создания в 2004 г., СБА должно было усилить способность государств АСЕАН противостоять традиционным и нетрадиционным угрозам. Оно также должно было укрепить их отношения с партнерами по диалогу и другими дружественными странами. СБА — это не военный союз и не система коллективной безопасности. Оно не предполагает создания ни военной организации, ни каких либо совместных вооруженных сил, и в его нормативных актах нет ничего подобного ст. 5 Североатлантического договора. Члены Сообщества связаны лишь обязательством не применять силу в отношении друг друга, рассматривать свою безопасность в неразрывной связи с безопасностью других членов и как часть общей безопасности региона, руководствоваться единой оценкой ситуации и вытекающими из нее задачами. В АСЕАН это называют «взаимозависимостью безопасности», или «системой совместной безопасности». Это форма сотрудничества государств, чья национальная безопасность настолько взаимозависима, что ее невозможно рассматривать в отрыве друг от друга, и когда национальные интересы в сфере обороны и безопасности каждой от дельно взятой страны зависят от того, что произойдет со всей группой стран. И Китаю приходится иметь дело не просто с отдельными государствами региона, но и зачастую с их коалицией в лице данного сообщества.

Принимая во внимание идеи в области систем безопасности и методов и перспектив их обеспечения, высказанные на XIX съезде КПК в ходе доклада Си Цзиньпина и выступлений других лидеров государства, представляются наиболее значимыми следующие факторы: регион Южно-китайского моря по-прежнему будет оставаться одной из самых активных точек интереса КНР с позиции обеспечения энергетической, инфраструктурной и военной безопасности; страны-участники

проекта «Большой Меконг», объединив усилия в рамках стратегии АСЕАН, смогут снизить уровень влияния КНР в регионе; страны АСЕАН создав «систему совместной безопасности», подчиненную национальным интересам и экономической безопасности своего региона, будут в краткосрочной перспективе, представлять для Китая новый вызов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. China under Jiang Zemin [Electronic resource] // Facts and details. — Mode of access: <http://factsanddetails.com/china/cat2/sub7/item76.html>. — Date of access: 12.02.2018.
2. China-Southeast Asia relations [Electronic resource] // ChinaFile. — Mode of access: <http://www.chinafile.com/keyword/china-southeast-asia-relations>. — Date of access: 12.02.2018.
3. While courting China, Vietnam prepares for a future South China Sea crisis [Electronic resource] // World politics review. — 2016. — Mode of access: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/19978/while-courting-china-vietnam-prepares-for-a-future-south-china-sea-crisis>. — Date of access: 12.02.2018.

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ВЕНЕСУЭЛО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI в.

Юруть М. Г., Чесновский М. Э., Белорусский государственный университет, e-mail: margarita.yurut@gmail.com, m.chasnouski@gmail.com

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается ретроспектива и современные основы венесуэло-китайского стратегического партнерства. Сближение Венесуэлы и Китая предопределили схожие взгляды их руководства на мировую политику. Бוליварианская внешняя политика основана на практически тех же универсальных принципах, которые определяют внешнюю политику Китая, выделяя такие, как взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование и невмешательство во внутренние дела. Оба государства идеологически консолидируют цели неприятия империализма, гегемонизма и колониализма, стремление способствовать миру во всем мире как высшей ценности и стимулирование многополярности как правильного пути к международному равновесию и развитию. Однако построение стратегического альянса обоих государств не всегда основывается на этих факторах.

Ключевые слова: венесуэло-китайские отношения; стратегическое партнерство; дипломатическая солидарность; идеологическая консолидация; модель социализма; ослабление «левого поворота».

Решение установить дипломатические отношения на уровне послов между Венесуэлой и КНР было принято 28 июня 1974 г. после достижения соглашения по проблеме Тайваня [1, р. 195]. Однако вплоть до начала XXI в. венесуэло-китайские отношения были сдержанными, обрета динамику лишь после прихода к власти Уго Чавеса. В 2001 г. оба государства объявили о «стратегическом партнерстве», подписав соответствующее соглашение. Это событие произошло в рамках официального визита тогдашнего президента Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя в Каракас 15 апреля 2001 г. [2, р. 13]

24 мая 2001 г. на встрече в Пекине президенты Уго Чавес и Цзян Цзэминь подписали закон о создании совместной комиссии высокого уровня Венесуэлы и Китая (далее именуемая «Совместная венесуэло-китайская комиссия»). Этот закон реорганизовал и адаптировал старые «Рамочные соглашения», которыми регулировались двусторонние проекты. Со стороны Венесуэлы Совместную венесуэло-китайскую комиссию возглавило Министерство планирования и развития, со сторо-

ны Китая — Государственный комитет по развитию и реформе. Таким образом была создана институциональная база, позволявшая развивать отношения между двумя государствами.

Не менее важным базисом развития двусторонних отношений стало налаживание сотрудничества в рамках многосторонних встреч и международных организаций, в частности, «на полях» ООН. Венесуэла и Китай демонстрировали схожие позиции по многим международным вопросам и дипломатическую солидарность, выступая единым фронтом по различным международным проблемам. Венесуэла активно поддерживала позицию Китая в рамках объединения АЛБА [3, р. 205]. Например, на слушаниях ООН по сирийскому вопросу страны АЛБА и КНР совместно выступали в поддержку суверенитета Сирии и невмешательства в ее внутренние дела. Также они выступали за построение многополярного мира и активно сотрудничали друг с другом для достижения этой цели. В 2005 г. на 60-й юбилейной Генеральной Ассамблее ООН президент Венесуэлы выступил с призывом к кардинальной перестройке ООН, предложив перенести штаб-квартиру ООН в какой-нибудь город Южного полушария. Более того, Венесуэла выразила намерение получить место непостоянного члена в Совете Безопасности ООН. Китай, будучи постоянным членом этого органа ООН, поддержал кандидатуру Венесуэлы [4, с. 14].

В свою очередь, Венесуэла не поддерживала обвинения в нарушении прав человека в Китае, что укладывалось в рамки идеологических принципов венесуэло-китайских двусторонних отношений. Также официальный Каракас выступил в поддержку предложения Китая создать новую международную валюту, которая положила бы конец гегемонии доллара. При этом оба государства добивались создания более справедливой и всеобъемлющей международной валютной системы. Как видно из этих примеров, обе стороны действовали в одном направлении, используя при этом законные, ненасильственные меры и не нарушая принципы международного права.

Еще одним важным компонентом сближения двух государств стала социалистическая модель развития, которая, несмотря на свою уникальность, демонстрировала как в Китае, так и в Венесуэле принципиальное сходство.

Важно заметить, что социалистическая модель Венесуэлы оригинальна и не может сравниться ни с одним подобным опытом, даже с кубинским, поскольку каждая территория, каждая эпоха и каждый народ имеют свои особенности, делающие облик того или иного государства совершенно непохожим на другие государства. В Венесуэле строится собственная модель социализма, в основе которой лежит смешанная экономика. В то же время не отрицается и частная собственность, основанная на ответственности за социальное благосостояние. Существует также форма социальной собственности, основу которой составляют такие стратегические ресурсы, как нефть, энергетика и сельское хозяйство. Эти ресурсы не подлежат приватизации и ими должно распоряжаться исключительно государство [5].

Главной чертой социализма XXI в. в Венесуэле является то, что в его центре находится человек, а не капитал. В этом кроется одна из причин сближения Венесуэлы и Китая, который осуществляет строительство собственной модели социализма с китайской спецификой. Для ре-

ализации этой стратегии была разработана теория развития страны, в центре которой стоит человек и, в первую очередь, его духовное развитие и культура [6, с. 79]. Иными словами, именно человек в обоих государствах объявлен основой и целью общественного развития.

После смерти У. Чавеса в 2013 г. многие специалисты по Латинской Америке предвещали конец «левого поворота», кризис социализма XXI в., а также распад социалистического альянса АЛБА. Однако можно предположить, что у последователей Чавеса есть шанс продолжить курс строительства «социализма XXI века» и распространения идеи бolivаризма по всей Латинской Америке и в третьем мире. По мере роста влияния «новых» левых в Латинской Америке исследователи предложили гипотезу о том, что «цивилизация планеты конституирует себя сейчас как подлинный мировой авангард антисистемных и антикапиталистических движений». Локализуя его географически, они утверждают, что в 1920-е гг. центр этой борьбы находился в Советском Союзе, в 1960-е гг. — в Китае, в начале XXI в. он переместился в Латинскую Америку [7, с. 170].

Обобщая, важно подчеркнуть, что Венесуэла по примеру Китая попыталась изменить геополитическую суть современных глобальных интеграционных процессов путем перераспределения сфер влияния крупнейших держав на латиноамериканском континенте. С конца XX в. она стремится прервать традиционное засилье промышленно-финансовых корпораций США в Латинской Америке. Это стало возможным в силу, как минимум двух факторов: повышения внешнего влияния богатой энергоресурсами Венесуэлы на фоне обострения мирового энергетического кризиса и создания Китаем предпосылок для ускоренного экономического проникновения на латиноамериканский континент. Сопутствующим фактором стало появление амбициозного и креативного лидера Венесуэлы У. Чавеса, настроенного против политики Вашингтона.

Представленная выше стратегическая линия Венесуэлы выстраивалась на основе политико-идеологических расчетов У. Чавеса и экономического прагматизма КНР. Уход венесуэльского лидера из жизни ослабил «левый поворот» в Латинской Америке и позиции Венесуэлы на международной арене. Ее возможности продолжать реформы с выраженным социальным уклоном, проводить политику ограничения экономического присутствия США, объяснять населению необходимость временных лишений оказались подорванными Н. Мадуро, который упустил возможность осуществить перебалансировку народнохозяйственного комплекса для обеспечения венесуэльцев продовольствием и товарами повседневного спроса. Содержание реформ У. Чавеса оказалось выхолощенным, левые лозунги стали раздражать людей, падение мировых цен на нефть ударило по бюджету страны, финансовой поддержки от КНР не последовало (официальный Пекин решил не портить отношения с США). Зато Китай получил возможность активнее завоевывать венесуэльский рынок.

Таким образом, созданные У. Чавесом в начале XXI в. основы развития венесуэло-китайских отношений оказались недостаточно устойчивыми. В концептуальном плане главный расчет официального Каракаса на политическую поддержку его реформ со стороны КНР не был предварительно согласован с китайским руководством, строился на перспективе открытой конкуренции между КНР и США, стратегиче-

ские отрасли экономики Венесуэлы передавались Китаю в надежде на получение внешнеполитического покровительства с его стороны. Взаимная поддержка на международной арене, строительство социализма и идеологическая близость не обеспечили реализацию геополитических целей Каракаса через создание стратегического альянса Венесуэлы и Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Sobre el establecimiento de relaciones diplomaticas entre la República Popular China y la República de Venezuela // *Humania del Sur*. — 2009. — № 7. — P. 195-196.
2. Ji, B. Venezuela, China: 34 years of diplomatic relations / B. Ji // *China Daily*. — 2008. — P. 13.
3. Quiroz, C. Muchos acuerdos, cero transparencia. Devenir histórico de las relaciones entre Venezuela y China / C. Quiroz. — Caracas: Centro Gumilla. — 2011. — P. 205-206.
4. Делька, М. Нефтяная дипломатия Чавеса / М. Делька. — Франция: Ле Мондэ. — 2006. — С. 14.
5. Chávez: Socialismo venezolano se construye con economía mixta Chávez: [Recursos electrónicos]. — 2007. — Modo de acceso: <https://www.aporrea.org/actualidad/n89832.html>. — Fecha de acceso: 25.09.2018.
6. Цзопин, Х. Предпосылки формирования теории социализма «с китайской спецификой» / Х. Цзопин // *Социология власти*. — 2011. — № 2. — С. 74-80.
7. Ананько, К. Сущность леворадикального движения в странах Латинской Америки на современном этапе / К. Ананько // *Территория науки*. — 2017. — № 6. — С. 168—173.

ИНТЕРЕСЫ ИНДИИ В ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Юрченко А. В., Турарбекова Р. М., Белорусский государственный университет, e-mail: yurchenko6797@mail.ru, turarbekova@tut.by
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье рассматриваются основные интересы, которые преследовала Индия при вступлении в Шанхайскую организацию сотрудничества. В рамках исследования проанализированы отношения Индии со странами Центральной Азии, которые являются стратегическими партнерами Индии, дана оценка возможностей Индии в организации, а также ее интересов в различных сферах. Рассмотрено отношение Индии к ситуации в Афганистане и к инициативе Китая «Один пояс — один путь». Акцентируется внимание на проблеме энергетики и безопасности в регионе деятельности ШОС.

Ключевые слова: Индия; Шанхайская организация сотрудничества; Центральная Азия; внешнеполитические интересы; сотрудничество; контртеррористические операции.

В последнее время Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) начинает играть все более важную роль на международной арене. Если ранее к данной организации относились больше как к дискуссионной площадке, то со вступлением Индии и Пакистана к данной организации мнения изменились.

После расширения в ШОС представлены четыре из девяти ядерных держав, в странах-участницах проживает более 40 % населения, и, как заметил в одном из интервью президент РФ В.В.Путин, совокупный ВВП стран ШОС по паритету покупательной способности превосходит данный показатель стран-участниц G7.

Интерес к Шанхайской организации сотрудничества Индия демонстрировала уже давно. В 2005 г. она получила статус наблюдателя в ШОС. В последующие годы заинтересованность Индии в сотрудничестве с организацией колебалась, что выражалось в уровне представительства страны на заседаниях Совета глав-государств-стран ШОС [1,

с. 508]. В 2014—2015 гг. Индия продемонстрировала высокий уровень заинтересованности в сотрудничестве с ШОС. В 2017 г. Индия и Пакистан стали полноправными членами Шанхайской организации сотрудничества.

При вступлении в какую-либо организацию страна преследует свои интересы. Не стала исключением и Индия. К таким можно отнести политические и экономические интересы, интересы в области безопасности и энергетики.

Становясь членом организации, у страны появляется больше возможностей: она может присутствовать на большем количестве мероприятий, также появляется право голоса, благодаря чему у Индии появится больше площадок для обсуждения вопросов, а рассматриваемые в рамках ШОС вопросы будут приниматься с учетом мнения Индии.

Также весьма важным является экономическое сотрудничество, сотрудничество в финансовой сфере и сфере инвестиций. В последнее время наметилось увеличение сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН, даже начались переговоры о создании зоны свободной торговли (ЗСТ). В данной ситуации Индия могла бы использовать свои хорошие отношения со странами АСЕАН для ускорения процесса создания ЗСТ. Кроме того, создание в будущем ЗСТ между ЕАЭС и АСЕАН, ШОС и ЕАЭС могло бы привести к созданию самой большой ЗСТ в мире на пространстве Евразии и АТР.

Индийская чайная и фармацевтическая промышленность уже хорошо укрепились в странах ШОС. Перспективными сферами сотрудничества и инвестиций могли бы стать ИТ-сфера, банковское дело, строительство.

Имеют у Индии и интересы в участии в межбанковском объединении ШОС. До конца текущего года финансовые организации Индии и Пакистана присоединятся к межбанковскому объединению Шанхайской организации сотрудничества.

Также через ШОС может усилиться сотрудничество Индии в сельском хозяйстве. В Индии существует проблема слабости инфраструктуры, нехваткой средств доставки, переработки и хранения продукции. В данном случае присутствует обоюдно выгодный интерес: Индия — приобретение технологий, страны Центральной Азии, Китай — решение проблемы продовольственной безопасности.

Многие эксперты рассматривают интересы в области безопасности и энергетики в качестве приоритетных. Действительно, интересы Индии в сфере безопасности совпадают с политикой ШОС по борьбе с «тремя злами»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Индия сама не раз становилась жертвой террористических актов. Кроме того, Индию окружают страны, в которых действуют радикальные террористические организации. Вопрос борьбы с терроризмом получает особое значение в связи с активизацией в Афганистане террористической группировки «ИГИЛ». В связи с этим повышается значимость уже имеющейся военной базы Индии в Таджикистане (авибаза Фархор), которая используется для поддержки антитеррористической операции в Афганистане.

Важной проблемой в сфере безопасности является слабая защищенность границ между странами. Плохое управление границами и коррупция в сочетании с резким ростом производства опиума в Афгани-

стане создает серьезные проблемы для внешней политики Индии, поскольку большая часть денег, полученных в результате незаконного оборота наркотиков, используется для поддержки деятельности экстремистских террористических организаций.

В 2013 г. в рамках ШОС был создан Энергетический клуб [2, с. 172]. Одним из вопросов, которые обсуждаются на площадке клуба, является прогноз спроса и объемов поставок энергоносителей. Став полноправным членом, Индия сможет импортировать сырье на более выгодных для себя условиях. Не стоит забывать тот факт, что по прогнозам к 2035 г. Индия станем вторым в мире импортером сырья. В попытке диверсифицировать источники поставок энергоресурсов Индия рассматривает Центральную Азию в качестве приоритетного направления. В регионе находится большое количество ресурсов, однако доступ к ним затруднен из-за плохого транспортно-логистического сообщения между странами и отсутствия у стран Центральной Азии выхода к океану. Товарооборот осуществляется через третьи страны, что затрудняет торговлю, так как она зависит от политической ситуации в государствах транзита. Один из маршрутов проходит через Пакистан. Участие обеих стран в ШОС позволяет предположить, что сосед не будет преграждать путь. Особое значение в данной ситуации приобретает порт Чабахар в Иране, который позволит получить странам ЦА выход к океану, а Индии — увеличить поток товаров и в ЦА, и в Россию, и в Европу.

Заинтересованность Индии в укреплении двусторонних отношений была продемонстрирована во время визита премьер-министра Индии Н.Моди во все пять центральноазиатских государств в июле 2015 г.

Особое отношение у Индии имеется к программе Китая «Один пояс — один путь». Индия настороженно относится к этой инициативе, выступая против строительства китайско-пакистанского экономического коридора через спорную территорию на северо-западе Кашмира [3].

В сфере безопасности в рамках ШОС осуществляется борьба против «трех зол»: терроризма, сепаратизма и экстремизма, что полностью совпадает с интересами Индии, которая сама не раз становилась жертвой террористических организаций. Кроме того, Индия окружена странами, в которых действуют радикально настроенные террористические группировки. Угрозы терроризма важна по причине ухудшения ситуации в Афганистане, где набирает силу террористическая организация «Исламское государство». В связи с этим повышается значимость уже имеющейся военной базы Индии в Таджикистане (авибаза Фархор), которая используется для поддержки антитеррористической операции в Афганистане.

Важной проблемой в сфере безопасности является слабая защищенность границ между странами. Плохое управление границами и коррупция в сочетании с резким ростом производства опиума в Афганистане создает серьезные проблемы для внешней политики Индии, поскольку большая часть денег, полученных в результате незаконного оборота наркотиков, используется для поддержки деятельности экстремистских террористических организаций.

После вступления Индия также расширила свое сотрудничество с Региональной антитеррористической структурой (РАТС). В этом году военнослужащие из Индии и Пакистана впервые приняли участие в совместных антитеррористических учениях «Мирная миссия — 2018» .

Несмотря на существование крепких исторических отношений, центральноазиатский регион не занимал видного места в индийской внешней политике. После осознания своего «дипломатического пробела» в отношении региона Индия стала уделять большее внимание этому региону своей внешней политикой. Однако развивающаяся геополитика борьба некоторых в регионе останется главной проблемой Индии, которая будет иметь прямое или косвенное влияние на интересы Индии. Налаживание и расширение связей со странами — членами ШОС приведет к укреплению геополитических позиций государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Харина, О. А. Стратегические интересы Индии в ШОС: энергетика и безопасность / О. А. Харина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2017. — Т. 17, № 3. — С. 508—517.
2. Шевелёва, М. В. Энергетический клуб Шанхайской организации сотрудничества и формирование стратегии многостороннего сотрудничества в сфере энергетики / М. В. Шевелёва // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 2 / сост. Е. А. Достанко; редкол.: А. М. Байчоров (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2014. — С. 168—173.
3. Шикин, В. «Один пояс — один путь» в Южной Азии, или как расходятся дороги Китая и Индии [Электронный ресурс] / В. Шикин // Российский совет по международным делам. — 23.08.2017. — Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas-odin-put-v-yuzhnoy-azii-ili-kak-raskhodyatsya-dorogi-kitaya-i-indii/>. — Дата доступа: 15.09.2018.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»
«БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»
Минск, 25 октября 2018 г.**

**ЗНАЧИМОСТЬ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*Тихомиров А. В., Белорусский государственный университет,
e-mail: tihomirow@list.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В статье дана оценка места и роли Союзного государства во внешнеполитической стратегии Республики Беларусь с момента ее выхода на международную арену в качестве независимого государства. Обращено внимание на то, что процесс союзного строительства сопрягался с принципом сохранения суверенитета белорусского государства. В концептуальном плане соответствующая установка окончательно закрепились в 2000-х гг. В нынешних условиях белорусскую сторону не в полной мере устраивают результаты деятельности Союзного государства в экономической и производственной сферах, но в целом сложившийся формат взаимодействия с Россией она пересматривать не намерена.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Российская Федерация; Союзное государство; внешняя политика; стратегия, приоритет.

Курс на сотрудничество с Российской Федерацией входил в число стратегических приоритетов внешней политики Беларуси практически с момента ее выхода на международную арену в качестве независимого государства. В первой половине 1990-х гг. глава белорусского правительства В. Кебич допускал возможность создания конфедерации Беларуси с Россией и едва не ввел Беларусь в зону российского рубля. Во второй половине 1990-х гг. новый белорусский лидер А. Лукашенко, преодолев ожесточенное сопротивление оппозиции, добился создания полноценного союза Беларуси и России.

В декабре 1999 г. руководители Беларуси и России договорились о трансформации существующего союза в Союзное государство. В тексте договора подчеркивалось, что Союзное государство будет базироваться на принципах суверенного равенства государств-участников, добровольности, добросовестности выполнения ими взаимных обязательств и каждое из государств-участников сохраняет с учетом добровольно переданных Союзному государству полномочий суверенитет, независимость, территориальную целостность, государственное устройство, Конституцию, государственный флаг, герб и другие атрибуты государственности. Сроки создания нового белорусско-российского объединения в Договоре «О создании Союзного государства» не определялись, однако в приложенной к Договору программе действий предполагалось, что таковое возникнет к 2006 г.

В мае 2001 г. А. Лукашенко в обращении к делегатам II Всебелорусского собрания подчеркнул: «Союз с Россией — это желание подавляющего большинства белорусов. Он отвечает коренным интересам всего белорусского народа. Союз с Россией — это крупнейшие совместные проекты... И, наконец, равноправный Союз с Россией — это реальный суверенитет белорусского государства. Мы и далее будем неуклон-

но продолжать курс на укрепление союза с Россией» [1]. В дальнейшем установка на необходимость сохранения союзных отношений с Российской Федерацией стала одной из базовых установок внешней политики Республики Беларусь.

Вместе с тем, в 2002 г. белорусское руководство и белорусская дипломатия акцентировали внимание на то, что курс на углубление союзных связей с Россией не предполагает отказа от суверенитета белорусского государства. 18 июня 2002 г. на совещании по итогам переговоров с Президентом Российской Федерации В. Путиным Президент Республики Беларусь заявил: «Нам предлагают федеративное устройство нашего союза, иными словами, стать новой, 90-й губернией Российской Федерации. На что мы открыто говорим: никаким северо-западным или северо-восточным краем любого государства мы не будем. Мы — суверенное, независимое государство со всеми атрибутами этого государства. Мы готовы строить союз, но только на равноправной основе» [2]. Оптимальным, по его мнению, могло стать создание белорусско-российской конфедерации [2].

В августе 2002 г. А. Лукашенко отверг предложение В. Путина о проведении в 2003 г. референдума о создании федеративного государства, сославшись на то, что такой путь не поддержит белорусский народ, поскольку он лишает белорусское государство его суверенитета. Не поддержал президент Беларуси и возможности построения союза на принципах Европейского союза, сославшись на то, что сравнительно недавно Беларусь и Россия имели единое государство и, соответственно, огромный положительный опыт. Наиболее приемлемым, с его точки зрения, являлось наполнение действующего Договора о создании Союзного государства реальным содержанием без внесения в него сколь-нибудь существенных изменений [3].

В апреле 2003 г. Президент Республики Беларусь, выступая перед депутатами Национального собрания, отверг возможность принятия российского рубля в качестве единой валюты Союзного государства, обратив внимание на то, что единственно приемлемым для Беларуси вариантом является равный статус Национального банка Республики Беларусь и Центрального банка Российской Федерации с делегированием функций органов управления единого эмиссионного центра Межбанковскому валютному союзу. При этом было подчеркнуто, что сложившаяся в Беларуси социально-экономическая модель не должна подвергаться корректировке [4]. В июне 2003 г. белорусская сторона увязала вопрос о переходе к единой валюте Союзного государства с успехами в создании Единого экономического пространства между Беларусью и Россией [5].

В апреле 2004 г. белорусский лидер высказался против возможности вынесения на референдум Конституционного Акта Союзного государства, высказав мнение, что данный правовой акт не содержит положений, предусматривающих существенное продвижение вперед в деле союзного строительства. В очередной раз в Минске было подчеркнуто, что «союз двух» должен действовать исключительно на условиях полного равноправия входящих в его состав государств [6].

В июле 2004 г. А. Лукашенко в выступлении перед белорусскими дипломатами отметил, что процесс белорусско-российской интеграции должен проходить постепенно, на естественной и прагматичной основе [7, с. 42]. В этом же выступлении было подчеркнуто, что как минимум в

краткосрочной перспективе внешняя политика Беларуси будет нацелена на сохранение ее независимого статуса с учетом пребывания между Россией и ЕС. «...Беларусь не “буферное государство” и не вассал той или иной страны. Мы не в западне. Мы не камешек между жерновами. Напротив, история и география дали нам уникальный шанс. Современное, серьезное, развитое и независимое государство, каковым мы стали за последнее 10-летие, должно использовать этот шанс и превратить то, что было в прошлые века историческим проклятьем, в экономическое благословение. В этом — главная задача внешней политики нашего государства», — заявил А. Лукашенко [7, с. 42].

В дальнейшем белорусское руководство декларировало намерение сохранять союзные отношения с Россией, но исходить из первичности государственного суверенитета Беларуси и ее права на осуществление самостоятельной внешней и внутренней политики, независимости основ белорусской модели развития. Однако в целом процесс белорусско-российской интеграции в Минске оценивался положительно. В апреле 2005 г. А. Лукашенко заявил, что Союз Беларуси и России продолжает оставаться не только наиболее развитой, но и наиболее эффективной, живой, работающей структурой на постсоветском пространстве [8]. В сентябре того же года он отметил, что Союз Беларуси и России «не только прочно вошел в судьбу двух братских народов, навсегда вписан в их новейшую историю, но и стал геополитической реальностью, оказывающей влияние на ход исторического процесса», став «центром притяжения и примером свободного и равноправного сотрудничества суверенных держав» [9, с. 540—541]. Вместе с тем, по мнению, белорусского президента, фундаментом реализации интеграционного проекта Беларуси и России на данном этапе должны были стать экономические отношения, вопросы кооперации в рамках союзного строительства, создание равных прав хозяйствования, сотрудничество городов, регионов и предприятий [9, с. 541].

Во второй половине 2000-х гг. между официальными структурами в Минске и Москве неоднократно возникали разногласия по ряду политических и экономических вопросов. Эти разногласия отразились на интеграционной риторике белорусского руководства (к примеру, в рассматриваемый период из политического дискурса Минска была исключена тематика принятия Конституционного акта и введения валюты Союзного государства). Однако установка на сохранение союза с Россией продолжала фигурировать в качестве одного из базовых приоритетов внешней политики Беларуси. В декабре 2010 г. на IV Всебелорусском собрании А. Лукашенко заявил: «...С Россией рвать ни в коем случае нельзя. Мы — когда-то одна страна, мы — один народ, мы — от одного корня. Никогда ни с кем, наверное, мы не будем так тесно сотрудничать, как с Россией, даже в самые худшие времена. Поэтому мы нормализуем эти отношения. Вы увидите, что они так же нормализуются, как неожиданно якобы испортились... Ничего не испорчено, потому что у нас есть там интересы, у России здесь тем более интересы, и друг без друга мы существовать не можем» [10]. И действительно, разногласия не помешали двум странам пойти на более тесное сближение в сфере экономики (посредством создания Таможенного союза и в последующем его преобразования в ЕАЭС) и сохранить активное взаимодействие в рамках военно-политического союза ОДКБ.

Руководство Беларуси не изменило позицию в отношении союза с Россией и после событий 2014 г., в результате которых Россия вошла в состояние конфронтации с Украиной и «коллективным Западом». В 2014—2018 гг. Президент Республики Беларусь неизменно подчеркивал, что работа в рамках Союзного государства остается приоритетным направлением внешней политики белорусского государства.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что изменившийся международный статус российского государства и идеи «Русского мира» в Минске воспринимали без энтузиазма. В очередной раз белорусская сторона акцентировала внимание на желании сохранять суверенитет в вопросах мировой политики и собственного государственного строительства. В апреле 2015 г. А. Лукашенко заявил: «Мы имеем и будем иметь свою позицию, свою точку зрения. И надо понимать: мы суверенное, независимое государство. Мы теснейшим образом связаны с Россией и с русским народом. Это наш народ, а мы их народ. Мы — братья. Но мы хотим жить в своей квартире, в многоэтажном доме. У вас большая квартира, пентхаус там, или как она называется, а у нас небольшая в одном доме, но своя квартира. Даже самые близкие друзья, братья, сестры и прочие — они хотят жить не у тещи, не у свекрови. Они хотят свой уголок, свой куток, як у Беларусі кажуць. И если кто-то полагает, не только в России, но и в других местах, что нас этого можно лишить — никогда! Никогда! Мы суверенное, независимое государство, никому не создающее проблем. И никогда их не создадим, кто бы здесь ни был Президентом» [11]. Спустя год, глава белорусского государства отметил: «Наши колоссальные интересы лежат в плоскости Российской Федерации... Но и высокотехнологичный Запад нам безразличен. Евросоюз — это второе, даже сегодня первое по торговле объединение с нами. Разве я могу этими интересами пренебрегать? Конечно, не могу» [12].

Отстаивая право на самостоятельное определение и осуществление внутренней и внешней политики, официальный Минск стремился сохранить обретенное ранее право на особые отношения с Россией в сфере экономики и болезненно воспринимал попытки российского руководства пересмотреть формат взаимодействия в рамках союза. Соответствующие установки, в частности, нашли отражение в выступлениях белорусского президента на V Всебелорусском собрании в июне 2016 г. и в парламентских посланиях 2017 и 2018 гг. В частности, обращаясь с посланием к белорусскому народу и Национальному собранию 24 апреля 2018 г., Президент Республики Беларусь заявил: «Союзный проект с Россией не утратил своего значения. По причине исключительно сложной международной обстановки, пожалуй, самой сложной за последние десятилетия, ценность нашего партнерства многократно возрастает. Вместе с тем интеграционный потенциал взаимодействия используется не в полной мере и не всегда эффективно. Вопросы допуска наших товаров на российский рынок уже набили оскомину! Два десятка лет твердим о формировании общего рынка, а проблемы то в одной, то в другой сфере — продовольствие или энергоресурсы — возникают, как по графику. Сейчас добавились еще миграционные и пограничные вопросы» [13]. Впрочем белорусская сторона выражала готовность преодолевать возникшие разногласия посредством переговоров и, в отличие от второй половины 2000-х гг., к излишнему созданию напряженности в отношениях с Россией не стремилась.

В целом же установки властей Республики Беларусь относительно сотрудничества с Россией и деятельности союзных структур сводились к следующему:

1. Белорусское руководство не выступало против существования структур Союзного государства и не препятствовало их деятельности, рассматривая в качестве безусловного внешнеполитического приоритета. Россия рассматривалась как дружественное и союзное государство, родственное Беларуси. Однако при этом подчеркивалось, что трансформация Союзного государства должна осуществляться на основе сохранения суверенитета государств, которые входят в его состав, осуществляться на равноправной основе и приносить взаимную выгоду участникам объединения.

2. Формат сотрудничества, сложившийся в политической сфере, белорусское руководство устраивал и подвергать его радикальной трансформации оно не желало. Более критичную позицию официальный Минск занимал в отношении результативности торгово-экономических отношений с Российской Федерацией. Неизменной и достаточно значимой при выстраивании союзных отношений с Россией являлась установка на сохранение социально-экономической модели развития, сложившейся в Беларуси в 1990-х гг.

3. Критике со стороны официального Минска подвергались действия руководства Российской Федерации, осуществляемые без согласования с белорусской стороной и направленные на извлечение односторонних выгод от сотрудничества. Однако при этом белорусская сторона выражала готовность к урегулированию конфликтных ситуаций путем переговоров и на основе здоровых компромиссов. Существенным подспорьем в части преодоления конфликтных ситуаций стала активная работа с субъектами Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Рэспубліка. — 2001. — 22 мая.
2. Звязда. — 2002. — 19 чэрвеня.
3. Звязда. — 2002. — 15 жніўня.
4. Лукашенко, А. Г. Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и парламенту Республики Беларусь, 16 апр. 2003 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-prezidenta-respubliki-belarus-aleksandra-lukashenko-k-belorusskomu-narodu-i-parlamentu-respubliki-5822/. — Дата доступа: 12.10.2018.
5. Звязда. — 2003. — 19 чэрвеня.
6. Лукашенко, А. Г. Послание Президента Беларуси Александра Лукашенко Парламенту, 14 апр. 2004 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-prezidenta-belarusi-aleksandra-lukashenko-parlamentu-5831/. — Дата доступа: 12.10.2018.
7. Лукашенко, А. Г. Выступление Президента Беларуси А. Лукашенко на совещании с руководителями белорусских дипломатических представительств «Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире» / А. Г. Лукашенко // Весн. М-ва замежных спраў. — 2004. — №3. — С. 35–52.
8. Звязда. — 2005. — 23 сакавіка.
9. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. Т. 9 (2001—2005 гг.) / склад.: У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарapa; рэдкал.: С. М. Мартынаў (старшыня) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2013. — 688 с.
10. Лукашенко, А. Г. Доклад Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко на четвертом Всебелорусском народном собрании, 6 дек. 2010 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. —

06.12.2010. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/doklad-prezidenta-respubliki-belarus-aleksandra-lukashenko-na-chetvertom-vsebelorusskom-narodnom-sobranii-5895/. — Дата доступа: 13.10.2018.

11. Лукашенко, А. Г. Обращение с Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию, 29 апр. 2015 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301/. — Дата доступа: 13.10.2018.

12. Лукашенко, А. Г. Обращение с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию, 21 апр. 2016 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-21-aprelja-obratitsja-s-ezhegodnum-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-13517/. — Дата доступа: 13.10.2018.

13. Лукашенко, А. Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию, 24 апр. 2018 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594/. — Дата доступа: 25.04.2018.

СОЮЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сутырин В. В., Государственный академический университет гуманитарных наук, e-mail: vsutyryn@gaug.ru
Мароновский пер., 26, г. Москва, 119049, Россия

В статье определены основные проблемы строительства Союзного государства в нынешних условиях, оценена результативность воздействия внутренних и внешних факторов на процесс союзного строительства. Предложен комплекс мер, направленных на активизацию соответствующего процесса.

Ключевые слова: Российская Федерация; Республика Беларусь; Союзное государство; геополитический фронтир; экономика; гуманитарная сфера; молодежная политика.

2017 г. продемонстрировал новую обстановку, в которой развивается союз России и Беларуси. В политический словарь журналистов и экспертов прочно вышел термин «новая холодная война». Сегодня нет признанных сфер влияния и двух идеологических систем. Но главное — нет общей системы правил и оценок, что делать можно, что нельзя, что «плохо», что «хорошо». В результате растут всеобщая подозрительность и риски конфликтов, в том числе и между формальными союзниками. Событийный ряд продолжает двигаться в сторону нарастающей конфронтации. В новой Стратегии национальной безопасности США Китай и Россия объявлены ревизионистами и угрозами безопасности США. Приняты решения о поставках американских вооружений Грузии и Украине. Продолжается расширение НАТО на восток, пока за счет Балкан, но в Альянсе не отказываются от возможности включения Украины и Грузии.

Беларусь, все еще позиционирующая себя как нейтральную площадку по украинскому кризису, сталкивается с растущим давлением со стороны Запада. В Польше и Прибалтике не смолкают заявления о военной угрозе со стороны Беларуси и России. При этом поблизости от границ Союзного государства размещаются дополнительные силы США и НАТО. В Киеве на фоне ухудшения социально-экономической ситуации верх берет радикальное крыло политиков, нуждающихся в конфликтах для укрепления своей власти.

В этой ситуации новые разделительные линии на восточных границах ЕС кажутся многим привлекательнее, чем новые мосты между Западом и Востоком. По крайней мере, пока на Западе не разберутся с внутренними кризисами. Геополитические заграждения на востоке позволяют удерживать фрондирующие правительства Польши и Венгрии в евроатлантической интеграционной группе. Поэтому в ближайшие годы страны пограничья между Европейским и Евразийским союзами будут развиваться в логике игры с нулевой суммой.

Беларусь является географической частью пограничного восточно-европейского региона и испытывает на себе его культурное и политическое влияние. Однако на протяжении последних 20 лет она демонстрировала самобытную траекторию развития, отличную от других стран региона. Отказ от необузданного национализма, ставка на союз с Россией и сохранение промышленного потенциала обеспечили устойчивость государства и развитие экономики.

Сегодня и Беларусь, и Россия переживают внутренние трансформации. Советский ресурс исчерпывается, растет конкуренция на союзном рынке. Это требует адаптации подходов в управлении экономикой, социальной и идеологической сферой. Меняющаяся демография заново ставит вопросы национальной идентичности.

России помогает самоопределиться конфронтация с Западом — сплочение вокруг победы в Великой Отечественной войне и российской истории, модернизация за счет ОПК, импортозамещение в стратегических сферах, национализация элит.

В Беларуси ситуация иная. Запад пока отложил идею свержения белорусского правительства, пошла игра на вовлечение. В этих условиях поддерживать консенсус о национальном развитии среди элит становится сложнее. Белорусская власть ищет новые подходы в идеологической сфере. Предпринимаются попытки выработать новое отношение к советскому наследию. Увеличилось внимание к национальной культуре, языку и белорусской диаспоре за рубежом. Идет поиск новых идей в развитии экономики. В ряде сфер, особенно IT-отрасли, происходит либерализация.

В либеральных кругах убеждают власть, что ключ к решению проблем в экономике находится в реорганизации крупных госпредприятий. Очевидно, что это приведет к их продаже зарубежным инвесторам или ликвидации многих из них.

Совместимы ли тенденции национального строительства в Беларуси и России с союзом двух стран? Совместимо ли с союзом развитие конкуренции производителей из двух стран на общем рынке? Теоретически да. Вопрос в конкретном наполнении этих тенденций в двух странах.

Многое в интеграции Беларуси и России достигнуто — граждане чувствуют себя комфортно и без барьеров в обеих странах. В то же время многие проблемы не решены, как, например, общая промышленная политика. Но без новых импульсов развития союз России и Беларуси будет изнашиваться по мере изменений в двух странах.

Создать образ будущего Союзного государства, который бы позволил «сшить» траектории развития Беларуси и России, в ближайшем будущем будет сложно. Мировое хозяйство находится в переходном периоде. Не ясна «карта» новых системообразующих отраслей в промышленности, а значит — и структура общества будущего.

Поэтому сегодня надо работать на уровне «точек роста» и отдельных технологий. Вокруг этих точек роста надо создавать успешные проекты — в передовых отраслях экономики, технологий, обороны, гуманитарной сферы. Из этой деятельности по крупницам и будет выкристаллизовываться образ будущего — снизу, а не сверху.

Например, вокруг БелАЭС, которая создаст избыток электроэнергии в Беларуси, можно разворачивать целый ряд совместных научных и промышленных проектов в сфере энергетике и электроники. Или разрабатывать повестку перехода Беларуси и России от «IT-офшора», когда основная часть человеческого капитала тратится на выполнение зарубежных «подрядов», к созданию совместных IT-корпораций. Например, за счет глобального проекта по цифровизации Евразийского экономического союза, который создаст интересный рынок сбыта.

Нужно определиться с ролью Союзного государства в процессах евразийской интеграции. Оно может быть, например, промышленным лидером (новая индустриализация), социальным лидером (общее гуманитарное пространство) и др. — надо искать.

Если Союзное государство не найдет свою нишу, то призывы к его «перестройке» или ликвидации будут усиливаться. В этом случае в Беларуси будут укрепляться силы, нацеленные на поиск государством своей международной ниши вне союза с Россией. А в России будет расти непонимание, зачем инвестировать ресурсы в развитие союза и делиться своим внутренним рынком с нелояльным соседом.

Настоящим стратегическим ресурсом наших стран является безусловное доверие с точки зрения безопасности. Этот ресурс не только обеспечивает около половины всей внешней торговли Беларуси и примерно столько же приходящих в страну инвестиций, а также главный рынок сбыта для высокотехнологичной продукции, дешевые энергоносители или «атомную» модернизацию энергосистемы страны.

Надо приложить больше усилий для выстраивания эффективной работы на «среднем уровне», налаживая предметный диалог между экспертами и политикоформирующими кругами Беларуси и России. Символично, что накануне саммита ШОС в Циндао, в котором приняли участие лидеры России и Беларуси, и Госсовета Союзного государства в Минске на площадке БГУ и Совета Республики состоялась представительная российско-белорусская конференция «Стратегические приоритеты безопасности Союзного государства», участники которой посвятили основное внимание анализу предложений по повышению экономической, технологической и информационной безопасности Союзного государства. Диалог традиционно проходил на паритетной основе, с равным участием экспертов с двух сторон. Конструктивное развитие подобных проектов вызывает пристальное внимание и настраивает на оптимистичный лад.

Прошедший в Минске в июне 2018 г. Высший Госсовет Союзного государства продемонстрировал образец не только абсолютно равноправного диалога, но и глубокого стратегического доверия. Ни к одной стране Москва так не относится.

В то же время в отношениях России и Беларуси присутствует ряд «шероховатостей». Можно выделить пять крупных проблемных узлов.

1. *Торговые споры.* В Минске обвиняют Россельхознадзор России в лоббировании бизнес-интересов, а Россию — в нарушении договора о Евразийском экономическом союзе в связи с периодическими запрета-

ми на поставки той или иной продовольственной продукции. В России недовольство вызывает продолжающийся поток реэкспорта санкционной продукции из ЕС через территорию Беларуси, который мешает политике импортозамещения в сельском хозяйстве.

2. *Граница.* Минск обеспокоен формированием Россией пограничной инфраструктуры на границе с Республикой Беларусь и введением проверки документов. В свою очередь, принятые Минском решения о 5-дневном безвизе для 80 стран мира, на днях продленном до 30 дней, вызывают озабоченность в вопросах безопасности у российских коллег, поскольку договоренностей между Россией и Беларусью о введении согласованного безвизового режима для 80 стран не было.

3. *Энергоносители.* Минск настаивает на скорейшем формировании единого рынка нефти и газа в рамках ЕАЭС, что приведет к выравниванию цен внутри союза и повышению конкурентоспособности белорусских производителей. Стороны приняли обязательства в рамках Договора о ЕАЭС прийти к единому рынку к 2025 г. Сегодня Беларусь как союзник Российской Федерации получает газ по низким ценам, но переговоры об очередных контрактах с «Газпромом» традиционно проходят непросто и часто политизируются.

Беларусь также получает нефть по внутрироссийским ценам (без включения в цену экспортных пошлин), что позволяет ей получать большие доходы за счет переработки нефти на своих НПЗ и продажи ее за рубеж по мировым ценам. В 2015 г. в России началась постепенная реализация налогового маневра, в результате которого должна обнулиться экспортная пошлина на нефть, но возрастет налог на добычу нефти. В этом же году Москва и Минск договорились оставлять всю сумму экспортной пошлины на нефтепродукты, получаемые РБ по внутрироссийской цене, в белорусском бюджете. По оценкам экспертов, на тот период эта сумма составляла около 3,35 млрд дол. США в год. Это стало своеобразной компенсацией за предстоящую отмену экспортной пошлины. Беларусь проводит глубокую модернизацию своих НПЗ, но пока трудно точно сказать, как завершение налогового маневра в Российской Федерации отразится на рентабельности нефтепереработки и доходах бюджета Республики Беларусь.

4. *Внешняя политика.* Москва, уважая суверенные решения Минска, с пониманием относится к курсу на развитие отношений со всеми партнерами, включая ЕС и США. Беларусь остается ключевым союзником России, подтверждением чему служит глубокий уровень интеграции в военной сфере.

В условиях, когда Минск развивает отношения с Западом, значительные силы которого нацелены на смену политического режима в России, серьезные уступки российского руководства белорусским союзникам в вопросах экономики могут не найти понимания среди россиян. Подходы к принципиальным вопросам во внешней политике союзников нельзя рассматривать изолированно от взаимодействия во всех других сферах, включая экономику.

5. *Гуманитарная сфера.* В Беларуси нередко указывают на опасности великорусского шовинизма и сопутствующего неуважения к белорусской культуре. Россию, в свою очередь, не могут радовать отдельные проявления радикальных националистов в Республике Беларусь, которые зачастую сопряжены с созданием образа врага в лице России.

Ситуация нагнетается в негосударственных СМИ и на интернет-площадках (причем с двух сторон), часто с подачи из-за пределов Союзного государства. Это угрожает укоренением негативных стереотипов в широких слоях общества и, главное, среди молодежи. России внушают страх перед политикой Беларуси, а Беларуси — перед политикой России. «Запрограммировать» национализмы двух стран на борьбу друг с другом — хороший инструмент по разрушению союзных связей. Достаточно создать в информационно-культурном пространстве союзнику образ «чужого» как появляется ощущение угрозы. Если ничего не предпринимать, то не появится и никаких заслонов на пути дальнейшего усиления этой тенденции.

По всемпяти проблемным узлам бессмысленно искать виноватых, однако найти развязки по этим проблемам на основе компромисса — задача решаемая. При этом развязки должны быть реальными, а не символическими.

Военный союз двух стран сложно рассматривать как рычаг в переговорах по причине взаимозависимости сторон. Россия нуждается в Беларуси не меньше, чем Беларусь нуждается в гарантиях безопасности со стороны России.

Не имеет перспектив сохранение инерционного сценария, когда все попытаются оставить как есть. Оставить все как есть означает пустить ситуацию на самотек. Приостановить развитие негативных тенденций возможно только активными действиями, иначе противоречия в российско-белорусских отношениях будут усугубляться, угрожая перерасти в хронический недуг.

Назначение нового посла России в Беларуси, наделенного полномочиями спецпредставителя президента Российской Федерации, равно как и июньское заседание Высшего госсвета Союзного государства в Минске, говорят о том, что российское руководство уделяет большое внимание развитию союза с Беларусью, продолжая рассматривать ее в качестве главного стратегического союзника.

Москва намерена встряхнуть проект Союзного государства, дать ему «второе дыхание». Причины — комплексные: это и смена поколений и мировоззрения в руководстве, и ряд признаков стагнации в российско-белорусских отношениях, и прогрессирующий распад постсоветского пространства.

Перезапуск проекта Союзного государства станет важным фактором стабилизации региона Восточной Европы и успеха евразийского интеграционного проекта. Однако развитие Союзного государства, созданного два десятилетия назад, уже невозможно только за счет экономики. Строительство союза предполагает ориентацию на поколения и невозможно без создания объединяющих смыслов.

Неслучайно гуманитарная тематика оказалась в центре внимания президентского Форума регионов — традиционной двусторонней площадкой для экономической интеграции. Выступая на пленарном заседании Форума, президент России В. Путин акцентировал внимание на необходимости поддержки гражданской активности молодого поколения, его вовлеченности в социальные и гуманитарные программы. Президент Беларуси А. Лукашенко также предложил посвятить Форум регионов в 2019 г. вопросам молодежной политики.

Судя по этим заявлениям, на уровне высшего руководства России и Беларуси достигнут консенсус о гуманитарном, «человеческом повороте» в союзном строительстве с акцентом на молодежь. Вопрос заключается в инструментах и механизмах реализации, от эффективности которых будет зависеть, сумеют ли Россия и Беларусь выстроить конструктивный мейнстрим гуманитарного взаимодействия. Без выстраивания работы с общественным сектором в двух странах реализовать поставленные задачи едва ли возможно.

Общественные организации становятся необходимы для развития Союзного государства и могут дополнять административные структуры, так как они:

- 1) более гибкие, чем госорганы и крупные корпорации, меньше зависят от громоздких согласований, что позволяет быстрее реагировать на изменения, работать индивидуально с конкретными целевыми группами;
- 2) менее отягощены административным бременем, что позволяет уделить основное время творческой реализации проектов и работе с людьми;
- 3) более привлекательны для молодежи, так как сравнительно быстро можно увидеть конкретные результаты своей деятельности;
- 4) организованы по сетевому или клубному принципу вокруг энтузиастов и идей, что позволяет формировать сообщества на основе общих смыслов и мировоззрения;
- 5) ориентированы на реализацию конкретных проектов и имеют право на ошибку, а значит способны обучаться и служат эффективным пространством подготовки эффективных кадров и проектных команд.

Условия успешной работы с молодежными группами — создание пространства, где молодые люди могут взаимодействовать, осваивая новое (будь то учеба, освоение новых навыков, новой профессии, реализация проекта и т. д.). Такое пространство можно создать лишь в том случае, если делать проекты не «для молодежи», а «вместе с молодежью».

Направления могут быть разными — программы академической мобильности, программы профессиональных стажировок, конкурсы, конкретные проекты. Главная цель — выращивание молодых проектных команд. Задача — не только в том, чтобы дать молодежи инструменты и ресурсы. Необходимо помогать ей осваивать новое — советом, примером, помощью в работе над ошибками.

Сегодня все более очевидно, что без отработки подобных технологичных общественного проектирования и социальных лифтов едва ли возможно решить задачи стратегического развития Союзного государства и в целом — евразийского проекта. Поэтому итоги состоявшегося в Могилеве Форума регионов внушают оптимизм.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ»

*Петрова Г. В., Институт проблем безопасности СНГ, МГИМО (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, e-mail: galina.v.petrova@mail.ru
пр. Вернадского, 76, г. Москва, 119454, Россия*

В статье раскрыты особенности международно-правовых механизмов обеспечения политической и экономической безопасности Беларуси и России в условиях углубления евразийской интеграции. Обращено внимание на необходимость дальнейшей гармонизации правовых форм белорусско-российского сотрудничества с целью предотвращения использования норм международного материального и процессуального права в качестве инструментов реализации недобросовестных приемов манипулирования и злоупотребления международным правом как инструмента вмешательства во внутренние дела государств.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Российская Федерация; Содружество Независимых Государств; международное право; Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств — участников СНГ.

29 мая 2015 г. была принята Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств — участников СНГ на период до 2020 года и План мероприятий по ее реализации. Концепция определяет основные принципы, цели, задачи и направления деятельности органов исполнительной власти государств — участников СНГ и их регионов, а также организаций и граждан в сфере межрегионального и приграничного сотрудничества государств — участников СНГ.

Документ предусматривает следующие задачи и направления межрегионального и приграничного сотрудничества Беларуси и России и других стран СНГ:

- совершенствование законодательства Беларуси и России; согласованное обустройство приграничной инфраструктуры;
- развитие торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества регионов;
- укрепление атмосферы доверия, взаимопонимания и добрососедства между населением регионов за счет развития гуманитарных связей;
- охрану здоровья и обеспечение правопорядка и безопасности;
- рациональное и безопасное использование природных ресурсов и осуществление хозяйственной деятельности с учетом обеспечения безопасности окружающей среды;
- обеспечение своевременного предупреждения и совместной ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на приграничных территориях;
- регулирование рынка труда и миграционных процессов на приграничных территориях;
- проведение Форума регионов государств — участников СНГ, создание региональных объединений сотрудничества [1].

Также Концепция предусматривает совместное рассмотрение вопросов развития и координации межрегионального и приграничного сотрудничества государств — участников СНГ, в том числе в рамках Совета по межрегиональному и приграничному сотрудничеству государств — участников СНГ [1].

Процесс формирования модели правового обеспечения российско-белорусского сотрудничества в сфере коллективной безопасности и военно-экономического сотрудничества стран СНГ включает межгосударственные соглашения России и Беларуси, как и прочих государств СНГ в сфере коллективной безопасности, являются соглашениями о специфической системе защитных мер, выработанных на региональном уровне согласованием суверенных волеизъявлений государств СНГ.

Правовая модель коллективной безопасности России и Беларуси стимулирует развитие собственного институционального механизма регулирования рынка стран по обороту продукции, произведенной в рамках военно-экономического сотрудничества. В то же время усиливается унификация норм международного права и гармонизация норм национального права России и Беларуси, действующих в сфере обеспечения национальной и коллективной безопасности, стимулируются механизмы конкуренции стран СНГ и иностранных государств на мировых рынках торговли продукцией военно-технического назначения.

Значимость международного договора как основного инструмента международного права при создании новых интеграционных форм взаимодействия без ущемления суверенитета государств-участников СНГ на основе принципов ООН повышается. Юридические приемы интерпретации международного и национального права в сфере международной безопасности и международной ответственности превращаются в широкомасштабную военно-политическую стратегию США по манипулированию международным правом привлечения к международной ответственности конкретных государств, против которых США и их партнеры вступили в политический и экономический сговор для «наказания» за намерение иметь суверенные взгляды на международную и национальную политику, валютно-платежную систему и бюджетный суверенитет.

Союзное государство Беларуси и России и СНГ как международная организация имеют достаточный правовой потенциал для создания юридическими средствами «оборонительного механизма» защиты и противодействия агрессивной политико-правовой деятельности США и его партнеров по НАТО в ООН по использованию норм международного материального и процессуального права в качестве инструментов реализации недобросовестных приемов манипулирования и злоупотребления международным правом в целях оправдания различных форм вмешательства во внутренние дела государств (например, в Украине) или агрессии против неудобных государств для обеспечения своих национальных интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств — участников СНГ на период до 2020 года и Плане мероприятий по ее реализации от 29 мая 2015 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Исполкома СНГ. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=3894>. — Дата доступа: 29.09.2018.

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ожигина В. В., Белорусский государственный университет,
e-mail: vera@ozhigina.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье рассматриваются вопросы формирования и осуществления бюджетной политики Союзного государства. Отмечено, что бюджет Союзного государства Беларуси и России является самым значительным среди бюджетов других интеграционных объединений на постсоветском пространстве. Также в статье обращено внимание на следующие положительные стороны бюджетной политики Союзного государства: рост бюджетных доходов и расходов, более значительный, чем в СНГ; расходы

вание значительной части бюджета на финансирование совместных программ; финансирование программ реального сектора экономики, сферы услуг, фундаментальных исследований. Вместе с тем, был отмечен ряд проблемных моментов и аспектов для улучшения: рост доли расходов на содержание органов власти и неиспользованных средств прошлых лет, сокращение в абсолютном и относительном выражении финансирования программ реального сектора в промышленности, энергетике и строительстве в 2014—2017 гг., отсутствие финансирования в 2018 г. программ в сельском хозяйстве и рыболовстве, транспорте, связи и информатике; незначительность бюджета в относительном выражении, сложность процедурных вопросов и др.

Ключевые слова: бюджет; бюджетная политика; бюджетные расходы; бюджетные доходы; международная экономическая интеграция; Союзное государство Беларуси и России; Евразийский экономический союз; Содружество Независимых Государств; совместная программа.

Бюджет Союзного государства Беларуси и России (СГ) регламентируется Декретом № 3 от 03.03.2015 г. «О порядке формирования и исполнения бюджета Союзного государства». Его размер значительно больше, чем размер бюджетов остальных интеграционных групп в СНГ. В 2010 г. он превышал бюджет ЕврАзЭС в 23 раза, а СНГ — в 14 раз [1, с. 18], в 2014 г. — в 12 и в 6 раз. В 2015 г. он был больше бюджета СНГ в 5 раз, в 2016 — 2018 гг. — в 7 раз. Бюджет ЕАЭС превышает бюджет СГ всего в 1,1 — 1,4 раза (рис. 1).

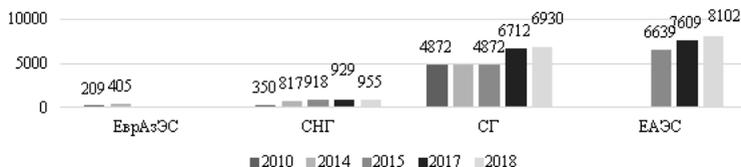

Рис. 1. Бюджеты ЕврАзЭС, СНГ, СГ и ЕАЭС в 2010—2018 гг., млн рос. руб.
Источник: авторская разработка по данным интеграционных союзов

За 1998—2018 гг. бюджет СГ вырос в 12 раз (с 585 до 6929 млн рос. руб.), тогда как бюджет СНГ с момента принятия Положения о едином бюджете органов СНГ, финансируемых за счет бюджетных средств государств — участников СНГ от 20.06.2000 г., вырос всего лишь в 5 раз (рис. 2).

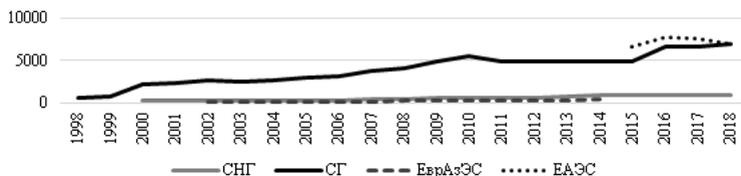
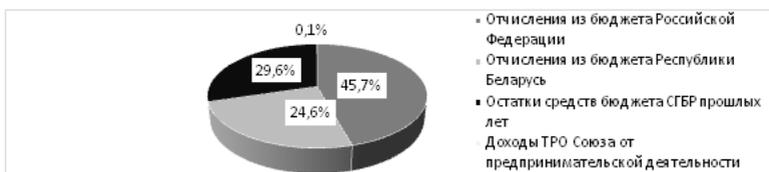

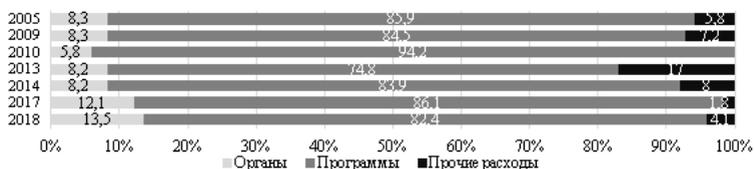
Рис. 2. Динамика бюджетов ЕврАзЭС, СНГ, СГ и ЕАЭС, млн рос. руб.
Источник: авторская разработка по данным интеграционных союзов

Традиционно бюджет СГ формируется из отчислений из бюджетов России (65 %) и Беларуси (35 %). Также он может включать доходы от союзной собственности (за аренду, куплю-продажу и передачу), доходы ГУ «ТРО Союза», остатки средств бюджетов СГ прошлых лет, а также штрафы, пени и прочие неналоговые поступления, добровольные перечисления международных организаций, физических и юридических лиц. Структура доходов бюджета СГ в 2018 г. представлена на рис. 3.

Рис. 3. Структура доходов бюджета СГ в 2018 г., %
Источник: авторская разработка по данным [2].

Бюджеты СНГ и ЕАЭС финансируют только деятельность органов власти. Из бюджета СГ на это идет 6–13 % в зависимости от года, тогда как 75–95 % направляется на союзные программы (рис. 4). Такая практика необходима и в ЕАЭС. Для сравнения, в ЕврАзЭС на совместные мероприятия и межгосударственные целевые программы выделялось всего 4 %.

Рис. 4. Структура расходов бюджета СГ, %
Источник: авторская разработка по данным [2].

Реальный сектор экономики представлен программами в сферах: промышленности, энергетики и строительства; сельского хозяйства и рыболовства; транспорта, связи и информатики. Финансируются и другие сферы: международная, военно-техническая, социальная, правоохранительная, безопасность, экология, гидрометеорология, геодезия, решение черновильской проблемы, образование, здравоохранение, спорт, культура и др. (рис. 5).

Рис. 5. Структура расходов на программы СГ, %
Источник: авторская разработка по данным [2].

Несмотря на указанные преимущества бюджета СГ, необходимо отметить следующие проблемы и аспекты для его совершенствования.

1. Растут расходы на содержание органов власти в ущерб доле расходов на союзные программы: с 2010 по 2018 гг. — с 5,8 до 13,5 %. Не-

обходимо их сокращение. Например, в бюджете ЕС они составляют всего 5,5–6 %.

2. Важно сократить долю неиспользованных средств прошлых лет. Она выросла с 13–16 % в 2008–2009 гг. и 4 % в 2010 г. [3, с. 69] до 25 % в 2018 г.

3. Финансирование программ реального сектора в промышленности, энергетике и строительстве активизировалось в 2006 г. (24 % бюджета). До 2013 г. оно росло в абсолютном и процентном отношении. Но в 2014–2017 гг. расходы упали из-за неблагоприятной конъюнктуры в странах СГ, обусловленной санкциями, снижением цен на нефть и девальвацией в России. Только с улучшением экономической ситуации в 2017–2018 гг. оно вновь выросло в 1,7 и 2,6 раза, по сравнению с 2016 г., доля выросла с 15 % в 2016 г. до 18 и 30 % в 2017–2018 гг. (рис. 6, 7). В 2018 г. реализуется 3 таких программы: информационно-вычислительные технологии для переработки углеводородов; электрокомпоненты для систем управления и безопасности автотранспортных средств специального и двойного назначения; технологии проектирования и изготовления изделий микро- и оптоэлектроники.

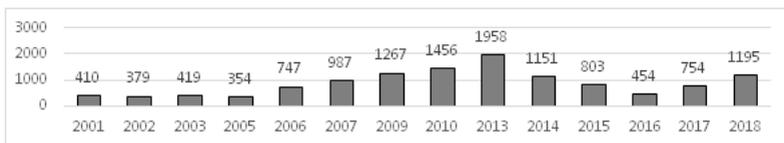

Рис. 6. Финансирование союзных программ в промышленности, энергетике и строительстве, млн рос. руб.

Источники: авторская разработка по данным [2].

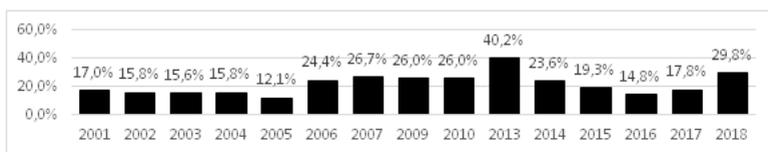

Рис. 7. Финансирование союзных программ в промышленности, энергетике и строительстве, в процентах к расходам бюджета на программы

Источники: авторская разработка по данным [2].

4. В 2018 г. не финансируется ни одной программы реального сектора экономики в сельском хозяйстве и рыболовстве, транспорте, связи и информатике. Положительным фактором, однако, является отчисление 28 % бюджета на фундаментальные исследования и содействие НТП (генеогеографические и геномные технологии идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофонда; технологии создания материалов, устройств и ключевых элементов космических средств).

5. Незначительность бюджета СГ в сравнении с ВВП и количеством населения. Для сравнения, если бюджет ЕС в 2017 г. составлял 134,8 млрд евро (303 евро на душу населения) или 0,9 % ВВП ЕС

[4], то бюджет СГ — 4,9 млрд рос. руб. Это составляет около 102,1 млн евро (0,66 евро на душу населения) или 0,007 % ВВП двух стран. Кроме ограниченности отчислений из национальных бюджетов причиной является структура доходной части бюджета СГ [1, с. 18]. Для сравнения, в 2017 г. в ЕС только 69,45 % доходной части бюджета формировалось за счет взносов стран-участниц, тогда как еще 14,92 % пришли в виде 75 % всех поступлений от взимания общего таможенного тарифа, еще 14,36 % составили 0,3 % от уплаченного НДС, оставшиеся 1,27 % — прочие источники (налоги, отчисляемые сотрудниками органов власти ЕС; штрафы, пеня компаниям за нарушение конкурентного законодательства; нераспределенные доходы бюджета и сбережения за прошлые годы; обязательства третьих стран по европейским программам и др.) [5]. В свое время налоговые поступления позволили увеличить бюджет ЕС, что способствовало созданию общего рынка, нивелированию негативных последствий общей торговой политики, перераспределению выгод и издержек между странами и регионами, инициированию структурных изменений. Понятно, что поскольку страны СГ также являются членами ЕАЭС, такое увеличение доходной части бюджета СГ маловероятно. Но подобная практика обязательно должна быть взята на вооружение для бюджета ЕАЭС. Причина: незначительность бюджета ЕАЭС, направляемого исключительно на финансирование органов власти, крайняя асимметрия интеграционной группы, важность перераспределения выгод и издержек интеграции и стимулирования структурных преобразований в обрабатывающей промышленности, модернизации экономики, устойчивого и инновационного развития.

б) Требуется решение и других процедурных проблем: отсутствие единого финансового фонда и исполнение бюджета через национальные казначейства (механизм исполнения внедрен в национальное законодательство) [4, с. 49—50], длительность процедуры принятия союзных программ (1,5—2 года), краткосрочное бюджетное планирование (1 год, а не 3—5).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ожигина, В. В. Союзное государство: быть или не быть экономической интеграции? / В. В. Ожигина // Банковский вестн. — 2010. — № 19. — С. 18—23.
2. Информационно-аналитический портал Союзного государства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.soyuz.by>. — Дата доступа: 12.09.2018.
3. Автономов, А. С. Правовое регулирование бюджета Союзного государства Беларуси и России и евразийская интеграция / А. С. Автономов // Государство и право. — 2013. — № 4. — С. 64—73.
4. EU Budget 2017. Strengthening the economy and responding to migration challenges [Electronic resource]. — Mode of access: http://ec.europa.eu/budget/library/biblio/documents/2016/factsheet-on-eu-%20budget-2017_en.pdf. — Date of access: 12.09.2018.
5. Петрова, И. В. Бюджет Союзного государства: подводные камни его исполнения / И. В. Петрова // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина. — 2016. — № 6 (22). — С. 45—55.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ, проект «Обоснование траектории роста в обрабатывающей промышленности Республики Беларусь в условиях международной многоуровневой экономической интеграции», Г17МС-009 от 18.04.2017 г.

ДЕЛОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС В МОСКВЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕНСИФИКАЦИИ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

*Шереметьев С. И., Белорусский государственный университет,
e-mail: ssherem1973@gmail.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В статье рассматриваются вопросы интенсификации белорусско-российских отношений. Автором показана роль зарубежных культурных центров по продвижению национальных интересов в других странах. В работе раскрываются вопросы развития сети культурных центров Беларуси за рубежом, изучается опыт новой коммуникативной белорусской площадки в Москве, Делового и культурного комплекса, в контексте наращивания двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: белорусско-российское сотрудничество; Деловой и культурный комплекс, зарубежные культурные центры; общественная дипломатия.

Союзное государство — уникальный интеграционный проект, благодаря которому Беларусь и Россия сохранили единство гуманитарного, культурного, образовательного, информационного и экономического пространства от белорусского Бреста до российского Владивостока. Последовательность в углубление партнерства Беларуси и России отвечает реалиям современности и стратегическим интересам двух стран. Вместе с тем, опыт союзного строительства показывает, что межгосударственная интеграция — это сложный и не скорый процесс. В условиях мировых кризисных явлений и глобальных вызовов нужны хорошо продуманные и скоординированные с обеих сторон действия, а также новые и эффективные инструменты для стимулирования двустороннего диалога по всем направлениям сотрудничества.

В последнее время все отчетливее во внешней культурной политике различных государств мира прослеживается тенденция усиления роли и влияния зарубежных культурных центров. Их деятельность как агентов «мягкой» силы реализуется в векторе укрепления геополитических позиций, решения внешнеполитических и экономических задач своих государств. Учитывая стратегическое и долговременное их влияние, многие страны прилагают большие усилия и выделяют значительные ресурсы для создания и расширения эффективной сети культурных и информационно-образовательных учреждений за рубежом. Наиболее крупные из них обладают специализированной материально-технической базой и имеют накопленный системный опыт по продвижению интересов своей страны за ее пределами.

В частности, в Австрии вопросами национальной культуры за рубежом занимается «Австрийский культурный форум», отделения которого размещаются в 30 городах мира [1], в Великобритании — Британский совет (215 отделений в 110 странах мира) [2], в Германии — Институты им. Гёте (159 институтов в 98 странах мира) [3], в Испании — Институт Сервантеса (87 представительств в 44 странах мира) [4], в Италии — Итальянский институт (90 институтов в различных странах мира) [5], в Китае — Китайские культурные центры (10 центров в различных странах мира) [6], в Польше — Польские культурные центры (20 центров в 18 странах мира) [7], в России — Россотрудничество (98 представительств в 81 стране мира) [8], в Чехии — сеть Чешских домов или Чешских центров (24 отделения в 21 стране мира)

[9], во Франции — «*Alliances Françaises*» (более 1000 представительств в 146 странах мира) [10], в Японии — Японский фонд (24 представительств в 23 странах мира) [11].

Несмотря на многообразие направлений и форм межкультурной деятельности зарубежных культурных центров, их объединяет стремление к формированию за рубежом объективного и позитивного образа своей страны посредством реализации культурных, образовательных, научных и иных проектов. Эффективность работы данных учреждений во многом определяется стратегическими задачами присутствия в государстве пребывания, объемом финансирования, спецификой, формами и средствами своей деятельности [12, с. 39].

Республика Беларусь как активный игрок на международной арене также следует вектору создания за рубежом своей сети информационных и культурных центров. Сегодня белорусские центры действуют в Польше (открыт в 2008 г.), России (2015 г.), Пакистане (2016 г.) и Китае (2017 г.). Географическое их расширение стало новым шагом в реализации государственной культурной политики и увеличении зон влияния за рубежом. Сегодня совершенствуются правовые и организационные условия их деятельности, механизмы и источники финансирования, развиваются культурные и экономические связи с разными странами.

Вместе с тем, поскольку Республика Беларусь по объективным причинам приступила к созданию сети таких центров относительно недавно, «в своей деятельности они охватывают незначительную аудиторию и пока не могут всерьез повлиять на формирование позитивного имиджа страны» [13, с. 39]. В этой связи встает проблема поиска дополнительных ресурсов и эффективных инструментов, позволяющих белорусским центрам выстраивать долгосрочные связи и наращивать культурное сотрудничество страны за рубежом.

Объектом исследования является деятельность Делового и культурного комплекса Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации (далее — ДКК, Комплекс) как двусторонней диалоговой площадки. Предмет — интенсификация белорусско-российского сотрудничества в контексте работы ДКК.

В теоретическом плане значимость работы определяется в изучении потенциала деятельности Комплекса как инструмента интенсификации белорусско-российских отношений, что может стать научно-теоретической основой в разработке методологических принципов работы сети культурных центров Беларуси за рубежом. В практическом плане — в применении материалов работы в процессе подготовки и переподготовки кадров, в повседневной работе сотрудников дипломатических органов, при обучении специалистов в области межкультурной коммуникации.

Учитывая тесное многостороннее сотрудничество Беларуси и России в рамках продолжения развития интеграционных процессов Союзного государства, в сентябре 2015 г. в Москве был открыт Деловой и культурный комплекс Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации.

Стратегической целью создания ДКК стало понимание необходимости поиска новых путей по:

— стимулированию интеграционных процессов и активизации взаимодействия Республики Беларусь с Российской Федерацией;

— наращиванию участия страны в системе двустороннего экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества;

— обеспечению систематической и разносторонней поддержки белорусских общественных объединений и соотечественников, проживающих в России.

По объему площадей, целевому финансированию и масштабу проводимой работы Комплекс является самым крупным на текущий момент из всех белорусских центров за рубежом. Общая площадь помещений составляет 15 тыс. кв. м., основные площадки (конференц-зал, мультимедийный пресс-центр, зал белорусской диаспоры, выставочные залы, гостиница, ресторан) оборудованы специализированной техникой и оформлены в национальном стиле. Деятельность Комплекса многофункциональна: от проведения мероприятий разных по формату и количественному составу их участников, до предоставления услуг по транспортному обслуживанию, размещению в гостинице и питанию.

Основные направления работы ДКК охватывают широкий спектр взаимодействия двух стран, к которым относятся: торгово-экономическое, культурно-гуманитарное, протокольное, интеграционное, международное, информационно-туристическое, научно-образовательное, взаимодействие с соотечественниками и молодежное сотрудничество.

На контактной площадке ДКК ежегодно проходит порядка 120 мероприятий двустороннего и многостороннего характера, различных по уровню и формату их организации. Широкий спектр направлений обусловлен, прежде всего, тесной интеграцией двух стран, их географической близостью, схожим менталитетом, культурой, традициями и религиозным вероисповеданием. Для участия в мероприятиях приглашаются видные политические и общественные деятели, представители интеграционных структур и дипломатического корпуса, аккредитованного в России, творческая и научная интеллигенция, соотечественники.

Выделим наиболее важные результаты трехлетнего периода работы Комплекса в аспекте развития белорусско-российского сотрудничества.

1. За время функционирования Комплекс стал действенным инструментом в системе развития конструктивного белорусско-российского диалога, известной и авторитетной государственной структурой по презентации достижений Беларуси, стартовой площадкой для реализации совместных проектов и программ, обсуждения вопросов формирования единого социального и экономического пространства.

2. Интенсивность деятельности ДКК и широкий охват сфер кооперации с Российской Федерацией способствовали укреплению имиджа Беларуси в российском информационном пространстве, привлечению к белорусской проблематике представителей медийного и экспертного сообщества.

Характерными мероприятиями в этом направлении стали: встреча представителей Постоянного Комитета Союзного государства с участниками пресс-тура в Республику Беларусь; видеомост экспертов «Зиновьевского клуба» и БГУ; рабочая встреча руководящего состава МИД Беларуси с представителями экспертного сообщества Российской Федерации; круглый стол «Тенденции формирования общего информационно-правового пространства в условиях современного информационного общества (на примере опыта России и Беларуси)» и др.

3. Реализация торгово-экономических мероприятий (свыше 80) позволила комплексно и системно представить экономической, промышленный и инвестиционный потенциал Беларуси с участием привлекаемых зарубежных компаний в региональных инвестиционных проектах, а предприятиям-участникам оптимизировать временные и финансовые затраты на поиск контактов, организацию и проведение переговоров.

Среди таких мероприятий можно назвать: комплексные презентации с представлением экономического, туристического и культурного потенциала регионов страны; презентации белорусских предприятий-экспортеров; Форум делового сотрудничества в рамках Дней Минска в Москве; мероприятия в рамках Года науки в Беларуси; выставки-презентации образовательных и туристических услуг Республики Беларусь и др.

Реализация блока разноформатных мероприятий по экономической проблематике дали возможность установить новые контакты и провести предметные переговоры с предприятиями и представительствами торгово-проводящих сетей, облисполкомами и префектурами Москвы, достигнуть договоренности о поставках изделий и продукции, подписать соглашения о сотрудничестве в различных областях.

4. ДКК зарекомендовал себя в качестве многосторонней международной площадки для обсуждения экспертным сообществом актуальных социально-экономических и политических тем Союзного государства.

По данной тематике можно привести в пример такие мероприятия, как: заседание организационного комитета Четвертого форума регионов России и Беларуси; заседание Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства; 49-я сессия Парламентского собрания Союза Беларуси и России; конференция «Проектирование будущего и горизонты цифровой реальности», посвященная развитию цифровой экономики Союзного государства; Экспертно-медийный форум «Инновационная медицина в Союзном государстве: перспективы развития»; заседания Российско-белорусского экспертного клуба по темам: «Беларусь и Россия на пути к единому гуманитарному пространству: барьеры и возможности», «Итоги парламентских выборов в Беларуси и России», «Выход на экспортные рынки как ресурс новой индустриализации Беларуси и России» и др.

Проведение регулярных заседаний и встреч, экспертно-медийных форумов и семинаров дало возможность привлечь внимание общественности двух стран к важным аспектам двустороннего сотрудничества и принять согласованные действия по решению узловых проблем развития Союзной интеграции.

5. Популяризация лучших достижений национальной культуры, искусства, образования, науки, туризма и отдыха стало одним из важнейших направлений и действенным ресурсом в продвижении имиджа и раскрытии потенциала страны.

Наиболее яркими в этом направлении двусторонними социально-гуманитарными проектами, программами и мероприятиями стали: Съезд Союза писателей Союзного государства России и Беларуси; заседание Экспертного совета по премиям Союзного государства в области литературы и искусства за 2017—2018 гг.; круглый стол «Беларуская літаратура на мовах народаў Расіі»; открытие фотовыставок «25-ле-

тие установления дипломатических отношений между Беларусью и Россией», «Союзное государство — единство народов, культур, стран»; Международный научный семинар «Современные проблемы книжной культуры Союзного государства: основные тенденции и перспективы развития» и др.

Вместе с тем, учитывая необходимость дальнейшего поступательно-го развития и углубления сотрудничества Беларуси и России, стратегическими приоритетами в работе ДКК на ближайшую перспективу станут:

— организация презентаций торгово-экономического потенциала областных городов и ключевых предприятий регионов для российских деловых и общественных кругов, представителей дипломатического корпуса;

— организация презентаций сфер деятельности министерств и ведомств с широким вовлечением белорусских субъектов хозяйствования;

— расширение практики проведения на базе ДКК мероприятий по линии интеграционных объединений;

— организация взаимодействия с российскими экспертами и масс-медиа, освещающими белорусскую проблематику;

— популяризация культуры и духовного наследия белорусского народа, активизация взаимодействия с соотечественниками посредством проведения совместных тематических культурно-гуманитарных проектов и акций.

Последовательное сближение Беларуси и России во всех сферах кооперации способствует достижению главной цели единения — повышению уровня жизни граждан. Дальнейшая системная работа нового белорусского центра в Москве, несомненно, будет играть все более заметную роль в укреплении взаимовыгодного сотрудничества и придаст дополнительный импульс в решении перспективных задач по повышению качества союзной интеграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Миссия [Электронный ресурс] // Сайт Австрийского культурного форума. — Режим доступа: <http://www.akfmo.org/ru/about/index.php>. — Дата доступа: 27.09.2018.

2. Британский совет [Электронный ресурс] // Сайт Википедии. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Британский_совет. — Дата доступа: 27.09.2018.

3. Институт имени Гёте [Электронный ресурс] // Сайт Википедии. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Институт_имени_Гёте. — Дата доступа: 27.09.2018.

4. La institución [Электронный ресурс] // Сайт Instituto Cervantes. — Режим доступа: http://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes/informacion.htm. — Дата доступа: 27.09.2018.

5. Итальянский институт культуры [Электронный ресурс] // Сайт Википедии. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Итальянский_институт_культуры. — Дата доступа: 27.09.2018.

6. О нас [Электронный ресурс] // Сайт Китайского культурного центра в Москве. — Режим доступа: <http://russian.cri.cn/2012zgwhzx.html>. Дата доступа: 27.09.2018.

7. Польский культурный центр [Электронный ресурс] // Сайт Польского культурного центра. — Режим доступа: <http://www.kulturapolshi.ru/world-locations>. — Дата доступа: 27.09.2018.

8. О Россотрудничестве [Электронный ресурс] // Сайт Россотрудничества. — Режим доступа: <http://rs.gov.ru/ru/about>. — Дата доступа: 27.09.2018.

9. Чешский центр [Электронный ресурс] // Сайт Википедии. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B5%D1%88%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80. — Дата доступа: 27.09.2018.

10. Альянс Франсез в Мире [Электронный ресурс] // Сайт Альянс Франсез в мире. — Режим доступа: <http://www.afrus.ru/ru/alyans-fransez-v-mirie>. — Дата доступа: 27.09.2018.
11. О фонде [Электронный ресурс] // Сайт The Japan Foundation. — Режим доступа: <https://jpfmw.ru/ru/about/o-fonde.html>. — Дата доступа: 27.09.2018.
12. Боголюбова, Н. М. Зарубежные культурные центры как самостоятельный актор внешней культурной политики / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. — 2008. — Сер. 6. (2). — С. 87—93.
13. Снапковский, В. Е. Международное культурное сотрудничество Республики Беларусь (1991—2011 гг.) / В. Е. Снапковский, О. И. Лазоркина // Журн. междунар. права и международных отношений. — 2011. — № 4. — С. 32—40.

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ (по результатам социологических опросов Агентства интеграционных инициатив)

Шевченко О. А., Агентство интеграционных инициатив,
e-mail: pr-aaii@ya.ru
ул. Беляева, 45, г. Смоленск, 214012, Россия

В статье раскрываются особенности восприятия друг друга жителями приграничных областей России (Смоленская область) и Беларуси (Витебская и Могилевская области), выявленные в результате опросов, проведенных Агентством интеграционных инициатив (г. Смоленск) в конце 2017 — 2018 гг. Отмечено, что при наличии положительного восприятия интеграционных процессов населением приграничных регионов, имеется ряд проблем. Явные недоработки присутствуют в части осуществления информационной политики (особенно среди молодежи), организации транспортного сообщения, взимания налогов, создания совместных предприятий либо налаживания бизнес-контактов. Игнорирование этих проблем может ослабить интерес друг к другу и привести к замедлению и даже срыву интеграционного процесса.

Ключевые слова: Российская Федерация; Республика Беларусь; Агентство интеграционных инициатив; социология; приграничные регионы; молодежная политика; экономика; предпринимательство.

Нам всем интересно знать, что думают о происходящем другие люди, поэтому социологические зарисовки нередко дополняют выпуски новостей. Для ученых, экспертов, предпринимателей социология дает пищу для размышления, подчас задает вектор развития бизнеса и даже целого научного направления.

В рамках проекта «Днепр-двинские ворота» (Президентский грант № 17-1-004683 от 2017 г.) команда Агентства интеграционных инициатив также прибегла к социологическому инструментарию, чтобы выявить степень экономической связанности приграничных областей. Для большинства людей, веками живущих бок о бок, вопрос о связанности, как кажется, не стоит. Но все же... Некоторые полученные в ходе опроса данные заставляют задуматься.

Социологическое исследование проводилось в Смоленской, Могилевской, Витебской областях в ноябре—декабре 2017 г. Всего было опрошено более тысячи человек, как из региональных, так и из районных центров, а также из сельских населенных пунктов.

Опрос показал, что жители Союзного государства России и Беларуси основным преимуществом от его создания считали возможность беспрепятственного перемещения по территории Российской Федерации и Республики Беларусь.

Экономическая связанность проявлялась, главным образом, на уровне товарообмена. Так, 74 % жителей Смоленской области на постоянной основе приобретали белорусские товары. Наибольшей популяр-

ностью среди смолян пользовалась молочная продукция белорусского производства, ее покупали 92,6 % опрошенных. 47,4 % респондентов покупали мясную продукцию, 38,7 % — хлебобулочную, 34 % — одежду и обувь.

Наиболее популярными были белорусские торговые марки производителей молочной продукции «Брест-Литовск», «Витебское молоко», «Молочные горки» а также обувные бренды *Marko* и *Belwest*.

Российские товары в белорусском приграничье приобретали порядка 43 % белорусов, принявших участие в опросе. Эксперты полагают, что данная цифра могла быть и больше, поскольку, согласно тем же данным, большинство белорусских респондентов при покупке товара, в отличие от россиян, не уточняли производителя. Из российских брендов единственным известным для белорусских респондентов брендов оказалась торговая марка «Твое» (г. Смоленск).

Однако экспертов удивило то, что около 40 % белорусов и 25 % россиян в возрасте до 30 лет ни разу не были в соседнем государстве. Кроме этого, несмотря на наличие родственных связей, от 30 до 40 % (в зависимости от региона) опрошенных приезжали к своим близким не чаще одного раза в несколько лет.

Отчасти объяснить это можно тем, что транспортная инфраструктура в приграничье оставляет желать лучшего. Трафик автобусных маршрутов (в частности, «Смоленск — Могилев») не позволяет осуществить поездку в соседний город в течение одного дня. Необходимость уплаты на границе страхового взноса значительно повышает стоимость выезда на сопредельную территорию на автомобиле. Отсутствие прямого пригородного сообщения на электропоездах существенно увеличивает временные затраты на проезд. Осложняет ситуацию невозможность обмена в приграничье денег, а также приобретения в пригородных поездках, следующих по территории Республики Беларусь, билетов за российские рубли.

Отсутствие или недостаточное использование имеющейся транспортной инфраструктуры, низкая доступность коммуникаций в приграничье также осложняет развитие межрегиональной связанности на уровне рынка услуг. В частности, 62 % респондентов никогда не выезжали в соседнюю область России или Беларуси для пользования туристическими, развлекательными, медицинскими, образовательными услугами. В том же случае, когда они выступали в качестве их потребителей, требовалась поездка в Москву или Минск.

То, что российско-белорусская тематика не является средоточием интересов молодежи приграничья (особенно российской ее части), в очередной раз подтвердили данные социологического исследования, проведенного весной 2018 г. Агентством интеграционных инициатив в Смоленской, Витебской и Могилевской областях.

В целом, как свидетельствуют данные опроса, и россияне, и белорусы хотели бы читать новости друг о друге самой широкой тематики. В большей степени их интересовали политика (29 % россиян, 27 % белорусов) и культура (23 % россиян, 21 % белорусов), менее интересными были для респондентов туризм, спорт, криминал, экономика.

Основными поставщиками информации о Беларуси для россиян, как показали результаты исследования, являлись телевидение, интернет-ресурсы и социальные сети. Белорусы в большей степени были сори-

ентированы на Интернет. Так, основная часть аудитории обращалась к информационным сайтам и социальным сетям, в то время как телевидение по степени значимости оказалось на третьем месте. Несмотря на популярность социальных сетей, степень доверия к ним аудитории являлась достаточно низкой. Наиболее объективно информация, по мнению опрошенных, была представлена на новостных Интернет-ресурсах.

Рейтинг телевизионных каналов — поставщиков информации друг о друге — у россиян выглядел следующим образом: чаще всего смотрят 1-й канал, далее следовали каналы РТР, НТВ. У белорусских респондентов на первых местах оказались ОНТ, НТВ-Беларусь, РТР-Беларусь.

Однако самое интересное заключается в том, что самым популярным у респондентов из двух стран стал умеренно оппозиционный белорусский портал TUT.BY. Его регулярно просматривала треть опрошенных. Ярко выраженные антиправительственные ресурсы («Белорусский партизан», «Наша Нива», «Хартия-97») у молодежной аудитории высоким спросом не пользовались.

Таким образом, *TUT.BY* выступал в качестве одного из ключевых факторов формирования российско-белорусского общественного мнения. А с учетом его нацеленности на рейтинги и подчас необъективного способа подачи материалов в отношении России (к примеру, кемеровской трагедии) можно предположить, какой образ друг друга формировался у молодых людей.

Наличие определенных проблем было зафиксировано и при проведении соцопроса среди предпринимателей России и Беларуси (опрос проводился социологами Агентства интеграционных инициатив в июне 2018 г.). По итогам опроса 70 % респондентов указали на положительные эффекты от интеграции в сфере взаимной торговли. Большинство опрошенных (более 60 %) считали важным упрощение таможенных процедур. Удовлетворительно оценивалась работа таможенных органов, налоговиков, миграционной службы, формирование транспортной инфраструктуры и т. д. Вместе с тем как российские, так и белорусские бизнесмены были недовольны сложностями с уплатой налога на добавленную стоимость. Вот некоторые формулировки респондентов: «процедура возмещения НДС, сложнее, чем при работе с дальним зарубежьем; слабыми сторонами выступает расчет и возврат НДС; уплата НДС и оформление заявлений». Отмечалась недостаточная согласованность законодательной и правовой базы России и Беларуси в части технических регламентов и сертификации продукции. Российский малый бизнес, в частности, пищевики, в качестве затрудняющего фактора выделили протекционистскую политику белорусского государства по отношению к российским товаропроизводителям. Недостаточным, согласно полученным данным, является уровень сотрудничества в реальном секторе экономики. Так, количество респондентов, занятых в сфере совместных производств, составляло всего лишь около 6 %. На межгосударственном уровне данный показатель значимо выше. Соцопрос показал, что, из всего интеграционного потенциала, который содержит в себе межгосударственные соглашения о создании Таможенного и Евразийского союза, реализованными являются, главным образом договоренности в таможенной сфере. При этом появление новых точек роста и кооперационных связей, в том числе в формате малого и среднего бизнеса возможно лишь в случае снятия административных барьеров.

Из вышесказанного следует необходимость согласованной информационной политики Союзного государства. Отсутствие общих креативных подходов неизбежно приведет к дальнейшей утрате интереса к союзной тематике со стороны молодежи и, как следствие, искаженному восприятию друг друга, а также событий, происходящих в наших странах.

Очевидной является необходимость разработки единой концепции развития приграничья на уровне Союзного государства, которая должна стать драйвером развития как российской, так и белорусской провинции.

Также необходима работа по постепенной унификации законодательств России и Беларуси в налоговой сфере, в области СНИПов, ГОСТов, формирование электронных систем обмена информацией, расширение контактов и возможностей для обмена мнениями в формате деловых площадок.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

*Озимко К. Д., Институт социологии НАН Беларуси,
e-mail: ceryl.azimfield@yandex.by
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2., г. Минск, 220072, Беларусь*

В статье раскрыты основные формы информационно-психологической войны, осуществляемой против Союзного государства и внесены рекомендации по противодействию современным информационным угрозам

Ключевые слова: Союзное государство; Интернет; информационно-психологическая война.

В настоящее время сеть Интернет занимает важное место в жизни белорусского и российского обществ. Согласно данным Национального статистического комитета Беларуси, в 2017 г. сетью Интернет пользовались 74,4 % граждан республики от общей численности населения в возрасте от 6 до 72 лет [1, с. 57]. В России, по данным ВЦИОМ, сетью Интернет в 2017 г. пользовались 80 % граждан старше 18 лет [2].

Продолжающийся рост популярности Всемирной сети свидетельствует о том, что в ближайшем будущем интернет станет и вовсе главным источником информации для населения. Однако сегодня в сети развернулась мощная информационно-психологическая война против Союзного государства Беларуси и России: в информационном пространстве обоих государств действует целый ряд финансируемых Западом интернет-ресурсов, содержание которых направлено на изменение общественного мнения по отношению к двустороннему интеграционному проекту.

В науке у термина «информационно-психологическая война» существуют различные определения. Одним из первых в мире теоретиков информационной войны признан Мартин Либики, который в работе «Что такое информационная война?» дал довольно полное и точное определение термину. Ученый считал, что информационно-психологическая война — это информационные воздействия, включающие в себя манипулирование, искажение и опровержение информации с целью достижения определенных интересов [3].

Антисоюзная пропаганда регулярно присутствует на порталах «Радио Свобода Россия», «Радио Свобода Беларусь» и «Настоящее время», официально спонсируемых Конгрессом США через Совет управляю-

щих по вопросам вещания. Среди порталов, рассчитанных на белорусскую аудиторию, также можно выделить спутниковый телеканал «Белсат», который на протяжении последних лет официально спонсировался из бюджета Польши, а с нынешнего года – за счет средств Великобритании, а также «Еврорадио Беларуси», открыто получающее средства из Европейского фонда в поддержку демократии.

На российскую аудиторию направлены, к примеру, Русская служба «Голоса Америки» и Русская служба «Би-Би-Си». Данные порталы также в тенденциозно негативном свете подают информацию об интеграционных проектах на постсоветском пространстве.

Очевидно, создавая и спонсируя СМИ для Беларуси и России, руководство некоторых зарубежных государств заинтересованы в формировании определенного общественного мнения у белорусов и россиян по тем или иным вопросам.

Главной целью формирования «антисоюзного» общественного мнения выступает препятствование любым интеграционным процессам на постсоветском пространстве. О данной цели было неоднократно заявлено в высшем руководстве США, в частности, бывшим Госсекретарем и кандидатом в президенты Хиллари Клинтон [4].

Многие СМИ антисоюзной направленности сегодня имеют довольно высокие рейтинги среди читателей и зачастую опережают государственные и государственнические. Стало быть, существующие способы борьбы против антисоюзной информационно-психологической войны не могут в полной мере справиться с задачей.

В связи с этим приходится констатировать, что сегодня существует угроза постепенного изменения общественного мнения в сторону негативного отношения к белорусско-российской интеграции, а также назрела необходимость внедрения новых приемов борьбы против развязанной информационно-психологической войны.

В Беларуси информационно-психологическая война против Союза выражается в формировании исключительно негативного образа у Союзного государства, а также у России в отдельности. Любопытно, что оппозиционные националистические СМИ основные информационные удары направляют не столько на дискредитацию Союзного государства как экономического или политического интеграционного проекта, сколько на дискредитацию общих исторических и духовно-культурных ценностей белорусов и россиян, общего ментально-культурного фундамента наших народов, на котором строится и цементируется любые союзы между двумя странами. Стало быть, информационная работа по изменению общественного мнения в Беларуси направлена не столько в настоящее, сколько в будущее.

Если проанализировать содержание некоторых популярных в Беларуси оппозиционных СМИ – «Радио Свобода Беларусь», «Белсат» и «Хартия 97» – очевидно, что основные информационные удары наносятся по Русской Православной Церкви (РПЦ), по Победе советского народа в Великой Отечественной войне и по русскому языку. В целом, это может свидетельствовать о том, что «антисоюзная» информационная работа с белорусами со стороны спонсируемых Западом СМИ проводится по сценарию информационной работы с населением Украины. Там основные информационные удары были нанесены также по общим духовно-культурным основам украинского и русского народов – дискредитация РПЦ с целью отделения от Московского Патриархата Украинской Православной Церкви, дегероизация Со-

ветской Армии и героизация коллаборационистов, негативные высказывания в связи с господством русского языка в общественной жизни.

Однако для российской читательской аудитории у «антисоюзных» медиа иная тактика. Она выражается, во-первых, в навязывании образа Беларуси как «ненадежного союзника», постоянно отдаляющегося от России и даже предающего Москву. Так, совсем недавно Русская служба «Радио Свобода» опубликовала интервью политолога Дмитрия Орешкина, который заявил, что «Россия теряет Белоруссию» [5]. И подобный посыл носит тенденциозный характер.

Вторым направлением ведения информационно-психологической войны против Беларуси выступает отрицание самостоятельности белорусского народа, формирования вокруг него образа «искусственного изобретения большевиков» и т. д. Этим грешат, как правило, не столько прозападные СМИ, сколько радикально-националистические.

Основные направления государства в сфере обеспечения информационной безопасности Беларуси закреплены в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, принятой в 2010 г.

Так, в документе закреплено, что «нейтрализации ряда внутренних источников угроз национальной безопасности способствует информационное обеспечение государственной политики, которое заключается в доведении до граждан Республики Беларусь и внешней аудитории объективной информации о государственном курсе во всех сферах жизнедеятельности общества, официальной позиции по общественно значимым событиям внутри страны и за рубежом, о деятельности государственных органов. Важной задачей при этом является расширение каналов и повышение качества информирования зарубежной общественности» [6].

Однако на данный момент работа в данном направлении фактически провалена. Если посмотреть рейтинг посещаемости информационных порталов Беларуси, можно заметить, что за июнь 2018 г. лишь один государственный информационный портал попал в топ-10 — сайт Белтелерадиокомпании, занявший 10 место [7]. В то же время четыре СМИ из топ-10 являлись оппозиционными.

В отличие от Беларуси, в Доктрине информационной безопасности России уделено должное внимание обеспечению защиты населения от негативного информационно-психологического воздействия [8]. К примеру, одним из направлений обеспечения информационной безопасности в области обороны страны выступает «нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества» [8].

Кроме того, среди направлений обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности названы «противодействие использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета, политической и социальной стабильности, насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности Российской Федерации», а также «нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [8].

В рейтинге цитируемости российских СМИ картина кардинально отличается от ситуации в Беларуси [9]. Так, наиболее высокие места, как

правило, занимают медиа, в которых преобладает позитивный образ Союзного государства: «РИА Новости», «ТАСС», «RT», «Россия 24», «Известия» и т. д.

В то же время на практике в сети Интернет существует ряд порталов, открыто транслирующих «антисоюзную» и порой даже ксенофобскую точку зрения, что говорит о том, что работа по обеспечению информационной безопасности в России также пока оставляет желать лучшего.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в Беларуси и России необходимо разработать новые способы противодействия информационно-психологическим войнам.

Во-первых, для того чтобы минимизировать восприимчивость читательской аудитории к приемам манипуляции сознанием, необходимо повышать в целом уровень медиаграмотности населения.

Это может выражаться во внедрении в школьную программу Беларуси и России специальных курсов, готовящих детей и подростков к жизни в информационном обществе.

Во-вторых, необходимо больше внимания уделить блогосфере. Как выявлению там нарушений законодательства, так и созданию альтернативных государственных блогов и видеоблогов.

Который год подряд впереди планеты всей по количеству посетителей уверенно находится «Google», «YouTube» и «Facebook». Кроме них, среди 20 наиболее посещаемых сайтов в 2017 г. оказались еще 5 социальных сетей, но не было ни одного электронного медиа.

Все это говорит о том, что сегодня главными «рядовыми» информационными войсками — сознательно или нет — становятся блогеры и видеоблогеры, владельцы страниц с высокой посещаемостью в соцсетях и авторы популярных каналов на видеохостинге YouTube.

В-третьих, необходимо принять Доктрину информационной безопасности Союзного государства Беларуси и России. Данный документ должен закрепить перечень всех информационных угроз интеграционного проекта, а также определить ряд актуальных и современных направлений борьбы с ними.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беларусь в цифрах. Статистический справочник. — Минск: Б.и., 2018. — 72 с.
2. Каждому возрасту — свои сети [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691>. — Дата доступа: 12.10.2018.
3. Libicki, M. C. What Is Information Warfare? / M. C. Libicki. — Washington: United States Government Printing, 1995.
4. Клинтон: США не допустят возрождения СССР [Электронный ресурс] // RT. — Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/1787>. — Дата доступа: 12.10.2018.
5. Путин 4.0. Что ждет Россию после очередной инаугурации Путина [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». — Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/29208345.html>. — Дата доступа: 18.06.2018.
6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство обороны Республики Беларусь. — Режим доступа: http://www.mil.by/ru/military_policy/konsep/. — Дата доступа: 20.09.2018.
7. Июнь 2018. Рейтинг посещаемости белорусских информационных сайтов [Электронный ресурс] // Наша нива. — Режим доступа: <https://nn.by/?c=ar&i=212378&lang=ru>. — Дата доступа: 09.07.2018.
8. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Рос. газ — Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>. — Дата доступа: 20.09.2018.
9. Топ-10 СМИ [Электронный ресурс] // Рейтинги газет, журналов, ТВ, радио и интернет СМИ от медиалогии. — Режим доступа: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/6147/index.php>. — Дата доступа: 08.07.2018.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»
«РЕГИОНАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРАЗИИ:
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ»
Минск, 26 октября 2018 г.**

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СТРАНАХ ЕАЭС**

Юрова Н. В., *Белорусский государственный университет,
e-mail: yurova@bsu.by
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В статье охарактеризованы условия формирования и развития человеческого потенциала в рамках региональной экономической интеграции через призму Целей устойчивого развития, уровень развития человеческого потенциала в странах ЕАЭС, институты, способствующие формированию, развитию и реализации человеческого потенциала.

Ключевые слова: *человеческий потенциал; институциональные условия; региональная экономическая интеграция; человеческое развитие; цели устойчивого развития; страны ЕАЭС.*

Интеграционные процессы на евразийском пространстве создают особые институциональные условия для стран по решению многочисленных современных социально-экономических проблем. Одной из ключевых целей развития Договором о ЕАЭС определено создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения (Статья 4 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.). Достижение данной цели во многом зависит от уровня развития и реализации человеческого потенциала. Человеческий потенциал лежит в основе экономического развития страны, интеграционного объединения, т.к. выступает основополагающим элементом в создании благ и услуг в системе общественного производства.

На международном уровне, как правило, распространена концепция человеческого развития, которая включает в себя человеческий потенциал. Так, в Докладе ПРООН за 2016 г. человеческое развитие определяется как «развитие людей посредством формирования человеческого потенциала, осуществляемое людьми (путем активного участия в процессах, формирующих их жизнь) и для людей (путем улучшения их жизни). Эта концепция шире, чем другие подходы, такие как подход с точки зрения человеческих ресурсов, подход с точки зрения основных потребностей и подход с точки зрения благополучия людей» [1, с. 2]. Данный подход подтверждает значение человеческого потенциала в системе социально-экономических отношений. Таким образом, верным является утверждение, что устойчивое человеческое развитие предполагает наличие высокого потенциала здоровья человека, образовательного, профессионального и духовно-нравственного уровня у каждого человека, способного в рыночных условиях эффективно конкурировать и участвовать в созидательной, инновационной деятельности, проявлять активную жизненную позицию в личных интересах и в интересах государства и союза государств.

В ежегодном Докладе ПРООН о человеческом развитии страны классифицируются по различным критериям. Базовыми критериями классификации с 1990 г. остаются: продолжительность жизни, образование и доход. По данным Доклада 2017 г. страны ЕАЭС имеют разный уровень человеческого развития. Так, Российская Федерация входит в число стран с очень высоким уровнем человеческого развития, располагаясь на 49 позиции, как и Республика Беларусь (53-е место), и Казахстан (58-е место). Армения, занимая 83-ю строчку рейтинга, входит в число стран с высоким уровнем человеческого развития. Кыргызстан же входит в число стран со средним уровнем человеческого развития и занимает 122 место. Индекс человеческого развития стран ЕАЭС варьируется в пределах от 0,816 до 0,672 [2, с. 23–24]. Различие в показателях индекса человеческого развития свидетельствует об относительной неравномерности социально-экономического развития стран ЕАЭС. Региональная экономическая интеграция предусматривает возможность взаимодействия стран-участниц в формировании новой институциональной среды развития человеческого потенциала с учетом различий по уровню человеческого развития. В круг основных институтов формирования и развития человеческого потенциала следует включать: здравоохранение, образование, рынок труда, социальное и пенсионное обеспечение и др.

Первостепенное значение для формирования и развития человеческого потенциала имеет потенциал здоровья. Потенциал здоровья человека формируется как на генетическом уровне и зависит от потенциала здоровья его родителей, так и приобретается в процессе жизнедеятельности человека. Для формирования потенциала здоровья населения необходимо учитывать экологические условия, образ жизни, а также уровень развития здравоохранения. В ЕАЭС ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении с каждым годом увеличивается и, по мнению экспертов ЕЭК, будет прорасти на 0,7 % ежегодно. Если в 2005 г. во всех странах ЕАЭС этот показатель составлял 66 лет, то уже в 2015 г. он вырос до 71 года. Дольше всего по прогнозам экспертов ЕЭК проживут мужчины в Армении, Беларуси и Казахстане, а женщины в Армении, Беларуси и России. [3, с. 15]. Не следует забывать важный момент, что институт семьи, система образования, социальная среда также вносят весомый вклад в потенциал здоровья, через формирование отношения человека к своему здоровью и здоровью окружающих.

Уровень развития системы здравоохранения, безусловно, влияет на поддержание и развитие человеческого потенциала, а именно потенциала здоровья. Вместе с тем развитие здравоохранения во многом зависит от объемов финансирования. Если сравнить расходы бюджетов стран-членов ЕАЭС, то заметно, что самые низкие расходы на здравоохранение в Армении 6,3 % от всех расходов бюджета страны. Самые высокие расходы в Беларуси — 10,9 %. В среднем по ЕАЭС уровень расходов на здравоохранение составляет 9,4 % [3, с. 32]. Среди важных достижений развития ЕАЭС в отношении потенциала здоровья людей можно считать создание общих рынков лекарственных средств и медицинских изделий, что, безусловно, скажется на укреплении здоровья населения стран ЕАЭС и обеспечении гарантий безопасности.

Образование также является важнейшим институтом, который вносит свой вклад в формирование и развитие человеческого потенциала. Создание благоприятных условий для развития человеческого по-

тенциала необходимо начинать с дошкольного образования. По оценке Всемирного банка, каждый доллар, вложенный в дошкольное образование, приносит обществу пользу, превышающую первоначальное вложение в 6—17 раз, в виде более здоровых и производительных кадров [1, с. 13].

Поскольку, по мнению экспертов, к 2020 г. изменятся более 1/3 знаний и навыков, важных для трудовой деятельности, это необходимо учитывать в системе базового, профессионального и высшего образования. Учебный процесс должен включать не только традиции и накопленный колоссальный опыт, но и инновации, с которыми будущий специалист столкнется в процессе своей профессиональной деятельности. Эксперты ПРООН считают, что овладение навыками, необходимыми для XXI в., должно стать частью процесса образования в течение жизни, нацеленного на четыре «К»: критическое мышление, коллаборативность, креативность и коммуникативность [1, с. 13]. Таким образом, качество образовательного потенциала будет зависеть не только от расходов на эту сферу, а они в странах ЕАЭС колеблются от 3,2 % к ВВП в Армении до 7 % в Кыргызстане, но и координации усилий по разработке и внедрению инноваций в систему образования.

В ЕАЭС достигнуты весомые результаты в аспекте реализации человеческого потенциала в профессиональной деятельности и социального обеспечения. Следует уточнить, что социальное обеспечение всех категорий граждан — это национальный уровень усилий и интересов, а социальное обеспечение и социальная поддержка работников, специалистов, задействованных на общем рынке труда, становится объектом внимания интеграционного объединения. Так в ЕАЭС, например, исключена любая дискриминация при трудоустройстве в любой из 5 стран-участниц, отменены разрешения на трудоустройство и квоты, как защитные инструменты национальных рынков труда, проведена существенная либерализация условий въезда и пребывания с целью трудоустройства. В странах ЕАЭС обеспечено предоставление экстренной и неотложной помощи специалистам, работникам-мигрантам, а также у их детей есть право посещать дошкольные и школьные учреждения страны пребывания. В настоящее время практически решен вопрос об обеспечении равных пенсионных прав трудящихся стран ЕАЭС.

Таким образом, развитие человеческого потенциала будет коррелировать с уровнем развития здравоохранения, образования, рынка труда, социальной защиты и др. На наднациональном уровне возникают дополнительные возможности для человеческого развития, так, объединив усилия, страны способны инвестировать в человеческий потенциал больше, чем каждая в отдельности. «Человеческий потенциал» и «экономическое развитие» взаимозависимы и взаимно дополняют друг друга. Таким образом, создание благоприятных условий для формирования и развития человеческого потенциала как на уровне отдельных стран, так и на уровне интеграционного объединения, будет также способствовать достижению ключевых целей развития ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Доклад о человеческом развитии 2016. Человеческое развитие для всех и каждого. Резюме [Электронный ресурс]// HumanDevelopmentReport. — Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf. — Дата доступа: 20.09.2018.

2. Human development composite indices. 2017 [Electronic resource] // United Nations Library. — Mode of Access: https://read.un-ilibrary.org/economic-and-social-development/human-development-indices-and-indicators-2018_ce6f8e92-en#page1. — Date of access: 30.09.18.

3. Доклад о достижении Целей устойчивого развития (ЦУР) в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/Documents/OON_Rus.pdf. — Дата доступа: 20.09.2018.

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОГО РЫНКА ЕАЭС

Скирко Н. И., Белорусский государственный университет,
e-mail: skirko2007@rambler.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Обобщены статистические данные, демонстрирующие структуру внешней торговли Республики Беларусь по направлениям экспорта и импорта. Рассматриваемая проблема — сохранение традиционных направлений товарооборота внутри ЕАЭС, их слабая диверсификация и низкая внутриотраслевая значимость. Целью исследования является обоснование возможностей развития взаимной торговли ЕАЭС в условиях либерализации таможенно-тарифного регулирования и сохранения препятствий на внутреннем рынке Союза; осмысление значимости становления единого рынка ЕАЭС при сохранении возможностей ограничивать внутреннюю торговлю на национальных сегментах Союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; внутренний рынок; препятствия на внутреннем рынке; экспорт; импорт; взаимная торговля.

Договор о ЕАЭС определяет среди основных целей Союза — развитие всесторонней модернизации, кооперации и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики. И, с одной стороны, конкурентоспособность в рамках интеграции формируется за счет единых требований к таможенно-тарифному внешнеторговому регулированию, а, с другой, — поддерживается на национальных рынках посредством препятствий торговле с другими государствами — членами ЕАЭС.

Препятствия на внутреннем рынке Союза в отдельной отрасли (сфере деятельности) какого-либо национального сегмента (национального рынка государства-члена) возможны, потому что регулирование национальных рынков предполагает как наднациональное регулирование внутреннего рынка Союза, так и государственное экономическое регулирование национального сегмента внутреннего рынка законодательством государства — члена Союза. И правом Союза предусмотрены (для применения государствами-членами на национальном сегменте внутреннего рынка Союза) исключения из общих правил функционирования внутреннего рынка Союза:

- а) изъятия,
- б) меры, применяемые государствами-членами в одностороннем порядке в случаях, когда такой порядок допускается в соответствии с правом Союза,
- в) ограничения, предусмотренные законодательством государств-членов в случаях, когда регулирование соответствующих правоотношений осуществляется в соответствии с правом Союза на уровне законодательства государств-членов [1, с. 24—25].

Так, например, Общие принципы технического регулирования, изложенные в статье 51 Договора о ЕАЭС, предполагают установление *единых* обязательных требований в технических регламентах Союза или *национальных* обязательных требований в законодательстве государств-членов к продукции, *включенной в единый перечень продукции*, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Союза. Вместе с тем, требуется применение и исполнение технических регламентов Союза в государствах-членах без изъятий и не допускается установление избыточных барьеров для ведения предпринимательской деятельности; препятствий для формирования и функционирования внутреннего рынка Союза. Как правило, препятствия выражены в наличии требований или запретов в отношении свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы, а также взаимного доступа субъектов предпринимательской деятельности на рынок государств-членов [2, с. 22—23]. В рамках любой интеграции возможны такие требования или запреты, с целью ограничить уровень конкуренции импортеров с отечественными производителями.

Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14 ноября 2017 г. № 152 была утверждена «Методология разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения». Согласно данному Решению, препятствия на внутреннем рынке Союза делятся на барьеры, изъятия и ограничения.

Под «барьерами» понимаются «препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, *не соответствующие праву Союза*», другими словами, — «нормам, предусмотренным правом Союза» [3, с. 1—2].

«Изъятия» — это «предусмотренные правом Союза исключения (отступления) в части неприменения государством-членом общих правил функционирования внутреннего рынка Союза». «Препятствие подлежит отнесению к изъятию при его соответствии одному из следующих критериев:

а) препятствие возникло ввиду предусмотренного правом Союза исключения (отступления) из общих правил свободного движения товаров, услуг (включая учреждение и деятельность), капитала и рабочей силы при функционировании внутреннего рынка Союза;

б) препятствие возникло ввиду того, что государствами-членами введены (могут быть введены) меры в соответствии с правом Союза, в том числе в одностороннем порядке» [3, с. 2].

«Ограничения — это препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, возникшие вследствие *отсутствия правового регулирования* экономических отношений, развитие которых предусмотрено правом Союза» [3, с. 1].

«Препятствие подлежит отнесению к ограничению при его соответствии одному из следующих критериев:

а) препятствие возникло в результате отсутствия правового регулирования экономических отношений в праве Союза;

б) препятствие возникло ввиду отсутствия норм права Союза, разработка которых предусмотрена правом Союза;

в) препятствие выявлено в результате анализа правоприменительной практики, установившего противоречие между нормами права Союза» [3, с. 2—3].

Таким образом, ощутимым препятствием формирования единых или общих рынков ЕАЭС являются барьеры для взаимного доступа на внутренний рынок, ибо они не соответствуют праву ЕАЭС, а наличие изъятий и ограничений допустимо, хотя должно быть минимальным [1, с. 27].

Если сравнить страны, с которыми Беларусь имеет наиболее активный товарооборот, то причина такой активности является очевидной — территориальная близость, вне зависимости от единых стандартов доступа товаров на рынки друг друга и единого таможенно-тарифного пространства. Так, к примеру, экспорт Беларуси в страны ЕАЭС составил в 2017 г. 46,5 % экспорта Беларуси, при этом 44,1 % — экспорт в Российскую Федерацию, но и экспорт в страны ЕС составил 26,9 %, — цифра является значительной и несравнимо большей, чем цифра экспорта в другие страны ЕАЭС [4, с. 69].

Таблица 1

**Экспорт в основные страны-партнеры,
% от общего объема экспорта Беларуси (и место страны
по объему экспорта) [5, с. 64—65; 6, с. 52—55; 7, с. 64]**

Страны экспорта	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Россия	39,4 (1)	35,4 (1)	45,3 (1)	42,1 (1)	39,0 (1)	46,5 (1)	44,1 (1)
Украина	10,1 (3)	12,1 (3)	11,28 (2)	11,26 (2)	9,4 (3)	12,1 (2)	11,5 (2)
Великобритания	3,70 (4)	1,2	2,8 (5)	8,1 (3)	11,0 (2)	4,6 (3)	8,2 (3)
Нидерланды	11,3 (2)	16,4 (2)	9,0 (3)	4,7 (4)	4,3 (4)	3,9 (5)	3,8 (4)
Германия	1,8	3,8 (5)	4,7 (4)	4,6 (5)	4,1 (5)	4,0 (4)	3,8 (4)
Латвия	3,68 (5)	7,1 (4)	1,4	1,4	2,2	1,2	1,2

Удельный вес экспорта Беларуси в Россию является самым большим в структуре вывоза товаров в течение ряда лет, но в пятерке основных экспортеров численностью (не объемом) преобладают страны Европейского Союза за период 2010, 2012—2017 гг. (см. табл. 1).

Экономическое развитие Республики Беларусь, с одной стороны, обусловлено облегчением внешней торговли в границах таможенного союза ЕАЭС; а с другой, — находится под влиянием глобальной конкуренции со стороны предпринимателей ЕС (Литвы, Польши, Германии, прежде всего), Украины, Китая (за 2015—2017 гг. превратившегося во второго торгового партнера по поставкам в Беларусь своего импорта (см. табл. 2)).

**Импорт из основных стран-партнеров,
% от общего объема импорта Беларуси
(и место страны в нем) [5, с. 46—50; 6, с. 58—60; 7.с. 67—69]**

Страны импорта	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Россия	51,8 (1)	59,4 (1)	53,2 (1)	54,8 (1)	56,6 (1)	55,4 (1)	57,3 (1)
Германия	6,8 (2)	5,9 (2)	7,1 (2)	6,1 (2)	4,6 (3)	4,8 (3)	5,1 (3)
Китай	4,8 (4)	5,1 (3)	6,6 (3)	5,9 (3)	7,9 (2)	7,7 (2)	8,0 (2)
Украина	5,4 (3)	5,0 (4)	4,8 (4)	4,2 (4)	3,6 (4)	3,6 (5)	3,6 (5)
Польша	3,1 (6)	2,9 (5)	3,7 (5)	3,8 (5)	3,1 (5)	4,3 (4)	3,9 (4)
Венесуэла	3,3 (5)						

Удельный вес импорта из России в Беларусь остается самым значительным в структуре ввоза товаров в течение ряда лет. Россия является первым торговым партнером Беларуси не только по объему экспорта, но и по объему импорта. Доля российского импорта выше аналогичных показателей других основных торговых партнеров на 40 и более 50 % в разные годы.

Страновая структура импорта Республики Беларусь более разнообразна по сравнению со структурой экспорта: есть страны, активно ввозящие товары белорусского производства, они отражены в табл. 1, и их состав достаточно постоянен за период более 5 лет. Кроме России, — первого торгового партнера за период 2010—2017 гг., в пятерку основных импортеров белорусских товаров вошли Украина, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Германия и Нидерланды. Все остальные страны (включая государства — члены ЕАЭС) имеют доли в общем экспорте Республики Беларусь последних трех лет не более 2 %, а чаще — менее 1 % [6, с. 52—55].

То, что 46,5 % экспорта Беларуси в страны ЕАЭС, а 44,1 % вывозимых белорусских товаров составляет экспорт в Российскую Федерацию, говорит и о зависимости развития белорусской экономики от российской, и о диспропорциях белорусского экспорта. Использование влиятельным партнером в торговле с нами возможностей введения изъятий или ограничений приводит в краткосрочном периоде к изменению конкурентоспособности белорусских товаров, а значит, требует от субъектов белорусского бизнеса учитывать данную неопределенность в своих издержках. Тем самым, внешняя торговля со странами Европейского союза становится фактом диверсификации торговых потоков Беларуси.

Сравнение взаимных внешнеторговых потоков в ЕС и ЕАЭС за 2015 г. [8]

Взаимные внешнеторговые потоки	ЕС	ЕАЭС
Взаимный экспорт в % от общего экспорта государств-членов	61,20	4,36
Взаимный импорт в % от общего импорта государств-членов	60,41	11,68
Взаимный внешнеторговый оборот в % от общего внешнеторгового оборота государств-членов	60,80	7,21
Доля внутриотраслевой торговли	95,27	не определена

Табл. 3 красноречиво демонстрирует, что ЕАЭС находится в самом начале реализации интеграционных возможностей сотрудничества, использования фактора тарифной политики для роста взаимной и внутриотраслевой торговли Союза. Фактор либерализации взаимной торговли за счет единой таможенно-тарифной политики не является единственным и достаточным. Теоретически, облегчение тарифной политики влечет за собой снижение нагрузки на производителей (сторону предложения, а не спроса), и это позволяет нам предполагать, что для устойчивости внешней торговли требуется рост потребительского и промышленного спроса (вовлечение в кооперационные отношения на территории ЕАЭС), увеличение производительности и доходности факторов производства.

Кроме этого, важным принципом формирования единого внутреннего рынка становится принцип взаимного признания стандартов, когда товар, услуга, любой фактор производства одного государства-члена интеграционной группы продается на любом другом рынке государства-члена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии «О ситуации по устранению препятствующих функционированию внутреннего рынка Евразийского экономического союза барьеров для взаимного доступа, а также изъятий и ограничений в отношении движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы». — М.: ЕЭК, 2015 г. — 106 с.
2. Договор о Евразийском экономическом Союзе [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.mvd.gov.by/imgmvd/dgim/e1.pdf>. — Дата доступа: 10.10.2018.
3. Приложение к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14 ноября 2017 г. № 152 «Методология разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения». — М.: ЕЭК, 2017. — 6 с.
4. Беларусь в цифрах 2018: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — 72 с.
5. Внешняя торговля Республики Беларусь 2015: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2015. — 321 с.
6. Внешняя торговля Республики Беларусь 2017: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2017. — 389 с.
7. Внешняя торговля Республики Беларусь 2018: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2018. — 372 с.
8. База данных региональной интеграции (RID) [Электронный ресурс] // ЦИИ ЕАБР. — Режим доступа: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/bazadannykh-regionalnoy-integratsii/>. — Дата доступа: 10.10.2018.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР И ЕАЭС В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»

*Яо Цзяхуэй, Белорусский государственный университет,
e-mail: xiaotaotao-123@qq.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В статье охарактеризован уровень развития транспортной логистики КНР и стран ЕАЭС, определены общие интересы Китая и стран ЕАЭС в развитии транспортной логистики, в совершенствовании транспортно-логистической инфраструктуры, в создании современного транспортно-логистического коридора в Евразии, а также определены основные направления развития транспортно-логистического сотрудничества Китая и ЕАЭС в рамках реализации Инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: транспортно-логистическое сотрудничество; Китайская Народная Республика; Евразийский экономический союз; инициатива «Один пояс—один путь»; индекс эффективности логистики.

Цель Инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП) была выдвинута в 2013 г. и заключается в способствовании упорядоченному и свободному потоку экономических факторов, высокоэффективному распределению ресурсов и глубокой рыночной интеграции путем укрепления связей и взаимодействия между странами Азии, Европы. В качестве приоритетной области данной инициативы выступает развитие транспортно-логистикой инфраструктуры, которая играет важную роль в обеспечении расширения торгово-экономических связей между заинтересованными странами вдоль ОПОП, а также достижения устойчивого социально-экономического развития этих стран. Выгодное географическое положение определяет огромный транзитный потенциал государств-членов ЕАЭС для товаропотока Китай — ЕС. Все пять стран ЕАЭС являются важнейшими партнерами Китая на всем постсоветском пространстве, вовлеченными в строительство «Одного пояса и одного пути». В формате сопряжения ЕАЭС и ОПОП транспортно-логистическая сфера является одним из приоритетных направлений сотрудничества Китая и стран ЕАЭС.

В первую очередь, Китай в рамках ОПОП, как инициатор, нацелен на развитие разнообразной транспортно-логистической инфраструктуры на евразийском континенте, что, безусловно, будет укреплять торгово-экономическое сотрудничество Китая с партнерами Азии и Европы. За последнее десятилетие, транспортно-логистическая отрасль Китая развивалась быстрыми темпами, особенно в сфере строительства транспортно-логистической инфраструктуры, железнодорожных технологий. Уровень безопасности полетов гражданской авиации и развитие прибрежных портов достигли передового мирового уровня. По объему почтовых и курьерских услуг Китай занял первое место в мире [1]. Помимо этого, в условиях широкого применения современных информационных технологий в сегодня Китае формируется «умная» логистика. В Индексе эффективности логистики *LPI (Logistics Performance Index)* Всемирного банка в 2018 г., Китай сохранил 26-е место при индексе в 3,6 баллов в списке 160 стран мира. [2].

В отличие от темпов развития транспортной логистики в Китае, в странах-членах ЕАЭС уровень развития транспортной логистики весьма низкий. В рейтинге Индекса эффективности логистики страны-

члены ЕАЭС занимают невысокие позиции. Наилучший результат интеграционного объединения продемонстрировал Казахстан, занимающий 71-е место при индексе в 2,81 баллов, за ним следуют Россия (75-е место), Беларусь (103-е место), Кыргызстан (108-е место), и наиболее низкий *LPI* имеет Армения (116-е место) [2]. Следует отметить, что есть расхождение стран ЕАЭС и по отдельным показателям индекса, так по показателю «Эффективность таможни» Беларусь отстала от других стран-членов ЕАЭС, Армения имеет наиболее уязвимую позицию по показателям «Возможность отслеживания грузов» и «Соблюдение сроков поставки», а Кыргызстан отстал от других стран-членов по показателям «Качество инфраструктуры», «Простота организации международных перевозок», «Компетенция в логистике».

В современных условиях для стран-членов ЕАЭС открываются новые возможности развития и совершенствования транспортно-логистической инфраструктуры в рамках совместного с Китаем участия в инициативе ОПОП, что будет содействовать улучшению сотрудничества с соседними странами, и тем самым создавать условия для обеспечения безопасности национальной экономики и повышения инвестиционной привлекательности. Для России представляет интерес создание современных транспортных коридоров в рамках всего евразийского региона и развитие энергетической инфраструктуры в Дальневосточном регионе; Казахстан и Кыргызстан нацелены на реализацию транзитно-транспортного и экспортного потенциала, а также строительство новых современных высокоскоростных магистралей. Беларусь ожидает в рамках ОПОП создания совершенной транспортно-логистической системы, включающей в себя строительство скоростной автомагистрали, железных дорог, трубопроводов, а также транспортно-логистических центров; Армения, находящаяся в Кавказском регионе, в рамках ОПОП ощущает острую потребность в развитии транспортно-логистической инфраструктуры с целью развития внешней торговли, а также устойчивого социально-экономического развития. Вместе с тем в странах ЕАЭС уже разработаны некоторые программы по созданию транспортно-логистической инфраструктуры, так, например, при поддержке Всемирного банка в Казахстане была разработана Программа развития и интеграции инфраструктуры транспортной системы до 2020 г. (к 2020 г. позволит повысить в 2 раза объем транзитных перевозок) [3] для ускорения интеграции транспортно-логистической инфраструктуры Казахстана в международную транспортно-логистическую систему; в Беларуси в целях регулирования развития транспортно-логистической инфраструктуры были разработаны Республиканская программа развития логистической системы и транзитного потенциала Республики Беларусь на 2016—2020 гг., Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016—2020 гг., а также оригинальная схематическая модель рационального размещения транспортно-логистических центров.

Таким образом, учитывая общие интересы Китая и стран ЕАЭС в развитии транспортной логистики, совершенствовании транспортно-логистической инфраструктуры, а также в создании современного транспортно-логистического коридора в Евразии, основными направлениями транспортно-логистического сотрудничества Китая и ЕАЭС являются: использование транзитного потенциала ЕАЭС в пол-

ной мере, создание транспортно-логистических центров, обновление транспортно-логистической инфраструктуры стран, реализация механизации и автоматизации транспортной логистики с помощью применения современных информационных технологий, так, в частности, Беларусь должна особое внимание уделять развитию контейнерных перевозок в транспортном сообщении «Китай — Европа»; эффективное использование финансовой поддержки Фондов Шелкового пути и АБИИ, осуществление многоуровневого и многоканального финансирования, такого как СЭП, ГЧП и т. д. для того, чтобы увеличить инвестиции в транспортно-логистическую инфраструктуру всех участников инициативы; подписание соответствующих соглашений об упрощении процедур торговли для проведения комплексного управления транснациональной логистикой, особенно, для Беларуси, обладающей низким уровнем эффективности таможен, требуется реализовать безбумажное (электронное) таможенное оформление, внедрять систему электронных платежей для того, чтобы значительно сократить время таможенного оформления и повысить эффективность таможенных процедур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Статистический бюллетень развития транспортной отрасли за 2017 год [Электронный ресурс] // Министерство транспорта КНР. — 2018. — Режим доступа: http://zizhan.mot.gov.cn/zfxxgk/bnssj/zhghs/201803/t20180329_3005087.html. — Дата доступа: 29.09.2018. (на кит. яз.).
2. Connecting to Compete 2018 Trade Logistics in the Global Economy [Electronic resource] // The World Bank. — 2018. — Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29971/LPI2018.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. — Date of access: 29.09.2018.
3. О проекте Указа Президента Республики Казахстан «О Государственной программе развития и интеграции инфраструктуры транспортной системы Республики Казахстан до 2020 года» и внесении дополнения в Указ Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года № 957 «об утверждении Перечня государственных программ». [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента Республики Казахстан. — Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-gosudarstvennoi-programme-razvitiya-i-integracii-infrastruktury-transportnoi-sistemy-respubliki-kazahstan-do-2020-goda-i-vnesenii-dopolnen. — Дата доступа: 29.09.2018.

СОПРЯЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ И СОДРУЖЕСТВЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Ожигина В. В., *Белорусский государственный университет,*
e-mail: vera@ozhigina.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Наличие на постсоветском пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Содружества Независимых Государств (СНГ) приводит к распылению ресурсов и интеграционных усилий. Встает вопрос целесообразности сохранения СНГ наряду с более глубокой интеграцией в ЕАЭС. Предметом исследования стали отношения стран ЕАЭС с остальными странами СНГ. Цель — охарактеризовать возможности и разработать направления сопряжения и взаимодополнения интеграционных проектов СНГ и ЕАЭС. Предложено, наряду с заключением соглашения о свободной торговле услугами в рамках СНГ, подписание всеобъемлющего интеграционного соглашения, предполагающего постепенное включение стран СНГ в общий рынок товаров, услуг, капитала и труда ЕАЭС без участия в таможенном союзе. Разработаны индивидуальные подходы к осуществлению интеграционных проектов со странами Кавказа, Центральной Азии, Украиной и Молдовой.

Ключевые слова: *экономическая интеграция; Евразийский экономический союз; Содружество Независимых Государств; зона свободной торговли; общий рынок; экономическое интеграционное соглашение; всеобъемлющее соглашение.*

После четверти века постсоциалистической перестройки, последовавших за этим драматических перемен и преодоления кардинальных проблем трансформационного периода [1, с. 44], страны ЕАЭС образовали субрегион, в котором, в отличие от зоны свободной торговли СНГ, формируется более глубокая форма интеграции — общий рынок товаров, услуг, капитала и труда с последующим возможным созданием экономического союза. При этом, открытым остается вопрос о перспективах развития самого СНГ, возможностях сопряжения и устранения дублирования проектов ЕАЭС и СНГ.

Если абстрагироваться от наличия политического альянса ГУАМ, в настоящее время интеграционная система СНГ приняла классическую форму многоуровневой экономической интеграции разной геометрии в виде матрешки, когда в Союзном государстве России и Беларуси достигается самая глубокая степень интеграции, за ним следует чуть менее глубокая форма — ЕАЭС и далее — СНГ. В свою очередь, страны СНГ, в т. ч. ЕАЭС как единый субъект, реализуют межрегиональные интеграционные проекты с третьими странами.

При этом, если в ЕАЭС и Союзном государстве наблюдается постепенное углубление интеграции, то и в рамках СНГ должны быть предприняты попытки дальнейшего ее развития. Поскольку вопросы ограничения суверенитета в этом регионе и отказа стран от наднациональной политики стоят в настоящее время более остро, чем в ЕАЭС, возможен более гибкий формат взаимоотношений, предполагающий виртуальное участие остальных стран СНГ в ЕЭП ЕАЭС без участия в таможенном союзе, по аналогии с взаимоотношениями между ЕС и ЕАСТ (подробнее см. [2]) или АНЗЦЕРТА и остальными странами ФТО в рамках переговоров по ПАЦЕР+. Так, ЕАСТ на основе экономического интеграционного соглашения (по классификации ВТО) виртуально входит в общий рынок товаров, услуг, капитала и труда ЕС, но при этом не касается вопросов, связанных с ограничением суверенитета.

Это возможно при условии подписания всеобъемлющего интеграционного соглашения в СНГ, предполагающего регулирование не только взаимной торговли товарами, но и услугами, миграции капитала и труда, ОИС, госзакупок, производственного и научно-технического сотрудничества и других сфер, а также постепенное сопряжение интеграционной системы СНГ с формирующимся общим рынком ЕАЭС без участия в таможенном союзе и других возможных в будущем наднациональных интеграционных инициативах. Первым шагом может стать соглашение о свободной торговле услугами, переговоры по которому почти завершены в СНГ. Важно привлечение стран СНГ (включая участие в финансировании) к реализации программ Союзного государства и совместных инновационных проектов стран ЕАЭС в сфере логистики и инфраструктуры, промышленности и услуг, исследований и разработок, социальной, медицинской, аграрной и др. Подобный формат отношений возможен и со странами СНГ+ (Грузией и Украиной), которые могут участвовать в этой инициативе индивидуально, подписывая двусторонние соглашения с ЕАЭС с аналогичным содержанием. Такая форма характерна для Швейцарии (члена ЕАСТ) с ЕС.

Участие стран СНГ в таком Евразийском экономическом пространстве (ЕАЭП)/Евразийской экономической зоне (ЕАЭЗ) предполагает гибкий формат отношений, а потому не будет препятствовать заклю-

чению ими соглашений о свободной торговле (ССТ) с третьими странами. В контексте Большого евразийского партнерства (БЕАП) возможно дальнейшее сопряжение ЕАЭП со стратегическим партнерством с Китаем, Индией, Турцией, Ираном, Пакистаном, ЕС, АСЕАН и др. В частности, это позволит гармонизировать различные форматы отношений ЕС с Восточным партнерством, Центральной Азией и Россией. В этом случае может идти речь о создании ЕАЭП+ или Всеобъемлющего соглашения ЕС-ЕАЭС+.

ЕАЭП может предполагать разноскоростную интеграцию (разную скорость достижения общих целей), интеграцию «аля карте» (на выбор, при которой возможен индивиду-альный выбор каждой страной из списка предложенных направлений политики), гибкую интеграцию (наличие обязательных для всех участников и не обязательных направлений интеграции), точечное участие в интеграционных проектах (по линии ЕАБР, Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, бюджета Союзного государства и, возможно в будущем, бюджета ЕАЭС, который пока не финансирует совместных проектов), а также индивидуальный подход ЕАЭС к отдельным регионам СНГ:

1) к Западу от ЕАЭС.

1.1) Молдова 03 апреля 2017 г. подписала Меморандум о сотрудничестве с ЕАЭС и с 14 мая 2018 г. является наблюдателем. Ее вступление в ЕАЭС является логичным с геополитической и цивилизационной точек зрения. Однако в экономическом плане заключение ею ССТ с ЕС, ЦЕССТ и Турцией может принести более ощутимые экономические выгоды для выстраивания экономических отношений ЕАЭС с этими странами и регионами по линии БЕАП. Создание странами ЕАЭС совместных предприятий на территории Молдовы по производству товаров, соответствующих правилам происхождения этих ССТ, техническим, санитарным и фитосанитарным нормам, позволит не только сбывать эти товары на рынке Молдовы, но и беспошлинно продавать их в ЕС, Турцию и ЦЕССТ;

1.2) Украина подписала меморандумы о сотрудничестве по вопросам торговли, технического регулирования и углубления взаимодействия с ЕЭК 10.09.2012 и 31.05.2013 г. и даже собиралась стать наблюдателем, однако это не состоялось. В случае урегулирования военно-политического конфликта на Украине для ЕАЭС возможна политика наподобие той, что ЕС проводит в отношении Швейцарии, где применяется гибкий механизм двусторонних соглашений, виртуально включающих Швейцарию в ЕЭЗ. Аналогичный гибкий формат, но только уже на основе всеобъемлющего интеграционного соглашения третьего поколения, также обсуждается в отношениях между ЕС и Великобританией. Кроме этого, как и Молдова, Украина имеет ССТ с третьими странами (ЕАСТ, ЕС, Канада, Черногория, Македония) и ведет переговоры с Сербией, Сингапуром, Турцией и другими странами, что может быть использовано при сближении Украины с ЕАЭС для выхода на рынки ЕС, ЕАСТ, ЦЕССТ, Канады. Формат таких отношений аналогичен тому, который предложен для Молдовы.

2) к Югу от ЕАЭС.

2.1) Со странами Кавказа (Грузия, Азербайджан), как и с Арменией, необходимо выстраивать связи типа «центр-периферия», когда ЕАЭС и Россия выступают центром, не поощряя развитие отношений между эти-

ми странами без своего участия. В контексте БЕАП Армения и Азербайджан станут точками входа на рынок Ирана, Азербайджан — на рынок Турции. С геополитической точки зрения приоритетно развивать трехсторонние интеграционные проекты типа Беларусь — Россия — Азербайджан, Армения — Россия — Грузия, Беларусь — Россия — Грузия. В экономическом контексте востребованы ССТ Грузии с третьими странами (ЕС, Китай, ЕАСТ, Турция). Как и в случае Молдовы, они могут использоваться странами ЕАЭС, особенно Россией, Арменией и Беларусью, которые имеют с Грузией более существенные связи, для входа на эти рынки (ЕС, Китай, ЕАСТ, Турция) и выстраивания партнерств типа «центр-периферия» в контексте БЕАП с Китаем, Турцией и ЕС. Учитывая геополитическое тяготение Азербайджана к партнерству с Ираном и Турцией, целесообразно развитие сотрудничества и интеграции на многосторонней основе: ЕАЭС—Азербайджан—Турция, ЕАЭС—Азербайджан—Иран. Аналогичная форма возможна с Индией и Китаем;

2.2) Точкой входа на рынки и проводником стратегического партнерства и интеграции России и Беларуси с Центральной Азией (Туркменистан — ассоциированный член СНГ, Узбекистан и Таджикистан, как и Кыргызстан) является Казахстан. Геополитически здесь также важно выстраивать политико-экономические связи типа «центр-периферия», когда ЕАЭС выступает центром, не поощряя развитие отношений между этими странами без своего участия. Такие связи между странами данного региона должны наряду с Россией и/или Беларусью (Союзным государством) также включать Казахстан в качестве связующего звена. В контексте геополитического проекта БЕАП Туркменистан позволяет ЕАЭС выстраивать стратегическое партнерство с Ираном и Афганистаном, Таджикистан — с Афганистаном, Пакистаном, Индией и Китаем. Кыргызстан и Казахстан необходимо более тесно включать в многосторонние проекты России и Беларуси с Китаем и развитие связей по линии ШОС. Туркменистан может сделать вклад в развитие стратегического партнерства с Китаем, Ираном, Турцией и Афганистаном в контексте БЕАП. Такое сотрудничество целесообразно осуществлять в форме многосторонних проектов типа ЕАЭС-Туркменистан-Иран, ЕАЭС-Туркменистан-Турция, ЕАЭС-Туркменистан-Афганистан и т.п. Узбекистан возможно включать в многосторонние проекты типа ЕАЭС—Узбекистан—Турция, ЕАЭС—Узбекистан—Индия. В контексте БЕАП экономический и геополитический интерес представляют связи Таджикистана с Индией, Пакистаном, Ираном, Турцией, Афганистаном, Китаем, которые необходимо активизировать на базе многосторонних проектов с включением стран ЕАЭС (участие России и Казахстана обязательно), Таджикистана и перечисленных стран. В этом регионе ЕАЭС также необходимо налаживать межблоковое сотрудничество, стратегическое партнерство с Организацией экономического сотрудничества (ОЭС), куда входят Иран, Турция, Афганистан и страны Центральной Азии СНГ. Возможен трехсторонний формат сотрудничества ШОС—АСЕАН—ОЭС, ШОС—РВЭП—ОЭС. Диалог на высоком уровне по вопросам политики и безопасности между ЕС, странами Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) и Афганистаном, а также другие формы сотрудничества между ними без наблюдения и участия со стороны России, с геополитической точки зрения нецелесообразны для ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Праневич, А. А. Реформы и развитие / А. А. Праневич // Общество и экономика. — 2005. — № 2. — С. 44—52.
2. Ожигина, В. В. Регулирование инвестиций в рамках соглашений ЕАСТ о свободной торговле / В. В. Ожигина, Е. Н. Петрушкевич // Белорус. экон. журн. — 2016. — № 3. — С. 48—62.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ВОВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Тихомиров А. В., *Белорусский государственный университет, e-mail: tihomirow@list.ru*
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается значимость Шанхайской организации сотрудничества во внешнеполитической стратегии Республики Беларусь, выявлены особенности политики Республики Беларусь в отношении ШОС как важной площадки по диалогу с государствами Азии

Ключевые слова: Республика Беларусь; Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); Евразия; сотрудничество; статусе наблюдателя; диалог; саммит.

Вплоть до нынешнего времени отечественные и зарубежные исследователи не проявляли значительного интереса к проблемам взаимодействия Республики Беларусь с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). Объяснить это можно тем, что Беларусь не является полноправным членом ШОС. Однако взаимодействие с ШОС стало одним из приоритетных направлений белорусской внешней политики в XXI в. и рассматривалось белорусским руководством в качестве важного элемента взаимодействия с государствами на пространстве «большой Евразии».

Как известно, ШОС как международная организация возникла в 2001 г. в результате договоренности, достигнутой на встрече в Шанхае руководителей России, Китая, Казахстана и ряда государств Центральной Азии (Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана). Институциональное оформление организации произошло в 2002 г., как полноценная международная структура она начала действовать с 1 января 2004 г.

В 2005 г. интерес к деятельности Шанхайской организации сотрудничества проявило белорусское руководство. В ноябре 2005 г. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко в интервью китайским СМИ заявил, что ШОС является динамичной организацией и на ее основе можно составить новый («другой») центр силы [1]. Таким образом, официальный Минск на данном этапе рассматривал ШОС как геополитическую альтернативу «коллективному Западу», отношения с которым у Беларуси складывались не лучшим образом. В декабре того же года перед белорусской дипломатией была поставлена задача добиться присутствия белорусского государства в ШОС в качестве наблюдателя [2]. Официально соответствующее указание было сформулировано в парламентском послании Президента Республики Беларусь от 25 мая 2006 г. [3]

Летом 2006 г. белорусская сторона подала заявку на предоставление Беларуси статуса наблюдателя в ШОС. Комментируя этот шаг, начальник отдела информации — пресс-секретарь МИД Республики Беларусь А. Попов, подчеркнул, что Шанхайская Организация Сотрудничества интересна Беларуси, поскольку ее цели и принципы «созвучны

видению того, как должны развиваться межгосударственные отношения в мире» [4]. Весьма позитивным моментом в Минске считали то, что ШОС не подрывает суверенитета входящих в ее состав государств и тем самым способствует сохранению их национальной и культурной самобытности [4].

Однако получить статус наблюдателя в организации оказалось не просто в силу формальной неразработанности института наблюдательства. В этой связи в июне 2009 г. А. Лукашенко поручил белорусским дипломатам добиваться получения статуса государства-партнера по диалогу ШОС [5]. Эта цель была достигнута в 2010 г.

Расширяя диалог с ШОС, белорусская сторона выражала намерение взаимодействовать с данной организацией прежде всего по вопросам экономики, логистики и транспорта, банков и финансов, борьбы с наркотрафиком и международным терроризмом [6, с. 411].

Новый этап в отношениях Беларуси с ШОС наступил в 2015 г., когда наша страна все же добилась статуса наблюдателя в организации. В комментарии, посвященном этому событию, МИД Республики Беларусь отмечалось: «Рассматриваемые в рамках ШОС вопросы, как в сфере безопасности, так и в области экономики, гуманитарного сотрудничества, актуальны не только для азиатского региона, но и в более широком географическом контексте. Беларусь — единственное полностью европейское государство в Организации, которое имеет открытую границу с Российской Федерацией, поэтому подвержена тем же угрозам и влияниям, что и остальное пространство ШОС. Кроме того, Республика Беларусь способна и готова органично дополнить экономическое сотрудничество в рамках ШОС, используя свой транзитный, промышленный и научный потенциал, принимать активное участие в координации вопросов, связанных с безопасностью в регионе» [7].

Положительно оценил повышение статуса Беларуси в ШОС и председатель Белорусской научно-промышленной ассоциации А. Швец. В интервью белорусскому телеканалу ОНТ он высказал мнение, что «вовлечение Беларуси в международные организации, особенно с участием тех стран, которые испытывают определенный интерес к месторасположению страны, нашему экономическому потенциалу, даст дополнительные экономические и политические дивиденды» [8].

Менее оптимистично восприняли сообщение о повышении статуса Беларуси в ШОС представители белорусской оппозиции. Так, руководитель гражданской кампании «Говори правду» А. Дмитриев заявил, что отвлечение внимания на далекие азиатские страны помешает Беларуси проводить реформы и вести диалог с Европейским союзом. «Прежде чем бежать за тридевять земель, надо сначала сделать все, чтобы извлечь максимальную выгоду от того, что находится рядом», — сказал он в интервью агентству Udf.by [8]. Схожей точки зрения придерживался и заместитель председателя Партии БНФ Г. Костусев. Он считал, что участие Беларуси в ШОС не принесет ей никаких экономических выгод в силу географической отдаленности Беларуси от большинства стран-участниц организации, экономического и политического кризиса в России, падения фондового рынка в Китае и углубления кризиса в Азии. По мнению Г. Костусева, сближение Беларуси с ШОС стало следствием политических интриг России, направленных на отвлечение Беларуси от развития сотрудничества с ЕС [8].

Как бы то ни было, но сближение Беларуси с ШОС и «большим евразийским пространством» продолжалось. Обретение нового статуса ознаменовалось участием Президента Республики Беларусь в Уфимском саммите ШОС. В последующие годы глава белорусского государства принимал участие во всех саммитах ШОС (в 2016 г. в Ташкенте, в 2017 г. в Астане, в 2018 г. в Циндао).

Участие в работе саммитов сопровождалось конкретными предложениями. Так, на Ташкентском саммите ШОС А. Лукашенко предложил создать финансовый институт организации, на основе которого в среднесрочной перспективе можно было бы создать механизм взаиморасчетов в национальных валютах между государствами-членами ШОС. Также белорусская сторона выразила готовность принять участие в инфраструктурных проектах организации в области транспорта, логистики, энергетики [9].

Весьма активно представители Беларуси предлагали ШОС проработать меры в области продовольственной безопасности. В 2016—2018 гг. соответствующие предложения с белорусской стороны озвучивались на всех саммитах организации [9; 10; 11].

На саммите ШОС в Циндао Президент Республики Беларусь предложил сконцентрировать внимание на трех вопросах:

- 1) укрепление продовольственной безопасности;
- 2) укрепление информационной и кибербезопасности, развитие высоких технологий;
- 3) укрепление ядерной безопасности, развитие ядерной энергетики [11].

Некоторые из этих предложений были рассмотрены на саммите и нашли отражение в подписанной по его итогам Декларации Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [12].

С учетом установки на осуществление «интеграции интеграций» белорусское руководство акцентировало внимание на готовности Беларуси играть роль «западных ворот» между ШОС и ЕС [13]. В 2017 г. А. Лукашенко высказался за диалог между ШОС, ЕАЭС и ЕС [14]. Таким образом, официальный Минск перестал рассматривать организацию как альтернативное Западу объединение.

В 2018 г. белорусское руководство оценивало результаты взаимодействия Беларуси с ШОС положительно. Указанная организация рассматривалась как важный фактор стабильности и безопасности на евразийском пространстве и значимый элемент многополярного мира, не ущемляющий интересы стран-участниц [11].

Весьма существенным, с точки зрения белорусского руководства, являлись экономический потенциал организации и возможность использования ее ресурсов для реализации инфраструктурных проектов, значимых для Беларуси. Уже на Первой выставке товаров стран-членов ШОС в Сиане в сентябре 2015 г. были представлены 20 белорусских организаций [15, с. 20].

Саммиты ШОС используются как площадка для расширения диалога с государствами, отношения с которыми у Беларуси пока еще развиты недостаточно — Индией, Пакистаном, Монголией, Ираном.

Безусловно, статус наблюдателя расширил возможности участия нашей страны в работе ШОС. Белорусские представители принимают участие в открытых заседаниях Совета глав государств, Совета глав

правительств, Совета министров иностранных дел, совещаниях руководителей министерств и ведомств государств-членов ШОС, обсуждают вопросы, которые входят в компетенцию органов ШОС, могут распространять через Исполнительного секретаря ШОС письменные заявления, получать доступ к документам и решениям органов ШОС. Однако белорусская сторона все еще лишена права принимать участие в разработке и подписании базовых документов, которые принимаются организацией. Соответственно, она не может оказывать существенное влияние на решения, принимаемые ШОС. Исходя из этого, есть основания предполагать, что в скором времени перед белорусской дипломатией будет поставлена новая задача — добиться полноценного членства в ШОС.

Возникает вопрос, который задавался в ходе общественной дискуссии относительно участия нашей страны в работе ШОС в предшествующие годы, — соотвечает ли взаимодействие с рассматриваемой организацией национальным интересам Беларуси? Ответить на него можно следующим образом. Пока Беларусь взаимодействует в большей мере не с ШОС как единым целым, а с отдельными государствами, которые входят в состав этой организации (основными партнерами нашей страны в рамках ШОС являются Россия, Китай и Казахстан). Тем не менее, уже сейчас объем ее товарооборота с государствами-членами ШОС превышает аналогичный показатель в торговле с государствами-членами ЕС (в 2017 г. объем товарооборота Беларуси со странами-членами ШОС составил более 36,5 млрд дол. США, в то время как со странами-членами ЕС — 14,5 млрд [16, с. 30, 59—61, 65—67]).

В январе 2017 г. заместитель Генерального секретаря МПА СНГ, представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ и ПА ОДКБ В. Г. Когут высказал мнение, о том, что вклад Республики Беларусь в расширение возможностей и значимости деятельности ШОС в Евразийском регионе и в глобальном мире в целом может быть значительным в силу ряда причин:

- появления возможности упрочения западного евразийского коридора, моста между Востоком и Западом;
- построения более уравновешенного и сбалансированного региона за счет расширения европейской компоненты в ШОС, где преобладают страны азиатского региона (азиатской цивилизации);
- увеличения в Организации числа постсоветских стран, носителей лучших традиций советской дипломатии, подходов СССР к обеспечению безопасности;
- привнесения опыта и авторитета в разрешении конфликтных ситуаций (в данном случае речь шла о работе Минской группы по разрешению Карабахского конфликта и Минских соглашениях по разрешению кризиса в Украине) [17, с. 43]. С данными аргументами можно согласиться.

Выступая в качестве удобной площадки для осуществления диалога с государствами Азии и инструмента выстраивания с ними доверительных отношений, ШОС создает предпосылки для расширения участия Беларуси в реализации совместных экономических и инфраструктурных проектов на евразийском пространстве, что в полной мере соответствует национальным интересам нашей страны, поскольку позволяет ей подключиться к процессу регионального конструирования «большой Евразии».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лукашенко, А. Г. Александр Лукашенко дал интервью представителям китайских СМИ, 28 нояб. 2005 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-dal-intervjju-predstaviteljam-kitajskix-smi-2284/. — Дата доступа: 29.09.2018.
2. Беларусь и Китай расширяет номенклатуру экспорта, 7 нояб. 2005 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/belarus-i-kitaj-rasshirjat-pomenklaturu-eksporta-2279/. — Дата доступа: 29.09.2018.
3. Лукашенко, А. Г. Послание Президента Республики Беларусь А. Лукашенко белорусскому народу и национальному собранию Республики Беларусь [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-prezidenta-respubliki-belarus-alukashenko-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-respubliki-5864/. — Дата доступа: 29.09.2018.
4. Деятельность ШОС является хорошим примером стратегического партнерства — МИД Беларуси [Электронный ресурс] // News.21.by — Режим доступа: <http://news.21.by/politics/2006/06/15/481367.html>. — Дата доступа: 29.09.2018.
5. Лукашенко, А. Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, 23 июня 2009 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-respubliki-belarus-5882/. — Дата доступа: 30.09.2018.
6. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. Т. 10 (2006—2010 гг.) / Склад.: У. Е. Снапкоўскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа; рэдкал.: С. М. Мартынаў (старшыня) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2014. — 607 с.
7. Заявление Министерства иностранных дел Республики Беларусь в связи с повышением статуса Беларуси в Шанхайской организации сотрудничества до наблюдателя [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/af84a61a51216b95.html. — Дата доступа: 10.07.2015.
8. Геваркин, Э. Принесет ли пользу Беларуси сотрудничество с ШОС [Электронный ресурс] // Новостной портал UDF.by. — Режим доступа: <https://udf.by/news/sobytie/125056-prineset-li-polzu-belarusi-sotrudnichestvo-s-shos.html>. — Дата доступа: 30.09.2018.
9. Лукашенко, А. Г. Выступление Президента Республики Беларусь на саммите Шанхайской организации сотрудничества, 24 июня 2016 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/rabochij-vizit-v-respubliku-uzbekistan-13871/. — Дата доступа: 30.09.2018.
10. Лукашенко, А. Г. Саммит Шанхайской организации сотрудничества, 9 июня 2017 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/sammit-shanxajskoj-organizatsii-sotrudnichestva-16372/. — Дата доступа: 30.09.2018.
11. Лукашенко, А. Г. Заседание Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества, 10 июня 2018 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/zasedanie-soveta-glav-gosudarstv-shanxajskoj-organizatsii-sotrudnichestva-18898/. — Дата доступа: 30.09.2018.
12. Циндаосская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества, 10 июня 2018 г. [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315>. — Дата доступа: 30.09.2018.
13. Лукашенко, А. Г. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином, 24 июня 2016 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predsedaletem-knr-si-tszinpinom-13879/. — Дата доступа: 30.09.2018.
14. Лукашенко, А. Г. Выступление на пленарном заседании, посвященном торжественному открытию 26-й ежегодной сессии ПА ОБСЕ, 5 июля 2017 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/plenarnoe-zasedanie-posvjachennoe-torzhestvennomu-otkrytiju-26-j-ezhogodnoj-sessii-pa-obse-16612. — Дата доступа: 01.10.2018.

15. Большедворова, Л. С. Республика Беларусь и Шанхайская организация сотрудничества: состояние и перспективы взаимодействия / Л. С. Большедворова // Беларусь в современном мире: материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. / Белорус. гос. ун-т [и др.]; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск, 2016. — С. 19—21.

16. Внешняя торговля Республики Беларусь. Статистический сборник. — Минск: Б.и., 2018. — 371 с.

17. Когут, В. Г. Республика Беларусь и ШОС в евразийском геополитическом пространстве / В. Г. Когут // Управлен. консультирование. — 2017. — № 1. — С. 37—44.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ЛАТИНИЦА VS КИРИЛЛИЦА

Турарбекова Р. М., *Белорусский государственный университет, e-mail: turarbekova@bsu.by*
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье охарактеризован процесс перехода республик Центральной Азии с кириллической письменности на латиницу в исторической ретроспективе. Переходы отмечались и в нач. XX в. Таким образом, автором проводятся исторические параллели и рассматривается этот вопрос как часть большого политического процесса региональной самоидентификации.

Ключевые слова: кириллица; латиница; джадидизм; джадиды; тюркские народы; Казахстан; Центральная Азия.

Народы Центральной Азии на протяжении последних ста лет переходили с одной письменности на другую (с арабской вязи на латиницу и с латинского письма на кириллицу) не менее двух раз.

В начале XX в. Российская империя столкнулась с новым явлением в мусульманской части — джадидизмом. Все началось с экспериментального опыта известного крымско-татарского ученого и просветителя Исмаила Гаспринского. После обучения в Сорбонне он вернулся на родину и, увидев плачевное положение системы мусульманского образования, которое ограничивалось изучением арабского языка, Корана и основ шариата в пределах одного или двух мазхабов (правовых школ). Арабская вязь служила основой графики языков мусульманских народов, входящих в состав Российской империи. Реформаторская деятельность Исмаила Гаспринского была направлена на школу, где были предложены новые методики изучения алфавита, которые давали потрясающий результат. Но дело не ограничилось только новой методикой обучения грамоте. Его сподвижники предложили расширить круг предметов, преподаваемых в школах, и ввести естественно-научные дисциплины. Сам И. Гаспринский издавал газету «Таржимон» («Переводчик»). [1]

Его опытом и идеями заинтересовались и в Центральной Азии, где был открыт ряд школ, но колониальные власти позже их закрыли. Затем начались гонения на издания джадидов Тем не менее, часть молодежи из Центральной Азии удалось получить образование в западных и российских университетах, но наиболее сильным влиянием пользовался пример Турции. Одной из самых значимых фигур джадидизма являлся выходец из Бухары Фитрат, который стал свидетелем революционных событий в Турции, где и были написаны его труды «Спор» и «Индийский путешественник». [2]

Эти работы стали настоящим манифестом для региона. Джадиды считали, что через реформу образования, занимаясь переводами учебников по физике, химии, медицине и др. они будут создавать класс лю-

дей, способных модернизировать мусульманские общества региона. У движения не было единого координационного центра — лишь различные группы на Поволжье, в Крыму, в Центральной Азии.

Кемалистская революция и создание Турецкой Республики на развалинах Османской империи, помимо всего прочего, дал мусульманским народам опыт перевода письменности на латиницу. Сам Мустафа Кемаль был инициатором и активным участником этой реформы. С 1 января 1929 г. Закон о турецком алфавите (основанным на латинице) вступил в силу. Сегодня именно этот алфавит является основой для азербайджанской, гагаузской, крымско-татарской письменности и непризнанной татарской (официально использующей кириллицу).

Послереволюционный хаос и «торжественное шествие Советской власти» по Центральной Азии стали историческим контекстом для споров по поводу графики. Внутреннее сопротивление консервативных мусульманских ученых богословов и мулл, которые являлись противниками джадидов, привело к тому, что предложение о переходе на латиницу в 1921 г. на краевом съезде в Ташкенте было отвергнуто. Вторая попытка в 1926 г. на I съезде тюркских народов была более успешной. С этого момента можно говорить о переходе на латинскую графику для всех тюркских народов. Но уже в 1940 г. под воздействием политических факторов было принято решение перехода на кириллицу (переходный период до 1942 г.) Джадиды были репрессированы еще до 1937 г. [3]

Идея возвращения к латинице впервые прозвучала в ноябре 1991 г. в Стамбуле на конференции тюркских народов. Но из всех тюркоязычных республик в течение трех лет приняла решение о переходе на латиницу в различных вариантах только Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. В Узбекистане действие переходного периода все время продлевалось (2005, 2010, 2015 гг.). В Туркменистане в 2000 г. был введен прямой запрет на использование иных график, кроме латиницы. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан оставались на кириллице. Если сегодня взглянуть на состав ОДКБ и ЕАЭС, то становится очевидным, как письменность выступает геополитическим маркером.

Идея Евразийского Союза была высказана Президентом Казахстана Назарбаевым еще в 1994 г., но смысл, вкладываемый в нее тогда, был несколько иным, чем тот, что сегодня вкладывает руководство России. Имея такие тесные узы с северным соседом, Казахстан теперь вынужден мириться со своей собственной инициативой.

Но в декабре 2012 г. в специальном послании народу Казахстана Назарбаев впервые высказал идею о переходе на латиницу к 2025 г. [4]

Здесь необходимо отметить, что инициатива была высказана до подписания Договора о ЕАЭС и даже до ЕЭП. Таким образом, различные гипотезы о реакции Казахстана на Крым, Русский мир, ЕАЭС не являются самостоятельными, а заслуживает внимание то, что для руководства Казахстана важно определять стратегию государственного развития как минимум на 5—7 лет вперед. Не исключено, что, испытывая давление как со стороны Китая, так и со стороны России, а также имея в виду намерение США вывести войска из Афганистана (Чикагский саммит НАТО—2012) казахстанское руководство принимает решение в том числе и по письменности, дабы в корне отличаться от своих гигантов соседей и учесть опыт близкого Узбекистана.

12 апреля 2017 г. была анонсирована государственная программа «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», в которой изложены основные проекты, прописаны ключевые механизмы и очерчены хронологические рамки перехода на латиницу. [5] Этот обширный документ содержит смелые идеи по национальному строительству. Многие из них созвучны идеям джидидов — например, перевод лучших учебников мира по социально-гуманитарным наукам на казахский язык с латинской графикой (проект «100 учебников») уже в ближайшие два года. И с той же целью, что у джидидов, — модернизация тюркских народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бекирова, Г. «Великий учитель». Исмаил Гаспринский [Электронный ресурс] / Г. Бекирова // Крым. Реалии. — Режим доступа: <https://ru.krymr.com/a/26911248.html>. — Дата доступа: 26.09.2018.
2. Абдурауф Фитрат (1886—1938) [Электронный ресурс] // Ziyouz.uz. — Режим доступа: <https://www.ziyouz.uz/ru/literatura/period-dzhadidskoj-literatury/165--1886-1938>. — Дата доступа: 28.09.2018
3. Каримов, Н. Возникновение джидидизма как первоосновы национальной идеи [Электронный ресурс] / Н. Каримов // «Письма о Ташкенте» — блог. — Режим доступа: <https://mytashkent.uz/2010/08/28/vozniknovenie-dzhadidizma-kak-pervoosnovy-natsionalnoy-idei-chast-1/>. — Дата доступа: 26.09.2018.
4. Назарбаев, Н. А. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана, 14 дек. 2012 г. [Электронный ресурс] / Н. А. Назарбаев // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. — Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-14-dekabrya-2012-g. - Дата доступа: 26.09.2018
5. Назарбаев, Н. А. Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», 12 апр. 2017 г. [Электронный ресурс] / Н. А. Назарбаев // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. — Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya. — Дата доступа: 28.09.2018.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Минск, 26 октября 2018 г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые участники Белорусско-польского «круглого стола»!

Прежде всего хочу выразить признательность руководству и коллективу Института международных исследований Брочлавского университета за то, что, несмотря на серьезные внешние препятствия, наши учебно-научные подразделения на протяжении почти полутора десятков лет продолжают проводить ежегодные научные встречи. В откровенной обстановке участники совместных круглых столов обсуждают актуальные темы белорусско-польских отношений, пытаются найти приемлемые решения имеющихся проблем. В практике ФМО БГУ — это самый долгоиграющий международный проект.

К сожалению, нет оснований говорить о том, что наша сегодняшняя встреча проходит в «лучшие времена». В последние годы регион Центральной и Восточной Европы переживает обострение военно-политической напряженности между глобальными геополитическими акторами, что приводит к усилению милитаризации находящихся «на пограничье» стран, к расширению активной «информационной войны».

Складывающаяся в Европе обстановка не может не отражаться на белорусско-польских взаимоотношениях. К внешним негативным факторам следует добавить и ряд исторически существующих двусторонних противоречий. Не секрет, что между руководством и обществом двух стран сохраняется заметное недоверие, вызванное некоторым непониманием позиций и действий Минска и Варшавы по отношению друг к другу.

Что могут сделать представители университетского сообщества, чтобы это недоверие уменьшалось?

На мой взгляд, исследователи двух стран могут открыто и без лишних эмоций определить перечень наиболее спорных исторических и современных проблем, а затем начать процесс поэтапного и аргументированного обсуждения перспектив их решения. Вероятно, итоги откровенных дискуссий ученых необязательно оперативно предавать широкой гласности.

Важным аспектом расширения диалога между белорусскими и польскими историками и политологами является согласование общих правил дискуссии, определение объективных взаимоприемлемых критериев оценки исторических деятелей и событий (общие герои, общие жертвы и т. д.). Без проведения этой фундаментальной работы невозможно глубокое понимание культуры памяти соседнего народа и дальнейшее сближение позиций. Понятно, что в культуре памяти, в исторической политике Польши центральное место занимает увековечивание памяти поляков по гражданству и происхождению, которые боролись за создание и развитие независимости польского государства. Такой же интерес присутствует и в культуре памяти Беларуси. Следует отметить, что в этом направлении существуют сложности. Средства массовой информации разных стран регулярно информируют о переносе (перестройке и т. д.) по инициативе центральных и местных властей па-

мятников воинам Красной Армии, погибшим при освобождении Польши от нацистской Германии. Чем обусловлена борьба с памятниками? В чем виноваты сотни тысяч солдат и офицеров, похороненных на польской земле, перед современной Польшей? Эти вопросы никак не способствуют налаживанию двустороннего доверия. Понятно, что свои вопросы к Беларуси имеет и польская сторона.

Исследователи обеих стран справедливо отмечают несинхронность развития культуры памяти в Беларуси и Польше. В то время как в Польше практически сложился общественный консенсус в оценках основных событий истории страны (так называемый «мейнстрим»), в Беларуси процесс формирования национальной исторической версии затянулся. В молодом государстве существует как минимум четыре большие общественные группы, которые имеют отличающиеся, порой противоположные, культурно-исторические и геополитические приоритеты. Обращение практически к любому историческому событию вызывает у представителей различных групп напряженные споры.

На мой взгляд, дискуссия о сложных исторических проблемах вряд ли быстро приведет представителей двух стран к общему «знаменателю». «Дорожной картой» сотрудничества должна стать программа совместных действий по темам, по которым существует полное согласие или близость позиций. Давайте больше говорить о том, что объединяет, а не разъединяет белорусский и польский народы.

Надеюсь, что и далее наши университетские структуры будут двигаться в сторону сближения! Пожелаем нам всяческих успехов, всесторонней государственной и общественной поддержки!

***Виктор Шадурский**, профессор, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Wrocław, 23 października 2018 r.

Szanowny Panie Dziekanie, Drodzy Państwo, Szanowni Koledzy i Koleżanki, Drodzy Przyjaciele,

W imieniu Instytutu Studiów Międzynarodowych pragnę serdecznie i gorąco pozdrowić Gości, Uczestników i Organizatorów XIV polsko-białoruskiej Konferencji z cyklu «Okrągły Stół».

Konferencja ta ma charakter cykliczny i odbywa się od wielu lat zamiennie — w Mińsku i we Wrocławiu. Niektórzy z Państwa biorą w niej udział od samego początku tj. od 2004 roku. Czternaście lat z punktu widzenia zwykłego człowieka to spora część życia, z punktu widzenia procesów społecznych i politycznych to tylko chwila, która zostanie odnotowana w kilku zdaniach w podręcznikach z historii. Niemniej, owe czternaście lat, to okres głębokich przeobrażeń zarówno Polski jak i Białorusi związanych ze zmianami systemowymi, dynamizującą się polityką zagraniczną, rozwojem społeczno-gospodarczym oraz pojawieniem się nowych technologii. Poczesne miejsce we wspomnianym rozwoju zajmują badania z zakresu szeroko rozumianych Nauk Społecznych. Wspólne wysiłki pracowników Instytutu Stosunków Międzynarodowych Państwowego Uniwersytetu Mińsku oraz

Instytutu Studiów Międzynarodowych Uniwersytetu Wrocławskiego stanowią niezaprzeczalny wkład porządkujący i wyjaśniający tę bardzo złożoną rzeczywistość. Naukowe dyskusje w ramach polsko-białoruskiego «Okrągłego Stołu» są tego namacalnym dowodem. Za to wszystkim uczestnikom konferencji serdecznie dziękuję.

Wszyscy mamy jednak świadomość, że wiele jeszcze przed nami pracy i trudnych zadań. Wynika to z wielu przyczyn natury zarówno obiektywnej, jak i subiektywnej. Mam jednak nadzieję, że właściwa współpraca Władz obu Instytutów, jak również wszystkich pracowników naukowych przyniesie w rezultacie pożądane efekty. Trzeba jednak pamiętać, że każdy sukces wykuwa się w pocie czoła, a procesowi badawczemu często towarzyszy wiele trudności.

Sprawie służą między innymi takie spotkania jak dzisiejsza konferencja. Stanowi ona nie tylko forum integracjśrodowiskowej, ale również wymiany poglądów naukowców z obu naszych krajów na którym mogą być przedstawiane racje i stanowiska wszystkich zainteresowanych stron. Wzajemne zrozumienie i poszanowanie oraz dialog są warunkiem koniecznym dla rozwiązywania każdej trudności. Potwierdza to zresztą dotychczasowa praktyka, w trakcie której, wielu z Państwa wniosło istotny wkład w rozwój stosunków polsko-białoruskich.

Ne mogąc brać osobistego udziału w XIV Konferencji «Okrągły Stół» mam nadzieję, że spełni ona Państwa oczekiwania, będzie bardzo owocna oraz stanie się źródłem satysfakcji i długo pozostanie w pamięci uczestników, nie tylko z powodu wysokiego merytorycznego poziomu obrad, ale również ze względu na jej rolę integracyjną.

Korzystając z okazji, pragnę już teraz zaprosić Wszystkich Państwa na jubileuszową konferencję z cyklu «Okrągły Stół», która odbędzie się w 2019 roku we Wrocławiu.

Zyczę wszystkim Państwu dalszych sukcesów w pracy zawodowej, wielu nowych dokonań i zasłużonego uznania, a także pomyślności i szczęścia osobistego.

Drhab. prof. nadzw. UW **Krzysztof Kociubiński**

ЗНЕШНЯЯ ПАЛІТЫКА РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ XVII СТ.: ПОЛЬСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ

*Дзёмідовіч А. В., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
e-mail: helen1062@tut.by
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

У артыкуле разглядаецца польская гістарыяграфія знешняй палітыкі Рэчы Паспалітай XVII ст. Аўтар вылучае спецыфічныя рысы, уласцівыя польскай гістарыяграфіі пытання (маштабнасць; апасрэдаванае вывучэнне праблематыкі; паказ рэалій праз персаналізацыю палітыкі і г. д.). Узгадваюцца даследчыкі, якія ўнеслі значны ўклад у станаўленне гістарыяграфічнай традыцыі; называюцца ключавыя працы, прысвечаныя прыярэтным кірункам знешняй палітыкі Рэчы Паспалітай у адзначаны час.

Ключавыя словы: польская гістарыяграфія; даследаванні; знешняя палітыка; ваенная гісторыя; Рэч Паспалітая; Расійская дзяржава; Швецыя; Асманская імперыя.

У гісторыі Рэчы Паспалітай (РП) XVII ст. — стагоддзе асаблівае, можна сказаць, кульмінацыйнае. У гэты перыяд дзяржава сутыкнулася з комплексам разнастайных выклікаў, як унутранага, так і знешняга кшталту. Адным з самых цікавых аспектаў функцыянавання дзяр-

жавы абодвух народаў з’явілася яе знешнепалітычная дзейнасць. Працэсы і падзеі адзначанага часу прыцягвалі ўвагу даследчыкаў розных краін, гістарычнае мінулае якіх было цесна звязана з лёсам РП. Польская гістарыяграфія характарызуецца даўнімі традыцыямі, а таксама плёнам вывучэння акрэсленай праблематыкі.

Адной з характэрных рыс польскай гістарыяграфіі з’яўляецца яе *маштатнасць*. Вядома, што знешняя палітыка РП у XVII ст. была шматвектарнай у поўным значэнні гэтага слова: характарызавалася канфліктнымі адносінамі з Расійскай дзяржавай; войнамі за Балтыку са Швецыяй; супярэчнасцямі з Асманскай імперыяй; палітычным дыялогам са Свяшчэннай Рымскай імперыяй германскай нацыі. Варта сказаць, што ўсе кірункі знешнепалітычнай дзейнасці знайшлі адлюстраванне ў польскай гістарыяграфіі, пры гэтым прыкладна ў аднолькавай ступені (крыху менш — заходні вектар) сталі аб’ектам навуковага інтарэсу. Разам з тым для польскай гістарыяграфіі характэрны не толькі панарамны аналіз кірункаў знешняй палітыкі, але і вельмі *вузкая спецыялізацыя*, калі прадметам даследавання становяцца асобныя ваенныя кампаніі (і нават бітвы); дыпламатыя; праблемы фінансавага і ваеннага забеспячэння і г.д.

Цікавасць да палітычнай гісторыі польскай гістарыяграфіі была ўласціва здаўна і праявілася яна ў гістарыяграфіі яшчэ перыяду рамантызму. Прычым гэта цікавасць дамінавала над цікавасцю да эканамічнай гісторыі, што ўвасобілася ў станаўленні даследаванняў на памежжы палітычнай гісторыі і гісторыі культуры. З прадстаўнікоў дадзенай плыні можна назваць наступных, хто ў рознай ступені пісаў пра знешнюю палітыку РП акрэсленага часу: Ю. Нямцэвіч, Л. Рагальскі, Э. Катлубай, у некагортай ступені — А. Нарушэвіч.

Як ужо было заўважана, ні адзін вектар знешняй палітыкі РП не застаўся па-за пільнай увагай польскай гістарыяграфіі. Да ліку прыярытэтных праблем, якія распацоўвалі польскія даследчыкі, належаць **адносіны РП з Расійскай дзяржавай**. Усходняму кірунку знешняй палітыкі дзяржавы прысвечана вялікая колькасць прац.

У XVII ст. адносіны РП з Расійскай дзяржавай прайшлі пэўныя фазы свайго развіцця, зведаўшы шлях ад перамяр’я 1601 г. да вечнага міру 1686 г. Праблемам міждзяржаўных адносін XVI — першых дзесяцігоддзяў XVII ст. прысвечаны даследаванні К. Тышкоўскага — прадстаўніка львоўскай гістарычнай школы, рэдактара «*Kwartalnika Historycznego*» — найстарэйшага польскага часопіса гісторыка-культурнага кірунку. Гісторык даследаваў пасольства Льва Сапегі ў Маскву 1600—1601 гг.; вайну 1609—1618 гг. [1; 2]. К. Тышкоўскі ўвёў у навуковы зварот шэраг крыніц, якія імкнуўся крытычна асэнсаваць, здолеўшы ў сваіх працах разгледзіць ва ўзаемасувязі палітычныя, эканамічныя і культурныя працэсы, што адбываліся як у РП, так і Расіі. Даследчык стаяў ля вытокаў арганізацыі польскай гістарычнай навукі ў міжваенны перыяд. Цікава гучаць яго погляды адносна неабходнасці вывучэння польскай навукі гісторыі Расіі. На думку даследчыка, вывучэнне гісторыіі Расіі для польскай гістарыяграфіі ў новых умовах мае свае ўласныя і асобныя мэты: «дзяржаўная неабходнасць грунтоўнага пазнання ўсходняга суседа — гэта пункт гледжання палітычны. Адначасова ёсць інтарэс і навуковы—адносна цеснага саюзу і сумеснага досведу дзяржаў і народаў у мінулым» [3, s.7].

Да львоўскага навуковага асяродку належылі А. Хіршберг і Л. Кубала. Манаграфіі А. Хіршберга асвятлялі ўзаемаасункі РП і Расійскай дзяржавы падчас Дзмітрыяды і ў першыя гады інтэрвенцыі [4; 5]. Працы маюць тэндэнцыйны характар: дзеячам ВКЛ, напрыклад, аўтар прывісвае ідэю вайны супраць Расійскай дзяржавы.

Л. Кубала — гісторык, які займаўся выключна XVII ст., вынікам чаго з’явіліся працы, прысвечаныя адпаведнаму тэмаму, у тым ліку ўзаемаадносін РП і Расіі. У працы «*Wojna moskiewskar. 1654—1655*» апісваецца пачатковы перыяд вайны 1654—1667 гг., асабліва ўвага звяртаецца на ваенныя выправы і дзейнасць Януша Радзівіла [6]. Вядома, што Л. Кубала, які валодаў літаратурным талентам (малаяўнічы стыль выкладання, вобразнасць), аказаў уплыў на творчасць Г. Сенкевіча, з’яўляючыся адным з гісторыкаў, даследаванні якіх натхнялі пісьменніка.

Важным этапам у асвятленні адносін РП і Расійскай дзяржавы перыяду інтэрвенцыі стала з’яўленне манаграфіі В. Сабескага [7]. Вартасць гэтай працы заключаецца ў тым, што аўтар на падставе рэпрэзентатыўных крыніц не толькі асвятляе ход падзей падчас інтэрвенцыі РП у Расійскую дзяржаву, але раскрывае і закулісную барацьбу розных палітычных груповак, тлумачыць прычыны іх дзеянняў, учынкаў. В. Сабескі — адзін з заснавальнікаў і рэдактараў «*Przełqdu Historycznego*». Навуковы інтарэс даследчыка, прадстаўніка кракаўскай гістарычнай школы, — РП у міжнародных адносінах — знайшоў працяг у даследчыцкай дзейнасці яго вучняў, сярод якіх можна ўзгадаць У. Чаплінскага, К. Піварскага, О. Галецкага.

У 60-х гг. XX ст. да тэматыкі ўзаемаадносін РП і Расійскай дзяржавы звярнуўся Я. Мацішэўскі, які ахарактарызаваў стаўленне шляхты РП да стасункаў з усходнім суседам у 1603—1618 гг. [8].

З сучасных польскіх гісторыкаў, якія даследуюць стасункі РП з Расіяй, можна вылучыць імя К. Бабятынскага, які вывучае разнастайныя аспекты вайны Рэчы Паспалітай з Расіяй сярэдыні XVII ст. [9].

Калі казаць пра даследаванне **паўночнага вектара знешняй палітыкі РП**, варта ўзгадаць найперш трылогію А. Шэлеягоўскага «*Sprawarótnospawiewiekach XVI i XVII*», у якой аўтар даследуе праблему развіцця прыбалтыйскага рэгіёна, акцэнтуючы ўвагу на прадстаўленні «крытычнага моманту паўночнага пытання для Польшчы ў XVI—XVII стст.» [10]. Даследчыкам разгледжаны складаны працэс змагання за Балтыку, паказана і ацэнена агульная палітычная сітуацыя ў Еўропе.

Безумоўным аўтарытэтам у галіне даследаванняў палітычнай гісторыі РП, у тым ліку і знешнепалітычнай, з’яўляецца Г. Віснер. Яго аўтарству належыць вялікая колькасць прац па праблемацы. Шэраг яго артыкулаў прысвечаны разнастайным аспектам адносін РП са Швецыяй: ваенным кампаніям супраць шведаў [11—13]; стаўленню грамадства РП да «шведскай» палітыкі Жыгімонта III [14].

Праблемы ўзаемаадносін РП са Швецыяй асвятлялі згаданы вышэй Л. Кубала [15—16], С. Хербст [17—18]. Л. Кубала ў пазначаных працах паказаў міжнароднае становішча РП, асабліва яе пазіцыі ў рэгіёне Паўночнай Еўропы. Пазначаныя працы С. Хербста — разгляд першапачатковага этапу змагання РП са Швецыяй, якое адбывалася ў XVII ст.

Паўднёвы вектар знешняй палітыкі XVII ст. прадстаўлены шэрагам даследаванняў, прысвечаных канфрантацыі з Асманскай імперыяй — ад Цацоры (1620 г.) да Венскай бітвы (1683 г.). У дадзеным кірунку актыўна працаваў Л. Падгарадзецкі, навуковы інтарэс якога складалі, сярод іншага, адносіны з Асманскай імперыяй, Крымскім ханствам, казацкая праблема [19—21]. Вывучэннем дадзенай праблемы займаўся Е. Тэадорчык, І. Трацяк і інш. Складаны характар узаемастасункаў з паўднёвым суседам прыцягваў асаблівую ўвагу польскіх даследчыкаў, амаль не саступаючы па папулярнасці ўсходняму кірунку — адносінам з Расіяй, важнасць даследавання якога, як адзначалася вышэй, усведамлялася польскай гістарыяграфіяй асабліва.

Знешняя палітыка РП XVII ст. адлюстравана ў адпаведных спецыялізаваных працах абагульняючага характару, сярод якіх у першую чаргу неабходна ўгадаць наступныя: «*Historia dyplomacji polskiej (półowa X—XX w): w 6 t.*» (Т. 2: 1572—1795) і «*Polska służba dyplomatyczna XVI—XVIII wieku.*».

Можна казаць яшчэ пра апасрэдаванае даследаванне знешняй палітыкі праз прызму вывучэння разнастайных складнікаў дзяржаўнай сістэмы РП: войска, скарбу і фінансаў, дзяржаўных органаў. Таму варта ўгадаць працы па адзначаных праблемах. Даследаваннем скарбу і фінансаў ВКЛ займаецца А. Філіпчак-Коцур [22]. Гісторыю функцыянавання палітычных інстытутаў разглядаюць А. Рахуба [23], В. Крыгсайсен [24]. АсаблівасцямарганізацыівойскапрысвечаныдаследаванніА. Рахубы, М. Нагельскага, Я. Вімера. Я. Вімер—вядомызнаўцаваеннайгісторыі: даследчыкбітваў, ваенныхвыпраў, узрабнення, стратэгіі і тактыкі, увогуле—арганізацыі войска РП [25].

Адметнасць польскай гістарыяграфіі пытання — *паказ знешнепалітычных рэалій праз дзейнасць* тых ці іншых персаналій. Увасобілася гэта ў выданнях рознага кшталту, якія, па зразумелых прычынах, немагчыма ўгадаць у межах аднаго артыкула. Аб'ектам цікавасці з'яўляюцца постаці манархаў (Жыгімонта III, Уладзіслава IV і інш.), палітычных і ваенных дзеячаў (прадстаўнікоў дому Сапегаў, Радзівілаў і інш.), якія мелі дачыненні да выпрацоўкі альбо рэалізацыі знешнепалітычнага курсу РП XVII ст. З сучасных прац варта ўгадаць адметнае выданне «*Radziwiłłowie w służbie Marsa*» [26]. Яно сабрала пад адной вокладкай артыкулы, прысвечаныя прадстаўнікам роду Радзівілаў, якія спрычыніліся тым ці іншым чынам да ваеннай дзейнасці. Высокі навуковы ўзровень змешчаных там матэрыялаў не зрабіў кнігу «выключна акадэмічнай»: яна карыстаецца шырокай папулярнасцю не толькі сярод гісторыкаў. Падобныя працы, з'яўляючыся навуковымі, разам з тым выконваюць і функцыю папулярызацыі гісторыі: прыцягваюць шырокае чытацкае кола, якому ўласціва цікавасць да жыцця вядомых дзеячаў мінулага.

Сярод асаблівасцей гістарыяграфіі нашых заходніх суседзяў можна адзначыць *наяўнасць шматлікіх спецыялізаваных перыядычных выданняў*, якія шмат дзесяцігоддзяў з'яўляюцца навуковымі пляцоўкамі для артыкуляцый поглядаў на ваенную і знешнепалітычную гісторыю: «*Studia i Materiały do Historii Wojskowości*», «*Zapiski Historyczne Poświęcone Historii Pomorza i krajów Bałtyckich*» і інш.

Цяжка вызначыць агульныя метадалагічныя канцэпцыі і прыёмы, якія б ахарактарызавалі «механізм творчасці» польскай гістарыяграфічнай традыцыі, па прычыне яе надзвычайнай

разнастайнасці і працягласці ў часе. Але, калі абагульніць, можна сцвердзіць, што польскай гістарыяграфіі, як правіла, уласцівы ўвага і павага да гістарычных крыніц, адсюль, — іаналітычны-факталагічны падыход, падрабязная нарацыя, і імкненне ў лепшых традыцыях пазытывізму даць адказ на спрадвечнае пытанне даследчыкаў мінулага: «як усё гэта было на самай справе».

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Tyszkowski, K. Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie w roku 1600 / K. Tyszkowski. — Lwów: Nakł. T-wa Nauk., 1927. — 88 s.
2. Tyszkowski, K. Wojna o Smoleńsk, 1613—1615 / K. Tyszkowski. — Lwów: Druk. Uniw. Jagiellońskiego, 1932. — 176 s.
3. Tyszkowski, K. Dzieje Rosji w opracowaniu historyków polskich / K. Tyszkowski // Pamiętnik IV powszechnego zjazdu historyków polskich w Poznaniu 6—8 grudnia 1625. — S. 1—7.
4. Hirschberg, A. Dymitr Samozwanec / A. Hirschberg. — Lwów: Gubrynowicz i Schmidt, 1898. — IX, 296 s.
5. Hirschberg, A. Maryna Mniszchówna / A. Hirschberg. — Lwów: Gubrynowicz i Schmidt, 1906. — VII, 339, III s.
6. Kubala, L. Wojna moskiewska r. 1654—1655. / L. Kubala. — Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa; Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1910. — 443 s.
7. Sobieski, W. Żółkiewski na Kremlu / W. Sobieski. — Kraków [etc.]: G. Gebethner i Spółka, 1920. — 217 s.
8. Maciszewski, J. Polska a Moskwa, 1603—1618: opinie i stanowiska szlachty polskiej / J. Maciszewski. — Warszawa: Państw. Wydaw. Nauk., 1968. — 327 s.
9. Bobiatyński, K. Od Smoleńska do Wilna. Wojna Rzeczypospolitej z Moskwą 1654—1655 / K. Bobiatyński. — Kraków: Inforditions, 2004. — 286 s.
10. Szelański, A. Sprawa północna w wiekach XVI i XVII: w 3 cz. / A. Szelański. — Lwów: Nakł. Księg. Pol. B. Połonieckiego; Warszawa: Gebethner i Wolff, 1904—1905.
11. Wisner, H. Kampania Inflancka Krzysztofa Radziwiłła w latach 1617—1618 / H. Wisner // Zapiski hist.: poświęcone historii Pomorza i krajów Bałtyckich. — 1970. — T. 35, Z. 1. — S. 9—35.
12. Wisner, H. Kircholm, 1605 / H. Wisner. — Warszawa: Wydaw. Min. Obrony Nar., 1987. — 150 s.
13. Wisner, H. Wojna Inflancka 1625—1629 / H. Wisner // Studia i materiały do historii wojskowości. — 1970. — T. 16, Cz. 1. — S. 27—94.
14. Wisner, H. Opinia szlachecka Rzeczypospolitej wobec polityki szwedzkiej Zygmunta III w latach 1587—1632 / H. Wisner // Zapiski Hist. — 1973. — T. 38, z. 2. — S. 9—50.
15. Kubala, L. Wojny duńskie i pokój Oliwski / L. Kubala. — Lwów: Księgarnia Wydawnicza H. Altenberga, 1922. — 651 s.
16. Kubala, L. Wojna szwedcka w roku 1655 i 1656 / L. Kubala. — Lwów [etc.]: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i Spółka, 1913. — 495 s.
17. Herbst, S. Wojna inflancka, 1600—1602 / S. Herbst. — Zabrze: Interfort, 2006. — 253 s.
18. Herbst, S. Wojna inflancka, 1603—1604 / S. Herbst. // Studia historica: w 35-lecie pracy nauk. Henryka Łowmianskiego / oprac. A. Gieysztor [et al.]. — Warszawa, 1958. — S. 295—307.
19. Podhorodecki, L. Chanat Krymski i jego stosunki z Polską w XV—XVIII w / L. Podhorodecki. — Warszawa: Książka i Wiedza, 1987. — 316 s.
20. Podhorodecki, L. Chocim 1621 / L. Podhorodecki. — Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1988. — 188 s.
21. Podhorodecki, L. Wiedeń 1683 / L. Podhorodecki. — Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1983. — 211 s.
22. Filipczak-Kocur, A. Skarbość Rzeczypospolitej, 1587—1648: projekty, ustawy, realizacja / A. Filipczak-Kocur. — Warszawa: Wydaw. Sejmowe: Kancelaria Sejmu, 2006. — 437 s.
23. Rachuba, A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569—1763 / A. Rachuba. — Warszawa: Wydaw. Sejmowe, 2002. — 375 s.
24. Krieger, W. Sejm Rzeczypospolitej szlacheckiej (do 1763 roku): geneza i kryzys władzy ustawodawczej / W. Krieger. — Warszawa: Wydaw. Sejmowe, 1995. — 224 s.
25. Wimmer, J. Dawne wojsko polskie: XVII—XVIII w. Warszawa: Bellona, 2006. — 132 s.
26. Radziwiłłowie w służbie Marsa / redakcja: Mirosław Nagielski, Karol Żojdź. — Warszawa: DiG, 2017. — 376 s.

К. С. ДУШЕВСКИЙ О БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1920—1921 гг.

Иоффе Э. Г., Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

К. С. Душевский был видным белорусским политическим деятелем первой половины XX века. В данном докладе раскрывается его мнение о белорусско-польских отношениях в 1920—1921 гг., высказанное К. С. Душевским в его статье «Беларусь і Рьжскі мір», опубликованной в 1921 году в Каунасе в издательстве «Вызваленне». Он приходит к выводу, что Рижский мир «некрепкий и белорусам остается только один путь — путь борьбы с узурпаторами прав белорусского народа за свою независимость и независимость».

Ключевые слова: Беларусь; Рижский мир; Польша; «этнографические права»; плебисцит; Советская Россия; Белорусская Народная Республика.

Траурной датой в истории Беларуси и белорусского народа стал Рижский мир, подписанный 18 марта 1921 года. Рижский мирный договор был подписан делегациями Польши, РСФСР и УССР в Рижском дворце. От имени Советской Беларуси договор подписала РСФСР, что и было отмечено в преамбуле. Он узаконил захват Польшей значительной части белорусских и украинских земель. Демократический принцип права белорусского народа на национально-территориальное самоопределение в этнических границах с молчаливого согласия ведущих европейских стран был проигнорирован польской стороной. Красная Армия и советские дипломаты не смогли отстоять справедливые этнические границы Беларуси. Рижский мир разделил территорию Беларуси на две части, превратив Социалистическую Советскую Республику Беларусь в крошечное государство.

В связи с этим особый интерес представляет ответ на вопрос: «Как оценивали Рижский мир и его последствия для ССРБ современники?»

Сегодня имя этого человека мало кому известно. Клавдий Степанович Душевский (Дуж-Душевский) был белорусским политическим деятелем первой половины XX в.

Его «малая родина» — местечко (теперь город) Глубокое Дисненского уезда Виленской губернии. Здесь 27 марта (по другим данным, 26 апреля) 1891 г. начался жизненный путь К. С. Душевского. В 1912 г. он окончил Виленское реальное училище, где примкнул к белорусскому национально-освободительному движению, а в 1912—1918 гг. учился в Петербургском горном институте.

В 1927 г. Клавдий Душевский окончил Литовский университет в Каунасе. Согласно его свидетельству, он создал эскиз бело-красно-белого флага.

После Февральской революции 1917 г. Клавдий Степанович вступил в Белорусскую Социалистическую Громаду, став в июне—октябре 1917 г. членом ее ЦК и Президиума ЦК. В 1918 г. Душевский работал заведующим беженским отделом Белорусского национального комиссариата. Он одобрял провозглашение Белорусской Народной Республики.

После распада БСГ летом 1918 г. в Белорусской партии социалистов-революционеров Душевский вместе с В. Ластовским он принадлежал к ее умеренному крылу. С апреля 1919 г. Клавдий Степанович жил в Вильно и являлся членом Белорусского национального комиссариата. В мае 1919 г. он был избран председателем Центральной белорус-

ской рады Виленщины и Гродненщины, но из-за несогласия с пропольской ориентацией большинства рады в июле 1919 г. сложил с себя эти полномочия. С июля 1919 г. Душевский возглавил комитет Белорусского общества помощи пострадавшим от Первой мировой войны, Виленский отдел Союза потребительских обществ Белорусского края. Именно он стал одним из инициаторов создания Белорусской войсковой комиссии. Клавдий Степанович активно выступал за достижение независимости и нераздельности Беларуси.

Осенью 1919 г. он стал дипломатом, а точнее представителем БНР в странах Прибалтики. После сессии Рады БНР в Минске (декабрь 1919 г.) Душевский был назначен ее государственным секретарем в правительстве Ластовского [Рудовіч С. Душэўскі К. С. // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*. Т. 3. Мінск, 1996. С. 322]. Он преподавал в Виленской белорусской гимназии и на белорусских учительских курсах.

В начале 1921 г. Клавдий Степанович был арестован польскими властями и после освобождения (7 февраля 1921 г.) эмигрировал в Каунас. До 1924 г. он работал в Министерстве белорусских дел, до 1930 г. — в Министерстве иностранных дел, потом в Министерстве связи Литвы. Он принимал участие в общественно-культурной жизни белорусской эмиграции, был одним из руководителей Белорусского центра в Литве (с 1933 г. его председателем), Литовско-Белорусского общества.

К. С. Душевский редактировал журнал «Беларускі сцяг» (1922), принимал участие в издании журнала «Крывіч» (1923—1926), издавал и редактировал журнал «Беларускі асяродак» (с 1933 г.).

После присоединения Литвы к СССР он был арестован (август 1940—июнь 1941). Через три года — в августе 1943 г. Клавдий Степанович был уже арестован немецкими спецслужбами за помощь гражданам еврейской национальности и отбывал наказание в концлагере около г. п. Правенишкес.

В 1944—1946 гг. Душевский работал доцентом Каунасского университета. В декабре 1946-го — мае 1947 г. он находился под следствием в Вильнюсе. После нового ареста в феврале 1952 г. как «активный белорусский националист» Клавдий Степанович был осужден на 25 лет заключения. В апреле 1955 г. Душевский был освобожден и работал в проектном институте «Литстройпроект».

Его не стало 25 февраля 1959 г. — на 68-м году жизни. К. С. Душевский похоронен в городе Каунасе.

В 1921 г. в Каунасе в издательстве «Вызваленьне» была опубликована работа Кляўдуша Дуж-Душевскаго «Беларусь і Рыжскі мір». Позже — в 1995 г. (№ 6) она была перепечатана в журнале «Спадчына».

В параграфе «Правы Польшчы на захвачаныя землі» он отмечает: «Ніякага гістарычнага права на гэтыя землі (белорусские земли, отошедшие к Польше. — Э. И.) Польшча не мае дзеля таго, што яна ніколі не мела гэтых земляў у сваіх граніцах. Ссылка на граніцы 1772 г. не мае ніякай асновы дзеля таго, што ў той час Беларусь і Літва былі саўсім незалежныя і знаходзіліся толькі ў персанальнай уніі з Польшчай як роўны з роўным. «Этнаграфічных» правоў Польшча таксама ніякіх не мае. Распрэздзеленьне люднасьці па нацыянальнасьцях у гэтых далучаных да Польшчы паветах прыводжу ў ніжэйпададзенай табліцы, аснованых на даных Усерасійскага перапісу 1897 г., апроч таго, на даных польскіх, нямецкіх і другіх навуковых крыніц.

Як відаць з прыведзенай табліцы, (на с. 211. — Э. И.), у пераважаючай большасці паведаў, адышоўшых да Польшчы, % беларусаў ёсць ад 72 да 87 %, палякаў жа ўсяго ад 0,2 да 4,6 %. І толькі ў некаторых паведах Гродзенскай і Віленскай губ. працэнт гэты павялічваецца на карысць палякаў, прыкладам у Беластоцкім павеце, дзе лік іх даходзіць да 18 % і ў Віленскім павеце да 12 % (у горадзе Вільні лічыцца палякаў да 43 %).

Высокі працэнт палякаў у Беластоцкім павеце тлумачыцца тым, што на некаторай часці, пагранічнай з Польшчай, жывуць цэльнай масай палякі, займаючы больш-менш адну пятую часць паўднёвай Беластоцны.

Высокі працэнт палякаў у горадзе Вільні тлумачыцца вялікім лікам апалчэнных беларусаў-католікаў, каторых пры перапісе рэгіструець як палякаў...» [Дуж-Душэўскі К. Беларусь і Ружскі мір / К. Дуж-Душэўскі // Спадчына. 1995. № 6. С.210—211].

К. Дуж-Душевский приходит к следующему заключению: «Такім чынам, мы бачым, што тэй большасці палякаў, аб каторых кажуць польскія дыпламаты, у Віленскай, Гродзенскай і Менскай губэрніі няма. Наадварот. У гэтых мейсцовасцях палякі з'яўляюцца нязнайчнай меншасцю, ні ў якім разе не маючай права прэтэндаваць на кіраўнічую ролю ў Беларусі» [Там же. С. 212].

В параграфі «Чаму Польша хочэ захапіць Беларусь» Клавдий Степанович раскрывае цели польских политически кругов. Он подчеркивает: «Некаторыя польскія палітычныя кругі паставілі сабе мэтай стварыць з Польшчай вялікую дзяржаву з лікам люднасці ў 35 мільёнаў і з адпаведнай тэрыторыяй (этнаграфічная Польшча мае тэрыторыю каля 171 тысяч кв. км з лікакм люднасці каля 18 мільёнаў). Павялічыць сваё насельне і тэрыторыі Польшча хочэ дарогай захвату чужых зямель, паміж іншымі і беларускіх.

Апроч таго, Польшча, якая з'яўляецца ўжо цяпер выключна старонкай прамысловай, хочэ стварыць эканамічную раўнавагу дарогай прылучэння да сябе земляробскіх тэрыторый, якімі з'яўляюцца Беларусь, Літва, Украіна і ўсходняя Галічына.

Польская зямельная буржуазія, хочучы аслабіць у сябе ў польшчы зямельны голод і не маючы магчымасці вазстанаваці у патрэбных разьмерах індустрыю, каб аслабіць такім чынам безработіцу, хоча каланізаваць часці польскай люднасці (на польскім праектам для каланізацыі назначана 4 мільны палякаў) на захвачаных землях» [Там же. С. 213—214].

Одновременно К. С. Дуж-Душевский оговаривается: «Апроч ніжэйпададзеных, ёсць яшчэ і другія прычыны — прыкладам, «стратэгічныя», але гэтыя прычыны даволь выясьнены ў прэсі і астанаўлівацца на іх ня буду» [Там же. С. 213].

Особый интерес представляет параграф «Аб плебісцыце на Беларусі». Констатируя, что плебисцит по существу проводится там, где некоторые земли являются спорными между двумя соседними государствами, это значит, где есть население нескольких национальностей, которые при этом сильно перемешаны, К. С. Дуж-Душевский замечает: «На Беларусі спорнымі мейсцамі з Польшчай могуць быць некаторыя воласці Бельскага і Беластоцкага паведаў. Уся ж Гродзеншчына ў цэлым заселена вялікай большасцю (да 80 %) беларусамі, з'яўляецца

бязспрэчна беларускай і ў ніякім выпадку не польскай (палякаў ад 0 да 5 %). Віленская ж губернія нават не гранічыць з Польшчай. Пасул Польшчай плебісцыту — іронія над народным правам і над здаровым сэнсам...

Але Польшча патрабуе плебісцыту не на шсім беларускім абшары, адышоўшым да Польшчыбо ведае, што вынікі былі б не на яе карысць. Яна выбрала сабе для гэтага найбольш каталіцкія і апалячэныя часткі Віленшчыны, на плебісцыт жа ўсёй Віленшчыны і Гродзеншчыны яны не годзяцца.

Такім чынам, плебісцыт на беларускіх землях можна разглядаць як абразу чалавечай годнасці...» [Там же. С. 216—217].

Пожалуй, наиболее ценным параграфом статьи К. С. Дуж-Душевского является последний параграф под названием «Магчымыя вынікі Рьжскага міру». Во многом нельзя не согласиться со следующими его выводами: «Для Беларуси ўмова Рьжская надта цяжкая. Яна ставіць Беларусь у поўную залежнасць ад Польшчы і савецкай Расеі як у палітычным, так і эканамічным значэнні, не кажучы ўжо аб культурна-нацыянальным...»

Ясна, што як урад Беларускай Народнай Рэспублікі, як беларускія арганізацыі, так і ўвесь народ не можа санкцыянаваць такога міру.

Нават савецкая Беларусь, не глядзячы на націск са стараны Масквы, не ратыфікавала гэтага міру і не аддала заходняй часці Беларусі палякам...

Ёсць ведама, што маскоўскія бальшэвікі прырэзалі кавалак Беларусі для Польшчы для таго, каб «палякі падавіліся гэтымі землямі», як яны кажучы. Апроч таго, савецкая Беларусь пакінула за сабой права прэ-тэндаваць на Гродненшчыну і Віленшчыну, каб у адпаведны момэнт кінуцца на Польшчу і мець на тое маральнае права...

Ясна, што мір гэты не крэпкі. Беларусам жа астаецца толькі адзін шлях — шлях зацятай барацьбы з узурптарамі правоў беларускага народу з сваю незалежнасць і непадзельнасць. Барацьба гэта цяжкая, але на старане Беларусі справядлівасць. Рана ці позна праўда возьме верх, і будзе яшчэ раз даказана ўсяму сьвету, што небяспечна ісьці проці праўды і справядлівасці» [Там же. С. 221—222].

Таким образом, работа К. С. Душевского «Беларусь і Рьжскі мір» до сих пор не утратила своей исторической ценности как свидетельство неравнодушного современника и продолжает оставаться оригинальным источником по истории белорусско-польских отношений в 1920—1921 гг.

ПОЛЬША В ЗЕРКАЛЕ БЕЛОРУССКИХ СМИ

Лазоркина О. И., *Белорусский государственный университет,*
e-mail: lazorkina@tut.by
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Белорусско-польские отношения имеют глубокую историю. Наши народы связывает более чем 200-летняя история в рамках одного государства. Тесные связи между странами установились и в период независимой Республики Беларусь. Не менее важным является факт регулярного общения между населением двух стран. На современном этапе активное участие в выстраивании диалога, поддержании нужной «температуры» в двусторонних отношениях, играют средства массовой информации. В статье предпринята попытка изучения образа Польши, созданного в белорусском медиапространстве, выделены основные сферы межгосударственных контактов, которые представляют интерес для белорусских СМИ. Делается вывод, что об-

раз Польши в белорусских СМИ находится на стадии формирования, вместе с тем можно констатировать общее положительное отношение к стране по всем направлениям сотрудничества.

Ключевые слова: образ страны; Польша, Беларусь; белорусско-польские отношения; СМИ; контент-анализ.

Средства массовой информации оказывают огромное влияние на все сферы жизни общества. Политика, экономика, культура буквально пронизываются многочисленными взглядами (зачастую стереотипными), которые транслируются на широкую аудиторию. Формирование общественного мнения происходит под воздействием уже готовых интерпретаций важнейших событий, происходящих в стране или в мире. Между тем, роль СМИ в выстраивании образа страны в большинстве случаев имеет первостепенное значение.

Следует отметить, что в истории современных отношений Беларуси и Польши можно выделить разные периоды — подъемы сменялись спадами и наоборот. Анализ тенденций белорусской печати позволит выявить ключевую составляющую в образе Польши в Беларуси.

Параметры оценки могут определяться по нескольким критериям. В первую очередь необходимо проследить с какой периодичностью Польша становится объектом внимания белорусских СМИ. Далее какие сферы жизни в соседнем государстве вызывают наибольший интерес — политическая, экономическая, культурная и др. Важным компонентом является тональность публикаций — положительная, нейтральная, критическая, негативная, умеренно негативная.

В статье проводится анализ электронных версий «СБ. Беларусь сегодня», «Наша Нива» и телеграфного агентства «БЕЛТА». Именно в этих изданиях Польша упоминается достаточно регулярно, что позволяет выстроить более объективную картину представлений о стране в Беларуси. Одним из самых заметных событий, которое вызвало интерес белорусских СМИ и соответственно отразилось на количестве публикаций — это 25-летие установления дипломатических отношений [1]. Это дата пришлось на 2017 г. Большинство белорусских изданий откликнулись на эту значимую дату. Вместе с тем публикации были чаще всего однотипными. Они касались выпуска памятной марки. Чаще всего они не сопровождались какими-либо значимыми комментариями, а лишь констатировали этот факт.

Однако были издания, которые все же глубже взглянули на историю двусторонних отношений. «Наша нива» опубликовала текст Соглашения об установлении дипломатических отношений между государствами. Кроме того, была приведена выдержка из заявления польского сейма, в которой говорилось, что «польский сейм с радостью приветствует провозглашение независимости Беларуси 25 августа 1991 г., ставшее реализацией устремлений белорусского народа» [2].

Примечательно, что одно из наиболее авторитетных белорусских изданий «Беларуская думка», никак не отреагировало на эту памятную дату. Вместе с тем, глубокие аналитические материалы, посвященные 25-летию установления дипломатических отношений с другими государствами, были представлены на ее страницах.

Значительная доля материалов белорусских СМИ посвящена политическому диалогу. Начиная с 2015 г. экспертом в оценке этой составляющей двусторонних отношений стал Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Республике Польша Александр Аве-

рьянов [3]. В большом интервью посла содержались ответы на ключевые вопросы двусторонних отношений. Белорусские СМИ неоднократно обращались к этой публикации, интерпретируя те или иные события. Важно отметить, что слова, которые используются в медиатекстах в отношении Польши, неизменно подчеркивают стремление Беларуси к диалогу, несмотря на «перепады температуры» в политических отношениях. Заголовки материалов БЕЛТА — «Беларусь и Польша могут взаимодействовать на принципах добрососедства во всех сферах», «Беларусь и Польша отмечают положительную динамику политических контактов» — свидетельствуют о положительной в целом оценке отношений между Беларусью и Польшей [4; 5].

Важной составляющей в восприятии страны являются официальные заявления и интервью главы государства. Риторика официальных публикаций может быть оценена как весьма положительная. «Александр Лукашенко констатировал, что выстраивание поистине добрососедских и равноправных отношений с Польшей — одна из приоритетных задач отечественной дипломатии, Польша — наш сосед, соседей не выбирают. Нас сближают не только совместная граница, экономическое сотрудничество, межличностные контакты, но и общая ответственность за стабильность и безопасность в нашем регионе. Необходимо придать нашему взаимодействию устойчивый и последовательный характер. Мы к этому готовы» [6].

Необходимо отметить, что события политической жизни в Польше вне связи с Беларусью редко становятся объектами освещения в белорусской печати. Равно как и высшие должностные лица. Даже предложение польского Президента Президенту США Д. Трампу о размещении военной базы в Польше, получившей звучное название «Форт Трамп», не сделало А. Дуду героем дня в белорусских СМИ. Польская тематика получает определенный импульс также в период назначения новых дипломатических представителей в Республику Беларусь.

Болевые точки, которые присутствуют в белорусско-польских отношениях, освещаются в прессе весьма умеренно. В качестве примера может послужить тема БелАЭС. Заявление польского посла К. Павлика о том, что Польша не планирует покупать электроэнергию у Беларуси, не вызвало сколько-нибудь серьезной дискуссии на страницах печати. К этой теме периодически возвращаются, но не более того.

И все же образ страны — это не только политическая и экономическая сферы. Не менее важна жизнь обычных граждан, их повседневные интересы. Центральная пресса Беларуси уделяет этому направлению мало внимания. Редкие репортажи о событиях культурной жизни Польши, но обязательно в привязке с Беларусью. Как правило, освещаются мероприятия, организаторами которых выступают две стороны. Следует отдать должное местным изданиям, таким как «Брестский курьер» и «Вечерний Гродно», которые отводят Польше значительно больше места в публикациях. Вместе с тем, речь идет в основном о культурных мероприятиях, которые чаще всего проходят в Беларуси с участием польской стороны. Представления о жизни в Польше, повседневная жизнь поляков практически не востребованы как темы для освещения.

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на близкое соседство и регулярные связи на уровне обычного населения, тематический кластер представлен несколькими полноценными публикациями в год,

за исключением юбилейных дат и знаковых событий. Проблематика, транслируемая в белорусских СМИ, также крайне ограничена. Центральное место в них занимает сотрудничество в политической сфере и наиболее значимые события в области двусторонних отношений. Тональность публикаций весьма положительная, даже в сложных ситуациях оценки только умеренно негативные.

Картина польской действительности в белорусских СМИ не сложилась. Собственно и образ Польши в Беларуси размыт, хаотичен и ограничен узким кругом тем, которые востребованы у небольшой части населения. Однако в публикациях о Польше достаточно четко прослеживается жизненное кредо Беларуси — стремление к поддержанию добрососедских отношений, налаживаю диалога, вопреки всем существующим препятствиям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беларусь и Польша 2 марта отмечают 25-летие установления дипломатических отношений // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/belarus-i-polsha-2-marte-otmechayutsya-25-letie-ustanovleniya-diplomaticeskikh-otnosheniy-.html>. — Дата доступа: 25.11.2018.
2. Исполняется 25 лет с момента установления дипломатических отношений между Польшей и Беларусью // Наша нива [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nn.by/?c=ar&i=186238&lang=ru>. — Дата доступа: 20.11.2018.
3. Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в Польше Александра Аверьянова журналу «Свят элит» (март 2015 г.) // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mfa.gov.by/press/smi/aead823c4387a686.html>. — Дата доступа: 15.11.2018.
4. Беларусь и Польша могут взаимодействовать на принципах добрососедства во всех сферах - Конрад Павлик // БЕЛТА. — Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/belarus-i-polsha-mogut-vzaimodejstvovat-na-printsipah-dobrososedstva-vo-vseh-sferah-konrad-pavlik-269635-2017/>. — Дата доступа: 10.11.2018.
5. Беларусь и Польша отмечают положительную динамику политических контактов // БЕЛТА Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://www.belta.by/politics/view/belarus-i-polsha-otmechajut-polozhitelnuju-dinamiku-politicheskikh-kontaktov-285251-2018/>. — Дата доступа: 11.11.2018.
6. Лукашенко принял верительные грамоты послов зарубежных государств // БЕЛТА Электронный ресурс. — Режим доступа: Читать полностью: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-prinjal-veritelnye-gramoty-poslov-zarubezhnyh-gosudarstv-308299-2018/>. — Дата доступа: 14.11.2018.

ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

Острога В. А., *Белорусский государственный университет,*
e-mail: ostroga.v@mail.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье рассматриваются вопросы эволюции и современного развития подготовки специалистов таможенного дела в Беларуси. Автор акцентирует свое внимание на особенностях обучения кадров для таможенной сферы в Белорусском государственном университете. Делается вывод о важности и плодотворности белорусско-польского сотрудничества в сфере совместной подготовки специалистов в области таможенного дела.

Ключевые слова: *Республика Беларусь; Республика Польша; Белорусский государственный университет; кафедра таможенного дела; таможенная служба; международная логистика; научно-образовательный центр; сотрудничество.*

Подготовка современного специалиста имеет интернациональный характер. Закрывшись в национальных образовательных стандартах уже абсолютно невозможно сформировать полноценного специалиста с широким профессиональным кругозором. Процессы глобализации и интернационализации, изучение передового зарубежного опыта оказывают колоссальное влияние на работу выпускающих кафедр университетов. Особенно от этого фактора международного сотрудничества зависит обучение специалистов-международников, в нашем случае — будущих профессионалов таможенного дела.

Подготовка специалистов таможенного дела в высших учебных заведениях Республики Беларусь началась в 1997 г., когда при кафедре международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета по инициативе ГТК Республики Беларусь была открыта специализация «Таможенное дело». Процесс пошел успешно и уже в 2000 г. была создана самостоятельная кафедра «Таможенного дела». В ходе своего дальнейшего развития она сформировалась как ведущий в стране в своей области многопрофильный образовательно-научный центр.

Позднее, помимо БГУ, кадры для таможенной сферы стали готовить в Белорусском национальном техническом университете, Белорусском государственном университете транспорта и Гродненском государственном университете имени Янки Купалы, существует специализация и в Белорусском государственном экономическом университете.

Но мы остановимся на кафедре таможенного дела БГУ. В настоящее время она осуществляет подготовку специалистов в данной области по трем специализациям: «Правовое обеспечение таможенного дела» для таможенной службы Беларуси, «Экономическое обеспечение таможенного дела» для осуществления бизнес-деятельности в таможенной сфере и «Таможенная логистика» для работы в области международной логистики. При этом наряду с освоением специальных учебных дисциплин, очень большое внимание уделено изучению каждым студентом двух иностранных языков, обязательно английского, а также другого европейского или восточного.

В настоящее время кафедра по мере возможности стремится осуществлять активное международное сотрудничество, исходя из понимания ее важности для качественной подготовки специалиста таможенного дела. С 2008 г. кафедра таможенного дела ФМО БГУ является членом Международной сети таможенных университетов (*INCUI*). У нас также имеются контакты с Российской таможенной академией, Университетом таможенного дела и финансов (Украина), Университетом Миколаса Ромериса (Литва). Студенты-таможенники в рамках международных проектов выезжают в зарубежные университеты России, Польши, Германии, Франции, Испании и других стран для участия в научных форумах и образовательных программах.

Однако, эти связи нельзя назвать в полной мере достаточными. Так у кафедры есть большой интерес и, на наш взгляд, немалые потенциальные возможности для значительного расширения реального сотрудничества с университетами Польши, где происходит обучение в области таможенного дела, международной торговли, международного права, экономической безопасности, международных отношений. К примеру, немалое число студентов-таможенников изучает польский язык и хоте-

ло бы коммуницировать со своими польскими сверстниками в рамках летних школ, научных конкурсов и т. д. Однако, в настоящее время мы, к сожалению, не имеем непосредственных образовательных и научных контактов с польскими университетами по таможенному профилю.

Перспективное сотрудничество научно-образовательных центров Беларуси и Польши, стран-членов двух союзов — ЕАЭС и ЕС, может дать нам большие возможности в анализе экономических процессов на территории этих интеграционных объединений, в частности таможенного регулирования. Сегодня наши преподаватели готовы к подобным научным исследованиям. Их результаты могут реализоваться и в новых учебных курсах.

Известно, что на сегодняшний день около 25 польских вузов предлагают подготовку в сфере таможенного дела. Студенты в них обучаются по самым различным направлениям: «Финансы», «Национальная безопасность», «Экономика», «Логистика», «Менеджмент», «Товароведение» и др. К сожалению, абсолютно идентичной белорусской специальности «Таможенное дело» в Польше нет. Но, как видно, есть много специальностей так или иначе связанных с таможенным делом.

Несомненно, точек взаимного интереса достаточно много. На наш взгляд, среди наиболее интересных и перспективных направлений белорусско-польского сотрудничества в сфере подготовки специалистов таможенного дела следующие.

1. Изучение опыта образовательной деятельности и моделирование учебных планов по специальностям, связанным с таможенным делом.

2. Разработка совместных спецкурсов на взаимноинтересные темы, например, «Таможенное регулирование в ЕАЭС», «Таможенное регулирование в ЕС», «Состояние и перспективы Евразийской интеграции» и др.

3. Совместные научные конкурсы студенческих на таможенную тематику.

4. Расширение программ обмена студентов.

5. Стажировки и обмен опытом повышения квалификации преподавателей

6. Организация летних студенческих специализированных школ.

7. Совместные магистерские программы, связанные таможенным регулированием ВЭД, международной логистикой, экономической интеграцией и др.

8. Написание совместных учебных пособий, проведение научных исследований

9. Организация совместных профильных конференций, круглых столов, семинаров.

Таким образом, кафедра таможенного дела ФМО БГУ, как на уровне преподавателей, так и студентов, готова к новому уровню образовательного и научного сотрудничества с польскими коллегами в сфере таможенного дела, международной торговли, международного таможенного права, экономической безопасности, международных отношений.

АБ ДЗЕЙНАСЦІ БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКОЙ ГРУПЫ ГІСТОРЫКАЎ ПА СКЛАДАНЫХ ПЫТАННЯХ БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКИХ АДНОСІН (2010—2015 гг.)

Снапкоўскі У. Е., *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,*
e-mail: ulsnar44@inbox.ru
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца пытанні, звязаныя з пачаткам дзейнасці беларуска-польскай групы гісторыкаў. Артыкул напісаны на падставе дасье (запісак, лістоў і прапаноў) з аўтарскага архіва, што былі накіраваны дэкану факультэта міжнародных адносін БДУ В. Г. Шадурскаму і Пасольству Польшчы ў Беларусі. На думку аўтара, кантакты гісторыкаў дзвюх краін паказваюць, што яны сталі важнай часткай гісторыка-культурнага дыялогу паміж Беларуссю і Польшчай, які аказвае прыкметны ўплыў на ажыўленне і нармалізацыю ўсяго комплексу двухбаковых міждзяржаўных адносін.

Ключавыя словы: *беларуска-польская група гісторыкаў; беларуска-польская гістарычная камісія; гісторыка-культурны дыялог; складаныя пытанні ў гісторыі беларуска-польскіх адносін.*

У 2011—2015 гг. аўтар прымаў удзел у пачатках дзейнасці беларуска-польскай групы гісторыкаў. Гэта праяўлялася ва ўдзеле ў канферэнцыях і сустрэчах на тэрыторыі Беларусі і Польшчы, выступленнях з дакладамі, паведамленнямі і рэплікамі ў дыскусіях, падрыхтоўцы запісак і лістоў аб стане і перспектывах дзейнасці групы на адрас дэкана факультэта міжнародных адносін БДУ доктара гістарычных навук прафесара Віктара Генадзьевіча Шадурскага, Пасольства Польшчы ў Мінску, перапісцы з беларускімі і польскімі гісторыкамі-ўдзельнікамі групы. У выніку атрымалася архіўнае электроннае дасье па гэтым пытанні, на падставе якога хацелася б падзяліцца сваімі матэрыяламі і ўражаннямі аб першых гадах дзейнасці групы. Наш артыкул можна разглядаць як працяг тэмы, пачатай В. Г. Шадурскім у матэрыяле аб дзейнасці беларуска-польскай гістарычнай камісіі [1].

Ініцыятыва пачатку дыялогу паміж гісторыкамі дзвюх краін належала Пасольству Польшчы ў Мінску і гэты пачатак можна весці з 2010 г. Тады, наколькі гэта нам вядома, польскае пасольства і асабіста пасол Л. Шарепка выступілі з ініцыятывай правядзення сумесных даследаванняў па гісторыі беларуска-польскіх адносін ХХ ст. Прапанова была звернута да беларускіх гісторыкаў-паланістаў, што працавалі ў вядучых універсітэтах і навуковых установах краіны.

У адказ на яе ў жніўні 2011 г. шэраг беларускіх гісторыкаў прапанавалі польскаму боку тэматыку сумесных першачарговых даследаванняў, прысвечаных перш за ўсё гісторыі беларуска-польскіх адносін ХХ ст. Дэкан факультэта міжнародных адносін БДУ В. Г. Шадурскі прапанаваў наступныя тэмы: Беларусь—Польшча: гісторыя без міфаў і спрощанняў («белых плямаў»); Фактар этнічных меншасцяў у беларуска-польскіх дачыненнях; Беларусі і палякі: механізмы фарміравання і праяўлення этнакультурнай ідэнтычнасці; Досвед мінулага ў свядомасці эліт і масавай грамадскасці Беларусі і Польшчы; Дыялог беларускіх і польскіх гісторыкаў: дасягненні, праблемы, перспектывы. (Беларуская паланістыка і польская беларусістыка: дасягненні, праблемы, перспектывы); Палітыка беларуска-польскага дабрасуседства: падставы і праблемы фарміравання.

Загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. Ф. Скарыны доктар гістарычных навук Р. Р. Лазько лічыў мэтазгодным засяродзіцца на такіх пытаннях, як: Беларусь і суседзі ва ўзаемным успрыяцці ў перыяд фарміравання нацый і нацыянальных дзяржаў; «Вялікая вайна» 1914—1918 гг.: трагедыя і надзея для народаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы; Міжнародна-палітычныя сістэмы ў Еўропе ў XX ст. і места ў іх краін Цэнтральнай і Усходняй Еўропы (Версаль — Тэгеран — Ялта — Патсдам): фарміраванне, эвалюцыя, крах; Па абодва бакі фронту — стаўленне цывільнага насельніцтва Беларусі да польска-савецкай (польска-бальшавіцкай) вайны 1919—1920 гг.

Загадчык аддзела ваеннай гісторыі і міждзяржаўных адносін Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі доктар гістарычных навук А. М. Літвін ініцыяваў для распрацоўкі наступныя тэмы: Польска-беларускія адносіны ў кантэксце часу. Міфы, стэрэатыпы. Навуковыя падыходы. Стан гістарыяграфіі і крыніцазнаўства; Ваенная гісторыя Польшчы і Беларусі: вайсковая справа, вайсковае будаўніцтва, вайсковае майстэрства, постаці ваеннай гісторыі; Польска-савецкая вайна і Беларусь; Польска-беларускія адносіны ў час Другой сусветнай вайны.

Дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка, вядучы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, кандыдат гістарычных навук А.Ф. Вялікі лічыў прыярытэтнымі для даследавання наступныя пытанні: XX ст. — стагоддзе выгнанцаў: Рэпатрыяцыя. Эвакуацыя. Аптацыя. Трансфер. Перамяшчэнні насельніцтва паміж Беларуссю і Польшчай у XX ст.; Улада і каталіцкі касцёл у Беларусі ў 1944—1991 гг.; Крыніцы па гісторыі беларуска-польскіх ўзаемадачынненняў у архівах Беларусі і Польшчы; Заходняя Беларусь — «Крэсы Выходне» ў беларускай і польскай гістарыяграфіі, успамінах, мемуарах [2].

Наколькі можна меркаваць, гэтыя прапановы былі ўважліва разгледжаны польскім бокам, аднак ні адна з іх не стала прадметам сумеснага даследавання. Як высветлілася пазней, польскія гісторыкі мелі ўласны праект, які быў прапанаваны беларусам у канцы 2012 г.

У сакавіку 2012 г. група беларускіх гісторыкаў у складзе 8 чалавек наведала па запрашэнні польскага боку з тыднёвым візітам Варшаву і Торунь, дзе азнаёмілася з арганізацыяй навуковых даследаванняў у архівах, бібліятэках і ўніверсітэтах Польшчы. У склад групы ўваходзілі: Аляксандр Мікалаевіч Вабішчэвіч, доктар гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. А. С. Пушкіна; Анатоль Фёдаравіч Вялікі; Рыгор Рыгоравіч Лазько; Аляксей Міхайлавіч Літвін; Генадзь Мікалаевіч Сагановіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт Еўрапейскага гуманітарнага ўніверсітэта; Аляксандр Фёдаравіч Смалянчук, доктар гістарычных навук, прафесар, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута славістыкі Польскай Акадэміі навук; Уладзімір Еўдакімавіч Снапкоўскі, доктар гістарычных навук, прафесар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта; Захар Васільевіч Шыбека, доктар гістарычных навук, прафесар Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. Гэта група, як паказалі наступныя падзеі, стала ядром супольнасці беларускіх вучоных, што супрацоўнічалі з польскімі калегамі.

Група мела сустрэчы з кіраўніком Галоўнай дырэкцыі дзяржаўных архіваў Польшчы праф. Уладзіславам Стэнніякам, кіраўнікамі і супрацоўнікамі Дзяржаўнага архіва горада Варшавы і Архіва Польскай Акадэміі навук, пазнаёмілася з дзейнасцю польскіх грамадскіх арганізацый у галіне гістарычнай памяці: Цэнтра «Карта» («Усходні архіў», «Спіс рэпрэсаваных», «Архіў Салідарнасці») і Яўрэйскага гістарычнага інстытута імя Эмануіла Рынгельбома.

У Торуньскім універсітэце імя Мікалая Капэрніка адбылася навуковая сесія «Польска-беларускія адносіны ў кантэксте часу. Міфы, стэрэатыпы. Навуковыя падыходы. Гістарыяграфія і крыніцы», на якой з дакладамі выступілі вучоны сакратар Галоўнай дырэкцыі дзяржаўных архіваў Польшчы Эва Расоўска і дацэнт БДПУ Анатоль Вялікі. На рабочай сустрэчы польскіх і беларускіх гісторыкаў был выработан ряд тэматычных напраўленый ісследованый польско-белорусскан отношениый в XX в., план сумеснай працы на бліжэйшы час, выбраны сакратары рабочай групы (з беларускага і польскага бакоў: адпаведна А.Вялікі і Э. Расоўска), разгледжаны фінансавыя пытанні, звязаныя з дзейнасцю групы.

У лютым 2012 г. напярэдадні візіту ў Польшчу мной быў распрацаваны пералік тэм і праблем для сумеснага даследчага праекта беларускіх і польскіх гісторыкаў па гісторыі беларуска-польскіх адносін (пачатак XX ст. — 1945 г.), які быў прадстаўлены для разгляду сябрам беларускай групы гісторыкаў. Дакумент уключаў 20 тэмаў, кожная з якіх распрацоўвалася б сумесна беларускім і польскім аўтарам. Гэта рабілася па прыкладу вядомай расійска-польскай публікацыі «Белыя плямы-чорныя плямы». У прыватнасці першая тэма гучала наступным чынам: «А. Беларуска-нацыянальны рух у польскай грамадска-палітычнай думцы пачатку XX ст. (польскі аўтар). Б. Польскі нацыянальны рух у беларускай грамадска-палітычнай думцы пачатку XX ст. (беларускі аўтар)». Другая тэма «А. Абвяшчэнне беларускай дзяржаўнасці (БНР і БССР) і польскі нацыянальны рух (польскі аўтар). Б. Стварэнне польскай дзяржаўнасці і беларускі нацыянальны рух (беларускі аўтар)».

Далейшыя тэмы ахоплівалі такія пытанні, як Беларусь і савецка-польская вайна; Праблема Беларусі на мірных перагаворах у Мінску і Рызе; Рыжскі мірны дагавор і яго рэалізацыя; Праблема вызначэння польскай усходняй мяжы, у тым ліку яе польска-беларускага ўчастка ў 1918—1921 гг.; Дзейнасць Паўнамоцнага прадстаўніцтва (Пасольства) РСФСР—СССР у Польшчы (у тым ліку ўдзел у яго працы беларускіх прадстаўнікоў) і дзейнасць Генеральнага консульства Польшчы ў Мінску (1924—1938 гг.); Праблема Заходняй Беларусі (часткі ўсходніх крэсаў Польшчы) і яе месца ў савецка-польскіх і міжнародных адносінах; Беларуска-польскія эканамічныя, культурныя і навуковыя сувязі ў 1918—1939 гг.; Становішча беларусаў у Польшчы і становішча палякаў у Беларусі; Савецкая ваенная кампанія супраць Польшчы ў верасні 1939 г.: ваенна-палітычныя і дыпламатычныя аспекты; Далучэнне Заходняй Беларусі (беларускіх ваяводстваў Польшчы) да БССР: палітыка-дыпламатычныя і міжнародна-прававыя аспекты; Беларуска-польскія адносіны ў верасні 1939—чэрвені 1941 гг., у тым ліку рэпрэсіі і дэпартацыі палякаў з тэрыторыі БССР, савецызацыя Заходняй Беларусі; Беларускі след у катынскай трагедыі; Беларускае пытанне ў палітыцы польскага эмігранцкага ўрада; Дзейнасць Арміі Краёвай на тэрыторыі

Заходняй Беларусі; Праблема вызначэння ўсходняй мяжы Польшчы ў дыпламатыі вялікіх дзяржаў (1941—1945 гг.); Беларуска-польскія пагадненні аб абмене насельніцтвам 1944—1945 гг. і іх рэалізацыя [3].

Сябры групы выказалі сваё прынцыповае адабрэнне прадстаўленаму спісу тэмаў і задавальненне тым, што беларускі бок будзе мець на сустрэчы с польскімі гісторыкамі свае распрацаваныя прапановы. Аднак на сустрэчах у Варшаве і Торуні гэтыя прапановы спецыяльна не разглядаліся і не вылучаліся, паколькі польскі бок ужо меў свой канкрэтны план даследчай працы, які і быў прыняты беларускім бокам.

У кастрычніку 2012 г. у Мінску адбылася міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларусь: Палітыка — Гісторыя — Культура. Гістарычная палітыка як кампанент польска-беларускіх адносін у XX ст. Факты. Падзеі. Памяць. 1921—1939 гг. у гістарычнай палітыцы», арганізаваная Пасольствам Польшчы ў Рэспубліцы Беларусь, Польскім Інстытутам у Мінску і Торунскім універсітэтам імя Мікалая Каперніка. У канферэнцыі прынялі ўдзел і выступілі з дакладамі члены беларуска-польскай групы гісторыкаў. У яе падрыхтоўцы ўдзельнічаў Факультэт міжнародных адносін БДУ, які разаслаў запрашэнні польскім вучоным і забяспечыў іх месцамі ў гасцініцы БДУ. Аднак па шэрагу прычын, якія засталіся невысветленымі, кіраўніцтва БДУ было вымушана адмовіцца ад правядзення канферэнцыі на сваёй тэрыторыі. Гэта канечне наклала пэўны адбітак на ўдзельнікаў мерапрыемства.

Нягледзячы на неспрыяльны фон вакол канферэнцыі яе навуковая частка прайшла паспяхова. Беларускія і польскія вучоныя абмеркавалі праблему беларускага катынскага спісу (з удзелам вядомай расійскай даследчыцы Н. С. Лебедзевай і вядомага беларускага даследчыка гэтага пытання І. М. Кузняцова) і пытанні гістарычнай палітыкі ў Беларусі і Польшчы адносна перыяду 1921—1939 гг. Было таксама разгледжана пытанне аб распрацоўцы сумеснага даследчага праекта «Паўночна-заходнія ўскраіны Польшчы перыяду 1921—1939 гг. у польскіх і беларускіх архівах», які пазней атрымаў фінансаванне з боку польскага МЗС (Дэпартамент публічнай і культурнай дыпламатыі) на 2013 г. [4].

У 2013 г. гэты навуковы праект быў рэалізаваны пад назвай «Польшча — Беларусь. Агульная гістарычная спадчына. Даведнік па архіўных матэрыялах 1918—1939 гг.» У канцы года ў Варшаве выйшаў у свет першы том даведніка, які змяшчаў апісанне фондаў дзяржаўных архіваў Брэсцкай і Гродзенскай абласцей. У падрыхтоўцы зборніка да друку прынялі ўдзел вучоны сакратар Галоўнай дырэкцыі дзяржаўных архіваў Польшчы Э. Расоўска і беларускія гісторыкі А. Вабішчэвіч, А. Вялікі і А. Смалянчук [5]. У 2014 г. быў падрыхтаваны другі том даведніка, які ўключаў вопіс архіўных фондаў Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Маладзечна, Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Я. Коласа, дзяржаўнага архіва Мінскай вобл. [6]. Электронная версія даведнікаў, а таксама база даных па архівах Брэста, Гродна, Маладзечна, Мінска (на польскай і беларускай мовах) даступны ў Інтэрнэце [7].

Беларуская група гісторыкаў-паланістаў дзейнічала як неформальнае аб'яднанне вучоных і яе агульным жаданнем было атрымаць нейкі фармальны, легальны статус. Яе сябры выказвалі жаданне, каб гру-

па дзейнічала крышай ФМА БДУ, дзе была развіта паланістыка і на-
запашаны вопыт супрацоўніцтва з польскімі інстытутамі і ўстановамі,
асабліва з Інстытутам міжнародных даследаванняў Вроцлаўскага
ўніверсітэта. Прапаноўвалася, каб на сайце факультэта размяшчала-
ся інфармацыя аб дзейнасці групы, ее мэтах, задачах, планах і мера-
прыемствах. Група магла быць аформлена і зарэгістравана як Цэнтр
навуковых даследаванняў Польшчы і беларуска-польскіх адносін у
складзе ФМА БДУ. Як вядома, шэраг падобных цэнтраў на факультэ-
це ў той час ужо дзейнічаў. Стварэнне і тэхнічную падтрымку інтэрнет-
партала Цэнтра было гатова ўзяць на сябе польскае пасольства ў Мінску.
А за прыклад удзельнікі Цэнтра маглі ўзяць працу расійска-польскай
групы па складных пытаннях, створаную пры МДІМА (Універсітэце)
МЗС Расійскай Федэрацыі.

Як сябра групы і прадстаўнік ФМА аўтар у сваіх лістах да кіраўніка
ФМА і Польскага пасольства ставіў пытанне аб тым, каб група выступа-
ла ў дыялогу з польскімі калегамі як выразіцельніца інтарэсаў белару-
скай навуковай супольнасці, для якой найважнейшай задачай з'яўлецца
ўстанаўленне гістарычнай праўды пры даследаванні складаных і не-
адназначных праблем адносін паміж беларускім і польскім народамі
на працягу XX ст. Гаворка ішла перш за ўсё аб аказанні дзяржаўнай
падтрымкі дзейнасці групы, што адпавядала б інтарэсам беларускай
акадэмічнай супольнасці. Як адзначалася ў лісце да дэкана В. Ша-
дурскага і саветніка Пасольства Польшчы ў Беларусі Э. Шчэпаньскай-
Дамброўскай ад 30 студзеня 2014 г.: «Это также соответствовало бы и
внешнеполитическим интересам Республики Беларусь, принявшей и
поддержавшей предложение о научном сотрудничестве со стороны го-
сударства — члена Европейского союза, необходимость нормализации
отношений с которым постоянно подчеркивается белорусским руко-
водством» [8].

У кастрычніку 2014 г. дэкану ФМА В. Г. Шадурскаму была
прадстаўлена «Запіска аб складзе і асноўных кірунках дзейнасці бе-
ларускай групы гісторыкаў-паланістаў», дзе змяшчаліся адпаведныя
прапановы. У прыватнасці група складалася б з 12 навукоўцаў з ліку
ўніверсітэцкіх выкладчыкаў і акадэмічных супрацоўнікаў, а ў яе пра-
цы маглі б удзельнічаць прадстаўнікі МЗС Рэспублікі Беларусь і іншых
дзяржаўных устаноў краіны, калі палічаць гэта неабходным. Па сваім
статусе група ператваралася б у Цэнтр даследаванняў гісторыі Польш-
шчы і беларуска-польскіх адносін у складзе факультэта міжнародных
адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Асноўныя кірункі дзейнасці групы ахоплівалі б: 1) Навуковае дас-
ледаванне гісторыі Польшчы і беларуска-польскіх адносін, з акцэн-
там на XX-пачатак XXI ст., уключаючы актуальную знешнепалітычную
праблематыку; 2) сумеснае даследаванне гісторыі беларуска-польскіх
адносін з польскай групай вучоных, падрыхтоўка і выданне сумесных
публікацый (манаграфій, зборнікаў дакументаў, навукова-папулярнай
літаратуры), арганізацыя сумесных канферэнцый і іншых навуковых і
грамадска-культурных мерапрыемстваў; 3) Экспертную дапамогу і кан-
сультаванне дзяржаўных структур Рэспублікі Беларусь (Адміністрацыі
Прэзідэнта, Нацыянальнага сходу, Міністэрства замежных спраў і
іншых міністэрстваў і ведамстваў) і грамадскіх арганізацый па пытан-
нях гісторыі Польшчы і беларуска-польскіх адносін [9].

Пасля сустрэч, тэлефонных размоў і абмену пасланнямі з сябрамі нашай групы (А. Вялікім і Р. Лазько) быў выпрацаваны пералік тэм, якія маглі б склаці аснову для будучых сумесных праектаў з польскімі гісторыкамі. Гэта быў фактычна наш адказ на польскія прапановы аб даследаванні праблем Катыні, сталінскіх рэпрэсій і дзейнасці Арміі Краёвай у Беларусі. У лютым 2015 г. аўтар прапанаваў дэкану ФМА і польскаму пасольству ў Мінску гэты пералік з 10 тэмаў. Яны датычыліся гісторыі беларуска-польскія адносін XX ст. і былі сфармуляваны наступным чынам: Адраджэнне беларускай і польскай дзяржаўнасці ў кантэксце нацыя-будаўніцтва ва Усходняй Еўропе (1917—1919 гг.); Беларусь, савецка-польская вайна і Рыжскі мір; Праблемы бежанства, рэпатрыяцыі ваеннапалонных і абмена палітвязнямі ў беларуска-польскіх адносінах (1920 — пачатак 30-х гг.); Беларуска-польскія палітычныя, эканамічныя і культурныя адносіны ў міжваенны перыяд (1921—1939 гг.); Беларусы ў Польшчы, полякі ў БССР у міжваенны перыяд: параўнальна-гістарычны аналіз; Беларусь у кантэксце вызначэння савецка-польскай мяжы (1941—1945 гг.); Удзел палякаў у антыфашысцкай барацьбе на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны; Рэпатрыяцыя беларускага і польскага насельніцтва ў 1944—1950-я гг.; Беларусы ў ПНР, палякі ў БССР у 1944—1991 гг.: параўнальна-гістарычны аналіз; Беларуска-польскія палітычныя, эканамічныя і культурныя адносіны ў перыяд ад «рэальнага сацыялізму» (1944—1989 гг.) [10].

У запісцы таксама было адзначалася, што зараз беларускі бок, кіруючыся адпаведнымі ўстаноўкамі і падыходамі афіцыйнай гістарычнай палітыкі, лічыць немэтазгодным распрацоўку сумесна з польскімі гісторыкамі тэматыкі, звязанай з: 1) катынскім злачынствам сталінскага рэжыму (так зв. беларускі катынскі спіс); 2) уз'яднаннем Заходняй Беларусі з БССР (верасень — лістапад 1939 г.), якое разглядаецца ў Польшчы ў рэчышчы вайны інтэрвенцыі СССР супраць польскай дзяржавы і народа; 3) дзейнасцю Арміі Краёвай на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў гады Другой сусветнай вайны.

Аргументуючы гэтую пазіцыю, аўтар канстатаваў, што беларускія гісторыкі маюць па гэтай праблематыцы значны задзел — кнігі, публікацыі дакументаў, навуковыя артыкулы. Таксама падкрэслівалася, што навуковыя пазіцыі часткі з іх (у тым ліку з групы гісторыкаў, якія супрацоўнічаюць з польскімі калегамі) блізкія да тых, што займаюць палякі. Аднак устаноўкі афіцыйнай гістарычнай палітыкі Рэспублікі Беларусь, гістарыяграфічныя падыходы і ацэнкі, сфармуляваныя ў школьных і ўніверсітэцкіх падручніках па гісторыі, грамадская думка, у тым ліку ветэранскіх арганізацый пакуль што не дазваляюць праводзіць па гэтых праблемах адкрытыя навуковыя і грамадскія дыскусіі паміж беларускімі і польскімі гісторыкамі і прадстаўнікамі грамадскасці дзвюх краін, навуковыя даследаванні з наступнай публікацыйнай матэрыялаў. Гэтая праблемацька магла б стаць прадметам уважлівага навуковага вывучэння беларуска-польскай групы гісторыкаў пазней [10]. Такая ж аргументацыя была выкладзена і ў нашым лісце да прафесара Торунскага ўніверсітэта Збігнева Карпуся ў лютым 2015 г. [11].

На гэтым мая ініцыятыва, звязаная з інфармаваннем ацэнкамі і прапановамі наконт дзейнасці групы беларускіх гісторыкаў і яе супрацоўніцтва з польскімі калегамі, была скончана, а архіўнае да-

сье па гэтай праблеме вычарпана. Яе вынікі ацаніць даволі складана, аднак зробленую працу напэўна нельга лічыць дарэмнай. Большасць прапаноў не была прынятая і магчыма шэраг з іх (пасля адпаведнай карэкціроўкі) яшчэ чакае свайго часу і рэалізацыі. Некаторыя з іх былі адхілены, адыграўшы на нашу думку ролю выпрабавальнага інструмента.

Як адзначае кіраўнік беларускай часткі двухбаковай камісіі праф. В. Г. Шадурскі, у 2014 г. пайніцыятае Варшавы была створана беларуска-польская гістарычная камісія, якая імкнецца знайсці ўзаемапрымальны фармат сумеснай дзейнасці і вызначыць тэмы двухбаковай дыскусіі. Па яго словах, першыя кантакты прадстаўнікоў дзвюх краін паказалі, што гістарычны дыялог будзе ўяўляць сабой працяглы працэс з узлётамі і падзеннямі [1, с. 78–79]. Такім чынам, галоўны вынік працы беларускіх і польскіх гісторыкаў заключаецца ў тым, што ўрадавыя ўстановы ў Варшаве і Мінску ў асобе міністэрстваў замежных спраў вырашылі стварыць гістарычную камісію для даследавання складаных (і не толькі) пытанняў гісторыі двухбаковых адносін Беларусі і Польшчы ў ХХ ст. Пачатак яе працы, як і ранейшыя нефармалізаваныя кантакты гісторыкаў дзвюх краін, апісаныя вышэй, паказваюць, што гэта дзейнасць стала важнай часткай гісторыка-культурнага дыялогу паміж Беларуссю і Польшчай, які ў сваю чаргу аказвае прыкметны ўплыў на ажыццэнне і нармалізацыю ўсяго комплексу двухбаковых міждзяржаўных адносін.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Шадурский В. Г. От культуры памяти к культуре исторического диалога (на примере деятельности белорусско-польской исторической комиссии) // Беларусь между Востоком и Западом: современные тенденции: материалы междунар. круглых столов, Минск, 26 окт. 2017 г. / БГУ, ФМО; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2017. — С. 75–85.
2. Предложения белорусских историков-полонистов по тематике совместных исследований с польскими учеными (август 2011 г.) (1 маш. стар.). Перадазена аўтару дэканам факультэта міжнародных адносін БДУ В. Г. Шадурскім // Архіў аўтара.
3. Снапкоўскі, У. Пэралік тэм і праблем для сумеснага даследчага праекта беларускіх і польскіх гісторыкаў па гісторыі беларуска-польскіх адносін (пачатак ХХ ст. — 1945 г.). Для сябраў беларускай групы гісторыкаў-паланістаў. 24.02.2012 г. (3 маш. стар.) // Архіў аўтара.
4. Снапковский, В.Е. О государственной поддержке деятельности группы белорусских историков-полонистов. Запіска ў адрас Інстанцыі 26.10.2012 г. (2 маш. стар.) // Архіў аўтара.
5. Polska — Białoruś. Wspólne dziedzictwo historyczne. Przewodnik po materiałach archiwalnych 1918–1939 = Польшча — Беларусь. Супольная гістарычная спадчына. Даведнік па архіўных матэрыялах 1918–1939 гг. Tom 1. Archiwum Państwowe Obwodu Brzeskiego, Archiwum Państwowe Obwodu Grodzieńskiego. — Warszawa: AMALKER, 2013. — 360 s.
6. Polska — Białoruś — wspólne dziedzictwo historyczne: przewodnik po materiałach archiwalnych 1918–1939 = Польшча — Беларусь. Супольная гістарычная спадчына. Даведнік па архіўных матэрыялах 1918–1939 гг. T. 2. Rejonowe Archiwum Państwowe w Mołodecznie, Archiwum Narodowe Republiki Białorusi, Białoruskie Państwowe Archiwum-Muzeum Literatury i Sztuki, Centralna Biblioteka Naukowa im. Jakuba Kołosa = Занальны дзяржаўны архіў у г. Маладзечна, Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва, Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Я. Коласа. — Warszawa: Stowarzyszenie Archiwistów Polskich, 2014. — 304 s.
7. <http://archiwa.gov.pl/wspolne-dziedzictwo/>
8. Снапковский, В. Е. О деятельности группы белорусских историков-полонистов. Запіска накіравана дэкану ФМА БДУ В.Г.Шадурскаму і саветніку Пасольства Польшчы ў Беларусі Э.Шчэпаньскай-Дамброўскай 30.01.2014 г. (3 маш. стар.) // Архіў аўтара.
9. Снапкоўкі, У. Е. Запіска аб складзе і асноўных кірунках дзейнасці беларускай групы гісторыкаў-паланістаў. Дэкану ФМА БДУ В.Г.Шадурскаму 18.10.2014 г. (3 маш. стар.) // Архіў аўтара.

10. Snapковский, В. Е. Перечень тем, предлагаемых Польской стороне для совместных исследовательских проектов белорусских и польских историков. Записка декану ФМА БДУ В. Г. Шадуурскому 03.02.2015 г. (2 маш. стар.) // Архіў аўтара.

11. Snapkowski Wl. Oceny i propozycje dotyczące współpracy białoruskich i polskich historyków. List prof. dr. hab. Zbiegniewu Karpusiu od 03.02.2015 (2 masz. str.) // Архіў аўтара.

ОСВЕЩЕНИЕ НАРРАТИВА ПОЛЬШИ XX В. В РАБОТАХ ИСТОРИКОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Тихомиров А. В., *Белорусский государственный университет,*
e-mail: tihomirow@list.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрываются особенности освещения нарратива Польши XX в. в работах историков Республики Беларусь. Отмечается, что нарратив Польши и польской политики XX в. в историографии Республики Беларусь не сопровождался позитивной коннотацией, многие утвердившиеся в советское время оценки исторических событий, сохранились, несмотря на стремление части белорусских историков, сориентированных на европейский вектор развития Беларуси, изменить ранее сложившуюся парадигму (в частности, это касается оценок положения Западной Беларуси в составе Польши в 1921–1939 гг., событий осени 1939 г. и действий польского сопротивления в Беларуси в конце 1930-х — начале 1950-х гг.). Понимания в белорусском обществе не находят требования польской стороны реабилитировать поляков, ставших жертвами сталинских репрессий в Беларуси в 1930-х — 1950-х гг. Отрицание современными польскими учеными нарратива Польской Народной Республики еще больше отдаляет в концептуальном плане Польшу от Беларуси, исторический нарратив которой в значительной мере выстроен на советском наследии.

Ключевые слова: *Республика Беларусь; Польша; историография; историческая политика; исторический нарратив.*

Исторический нарратив Польши XX в. в белорусской историографии зачастую сопровождался неоднозначными интерпретациями. Основу соответствующих интерпретаций заложила историография времен Белорусской ССР. В Советской Беларуси Польша первой половины XX в. («белая», «буржуазно-помещичья» и т.п.) представляла как агрессор, стремившийся захватить белорусские земли и поработить белорусское население (в первую очередь, крестьянство) практически с момента восстановления независимого польского государства осенью 1918 г. Образ Западной Беларуси (этнически белорусских земель, пребывавших в составе Польши с марта 1921 г. по сентябрь 1939 г.) как «отсталой колонии польского государства» прочно закрепился в белорусской советской историографии. Соответственно, приход Красной армии в сентябре 1939 г. рассматривался как акт исторического возмездия, поспособствовавший воссоединению разделенного белорусского народа. «Сложные» темы (поддержка СССР и БССР антипольского движения в Западной Беларуси в 1920-х гг., создание и ликвидация польских автономных районов в БССР в 1920-х гг., репрессии в отношении польского населения на белорусских землях в 1930-х — 1950-х гг., определение границ между БССР/СССР и Польшей в 1940-х — 1950-х гг., массовые перемещения поляков и белорусов в 1940-х — 1950-х гг., положение белорусов в Польской Народной Республике (ПНР) во второй половине 1940-х — начале 1980-х гг.) в белорусской советской историографии не рассматривались. Специфику имело отражение взаимодействия между БССР и ПНР во второй половине 1940-х — начале 1980-х гг., которое представлялось абсолютно бесконфликтным и высокорезультативным.

Обретение Беларусью независимости в 1991 г. привело к определенному размыванию советского нарратива. В историографии Республики Беларусь возникли новые трактовки событий прошлого, обусловленные прежде всего отношением историков к идее белорусской государственности и их геополитическими симпатиями. Условно в среде историков выделились три группы: «государственники» (поддерживавшие белорусскую модель развития в том виде, в каком она сложилась при А. Лукашенко), «евробелорусы» (ориентировавшиеся на «европейскую» модель развития) и «белороссы» (симпатизировавшие идее сильной России, противостоящей Западу). Особенностью формирования белорусской интерпретации польской проблематики было (и остается) то, что подходы белорусских «государственников» оказались ближе к подходам «белороссов», нежели к подходам «евробелорусов», что отразилось на восприятии Польши в белорусской постсоветской историографии.

Проблематика, связанная с освещением событий 1918—1921 гг., в белорусской постсоветской историографии существенных изменений в сравнении с советским временем не претерпела. В работах И. М. Игнатенко, В. А. Круталевича, И. И. Ковкеля, Э. С. Ярмусика, В. Ф. Ладысева, П. И. Бригадина, Р. Платонова, А. В. Тихомирова [1—7] Польша, восстановившая свою независимость в конце 1918 г., рассматривалась как государство с большими геополитическими амбициями, которые не в полной мере коррелировали с интересами белорусов. Даже ученые, стоящие на «роевропейских» позициях (к примеру, В. Е. Снапковский [8]) вынуждены признать очевидное несоответствие белорусских и польских интересов в рассматриваемый период.

Дискуссии в белорусском историческом сообществе вызывает «федералистская идея» Ю. Пилсудского в отношении «жителей бывшего Великого княжества Литовского», фигурировавшая в польском политическом дискурсе в 1919—1920 гг. Так, И. М. Игнатенко, В. А. Круталевич, И. И. Ковкель, Р. П. Платонов, В. Ф. Ладысев и П. И. Бригадин считали федерализм Пилсудского фикцией [1, с. 195—196; 2, с. 191; 3, с. 154; 4, с. 116; 6, с. 81], а В. Е. Снапковский и О. Н. Боровская — реальной идейной установкой польского лидера, которую не удалось осуществить из-за сильного сопротивления приверженцев идей Р. Дмовского, стоявших на радикальных националистических позициях [8, с. 35; 9, с. 31—33].

Практически единодушно историки Республики Беларусь сопровождают негативной коннотацией факт заключения Рижского мирного договора 1921 г., обращая внимание на то, что он стал «миром по договоренности» между Польшей и РСФСР и фактически представлял собой аннексию белорусских земель «чужими силами». В. Е. Снапковский высказывает мнение, что «Рижский мир оставался в межвоенный период незаживающей раной в массовом сознании белорусов по обе стороны границы, подпитывая советский и белорусский реваншизм и антипольские настроения» [8, с. 37]. О. Н. Боровская считает Рижский мир 1921 г. «осуществлением на практике унитарной концепции партии народных демократов (эндеков) и провал федералистских планов Ю. Пилсудского, который выступал за создание буферных марионеточных государств на восточных польских границах» [9; с. 226].

Существенных изменений не претерпела также интерпретация польской политики в отношении Западной Беларуси в 1921—1939 гг. Подавляющее большинство историков Республики Беларусь (В. А. Полуян, В. Ф. Ладысев, П. И. Бригадин, А. Н. Вабищевич, Н. М. Пурышева) рассматривали ее как ассимиляторскую, неэффективную и не соответствующую белорусским и польским интересам [5; 10—13]. В фундаментальных исторических трудах, опубликованных в Беларуси в 1990-х — 2000-х гг., присутствовала информация о деятельности польского концлагеря в Берёзе-Картузской в 1930-х гг. С тезисом о неэффективности польской политики межвоенного периода в отношении белорусов были вынуждены согласиться даже «евробелорусы» (к примеру, З. В. Шибек и И. В. Мельников) [14, с. 262, 273; 15, с. 145].

Дискуссии вызывала проблематика, связанная с социально-экономическим положением Западной Беларуси. В частности, В. А. Полуян, принимавший активное участие в формировании советского нарратива о Западной Беларуси как отсталой аграрной окраине Польши, продолжал придерживаться этой установки и в условиях независимой Беларуси [10, с. 214]. Позицию В. А. Полуяна разделяли А.Н. Вабищевич, выступивший с ним в качестве соавтора в многотомном академическом издании «История Беларуси», И.И. Ковкель и Н.М. Пурышева, принявшая участие в подготовке учебного пособия для вузов [4, с. 475; 11, с. 353; 13, с. 184]. К примеру, Н.М. Пурышева утверждала, что польское правительство рассматривало «кресы восточные» в качестве сырьевого придатка Центрального и Западного регионов Польши и сознательно ограничивало их экономическое развитие [10, с. 184]. А. Н. Вабищевич также определял политику Польши межвоенного периода в отношении «кресов» как колониальную [13, с. 423].

Попытку сформулировать альтернативную точку зрения по данному вопросу предпринимали «евробелорусы» — З. В. Шибек и И. В. Мельников. З.В. Шибек утверждал, что экономическому развитию «кресов» препятствовала не только политика Польши, но и политическая нестабильность, спровоцированная политикой СССР, и обращал внимание на то, что здешние белорусы жили богаче своих соотечественников в БССР, поскольку над ними не проводились «невероятные экономические и социальные эксперименты» [14, с. 277]. И. В. Мельников указывал на активную деятельность в Западной Беларуси польских сберегательных банков и наличие на их счетах немалых средств местного населения [15, с. 37, 271].

Дискуссии возникли по проблеме партизанского движения в Западной Беларуси в 1920-х гг. В то время как И. И. Ковкель считал повстанцев героями, выступавшими против политики польских властей [4, с. 479, 482], И. В. Мельников утверждал, что «в белорусских лесах прятались не восставшие крестьяне, а хорошо подготовленные военные разведчики» [15, с. 17].

Проблематика, связанная с положением поляков в Советской Беларуси, широкого распространения в Республике Беларусь не получила. Одним из немногих авторов, раскрывших суть политики советской власти в отношении национально-культурных запросов польского населения в БССР стал В.В. Тугай [16]. В его очерке, посвященном созданию и деятельности польских национальных советов в БССР в 1920-х — 1930-х гг., отмечалось, что создание соответствующих структур нача-

лось во второй половине 1920-х гг., а в начале 1930-х гг. дело дошло даже до создания миниатюрной польской «социалистической республики» в Койдановском районе БССР. Однако эта республика просуществовала недолго, поскольку вызвала недовольство командования Западного военного округа. В 1937 г. эксперимент по созданию модели создания социалистической Польши был свернут, а многие его участники подверглись жестким репрессиям. В. В. Тугай признавал, что почва для создания польской автономии в БССР имела, поскольку поляки являлись автохтонным населением Советской Беларуси, но считал, что в значительной мере на создание и характер деятельности соответствующей автономии оказывали влияние внешние, пропагандистские факторы [16, с. 184; 188].

Достаточно активно в постсоветской Беларуси велась дискуссия о событиях Второй мировой войны и участии поляков в этих событиях (есть основания предполагать, что отчасти она стала реакцией на польские трактовки событий Второй мировой войны).

Нарратив об «исторической справедливости» включения Западной Беларуси в состав СССР и БССР осенью 1939 г. в Республике Беларусь пересмотру не подвергался. Подавляющая часть историков, стоящих на «государственнических» позициях (И. И. Ковкель, Э. С. Ярмусик, А. А. Коваленя, В. Ф. Ладысев, П. И. Бригадин, Н. В. Пурышева, С. Н. Хомич, В. В. Данилович, А. М. Кротов), считала действия руководства СССР осенью 1939 г. оправданными, необходимыми для укрепления обороноспособности Советского Союза и утверждала, что присоединение Западной Беларуси к БССР в полной мере отражало волю белорусского народа к воссоединению [4; 5; 13; 18—21]. К примеру, И. И. Ковкель и Э. С. Ярмусик использовали в своем обобщающем труде по истории Беларуси именно термин «воссоединение» и отмечали, что подавляющая часть белорусов встречала Красную Армию с радостью [4, с. 498—499]. Н. В. Пурышева утверждала, что население Западной Беларуси осенью 1939 г. «встречало Красную Армию хлебом и солью» как армию-освободительницу [13, с. 189]. А. М. Кротов обращал внимание на антипольские восстания и погромы, которые осуществлялись белорусским населением в отношении поляков осенью 1939 г. Он отмечал, что советским властным структурам, создаваемым на западнобелорусских землях, приходилось бороться против неконтролируемых разграблений имущества поляков и убийств представителей прежней польской администрации на «кресах», учиняемых местными крестьянами [17, с. 234—235].

Установка о «воссоединении» белорусских земель была предельно популярной у «белороссов». В сентябре 2016 г. группа «пророссийских» активистов в Беларуси учредила «Комитет 17 сентября», выразив намерение добиваться популяризации соответствующей даты как «Дня воссоединения белорусского народа» и внесения его в реестр государственных праздников Республики Беларусь (однако соответствующее предложение не было поддержано руководством Республики Беларусь и не получило массового положительного отклика в белорусском обществе) [22].

«Евробелорусы» (В. Е. Снапковский, З. В. Шибeko, И. Н. Кузнецов, И. В. Мельников) критически оценивали методы вхождения Западной Беларуси в состав СССР и БССР, ссылаясь на то, что она стала резуль-

татом договоренности между СССР и Германией о разделе сфер влияния в Восточной Европе в августе — сентябре 1939 г., осуществилась в условиях фактической поддержки руководством Советского Союза войны нацистской Германии против Польши, и без учета белорусских национальных интересов [8; 14; 15; 23]. З. В. Шибeko назвал объединение белорусских земель в 1939 г. «инкорпорацией» и утверждал, что реального объединения между Западной и Восточной Беларусью не произошло, поскольку оно не решало белорусские проблемы, а было направлено на распространение идей мировой коммунистической революции [14, с. 301, 306]. И. В. Мельников обращал внимание на то, что продвижение советских войск по территории Западной Беларуси проходило не бесппроблемно в силу оказанного в ряде мест сопротивления со стороны польских вооруженных сил, в составе которых пребывали и военнослужащие-белорусы [15, с. 180—191]

Критические оценки распространялись и на репрессивную политику руководства СССР в отношении поляков на западнoбелорусских землях в 1939—1941 гг. Высокую степень активности в этом вопросе проявляли З. В. Шибeko, И. Н. Кузнецов, приложивший немало усилий в поисках «белорусского катынского списка», и И. В. Мельников [14; 15; 23; 24].

Практически неизменным остался подход белорусских историков к проблеме деятельности в Беларуси польской «Армии Краевой» в годы Второй мировой войны. Соответствующая проблематика активно присутствовала в белорусском историческом дискурсе в 1990-х гг., однако в XXI в. ей стало уделяться меньше внимания. Историки А. М. Литвин, Е. Семашко, В. И. Ермолович, С. В. Жумарь, И. А. Валаханович рассматривали действия польских повстанцев на территории Беларуси как ущемляющие белорусские национальные интересы, обращали внимание на их репрессивную деятельность и на сотрудничество с немецкими оккупационными властями [25—28]. С точки зрения белорусских историков, деятельность «Армии Краевой» не получила массовой поддержки в белорусском обществе, что предопределило политическое и военное поражение польской вооруженной борьбы в Беларуси.

При рассмотрении послевоенного периода исследователи Республики Беларусь интересовали проблемы определения границы между СССР (БССР) и Польшей в 1945—1951 гг., массового перемещения белорусского и польского населения во второй половине 1940—1950-х гг., действий польских националистов на территории БССР в 1945—1954 гг., взаимодействия БССР с ПНР в 1945—1989 гг.

Наиболее существенный вклад в дело изучения белорусско-польских отношений рассматриваемого периода внесли А. Ф. Великий, опубликовавший несколько монографий по проблемам белорусско-польских отношений второй половины 1940-х — 1950-х гг., В. И. Новицкий, изучивший состояние белорусско-польских отношений в области культуры в период существования БССР и ПНР, а также В. Е. Снапковский, рассмотревший весь комплекс белорусско-польских отношений второй половины 1940—1980-х гг. [8; 29—33; 35]

С точки зрения В. Е. Снапковского и А. Ф. Великого, в рассматриваемый период белорусско-польские отношения выстраивались как отношения двух неравноправных и несамостоятельных субъектов международных отношений, а основные направления и параметры

белорусско-польского сотрудничества определялись властями СССР [8, с. 164; 29, с. 214; 30, с. 337]. Специфика белорусско-польского сотрудничества заключалась в том, что БССР и ПНР являлись географически соседями и имели общую и достаточно протяженную границу, но их сотрудничество сохраняло ассиметричный характер, поскольку Народная Польша формально все же была суверенным государством, а Советская Беларусь — исключительно частью советской федерации (несмотря на формальное предоставление ей властями СССР права осуществлять внешнеполитическую деятельность в 1944 г.) [8, с. 165].

Рассматривая проблему установления Государственной границы между СССР (и БССР) и Польшей во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг., белорусские историки (А. Ф. Великий, В. Е. Снапковский) утверждали, что она не в полной мере соответствовала интересам Беларуси, поскольку отрывала от Беларуси территории с преобладающим этнически белорусским населением (в первую очередь, Белосточчину). Более того, по их мнению, Советская Беларусь не участвовала в процессе определения границы и выступала исключительно в качестве объекта воздействия со стороны Польши и руководства СССР, утверждая решения, которые принимались в Москве [8, с. 124—125, 164; 31, с. 335; 33, с. 88].

Критически оценивали белорусские историки и процесс перемещения польского населения из БССР и белорусского населения из Польши («обмен населением»), начало которому положило соглашение между властями БССР и Польской Республикой от 9 сентября 1944 г. Признавая то, что БССР формально являлась стороной, подписавшей данное соглашение, белорусские исследователи указывали, что параметры его выполнения в значительной мере определялись не в Минске, а в Москве [31, с. 91]. Обращали они внимание и на то, что в 1946 г. руководство СССР вообще прервало процесс перемещения населения, возобновив его лишь во второй половине 1950-х гг. [30, с. 278; 31, с. 339].

Особенностью процесса перемещения, по мнению белорусских историков, было его осуществление преимущественно в одностороннем порядке. Как в середине 1940-х, так и во второй половине 1950-х гг. в большинстве своем люди перемещались из БССР в Польшу (во второй половине 1950-х гг. перемещение населения из Польши в БССР вообще не предусматривалось). Ситуацию осложняло отсутствие в Минске польского консульства, несмотря на просьбы поляков выдать разрешение на его создание. По мнению А. Ф. Великого, поляки, репатриировавшиеся в Польшу из БССР, преобладали в общем количестве поляков, репатриировавшихся из СССР в целом [31, с. 339]. Исследователь объяснял этот факт стремлением граждан СССР польской национальности, проживавших в БССР, улучшить свое материальное положение, а также их неприятием советской коллективизации. В качестве положительного итога перемещения населения белорусские авторы отмечали содействие национальной консолидации белорусов в БССР [31, с. 338].

Характеризуя деятельность польских националистов в Беларуси во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг., белорусские авторы обращали внимание на активность польского антисоветского сопротивления (полностью подавить очаги польского подполья в БССР советские власти смогли лишь в 1953 г.) [26, с. 223; 34, с. 47]. Однако действия польских вооруженных формирований белорусские историки оцени-

вали неодобрительно, обращая внимание на то, что соответствующие структуры вели борьбу с белорусским государством (хоть и в форме БССР). Практически все белорусские авторы выступали против героизации командиров и рядовых участников польских вооруженных формирований, обращая внимание на то, что их деятельность в послевоенный период приобрела характер заурядного бандитизма («евробелорусы», как правило, воздерживались от освещения данной проблемы, предпочитая концентрировать внимание на фактах антисоветских выступлений белорусов).

Сюжет, связанный с интернированием поляков с территории западных областей СССР в 1944—1947 гг., был раскрыт в статье И. Н. Кузнецова [36]. Автор статьи отмечал, что интернированные поляки не рассматривались советским руководством как политические заключенные, но их реальное положение не намного отличалось от положения соответствующей категории советского населения [36, с. 40, 42].

Неоднозначно оценивали белорусские исследователи и результаты белорусско-польского взаимодействия в сферах экономики и культуры. Признавая факт существенной активизации этих связей во второй половине 1950-х гг., историки Республики Беларусь обращали внимание на то, что сотрудничество не всегда было продуктивным в силу специфики его осуществления. Налаживанию взаимовыгодных связей препятствовали особенности политической и экономической системы СССР (и БССР), высокий уровень идеологизации сотрудничества, отсутствие самостоятельности при определении Беларусью политики в отношении Польши. Зачастую мероприятия, проводимые БССР и ПНР, выполняли исключительно пропагандистские функции. Сближению Беларуси и Польши не способствовало предоставление польскими властями белорусам права национального меньшинства во второй половине 1950-х гг., поскольку польская политика была сориентирована преимущественно на удовлетворение потребностей белорусов в области культуры и образования, а в БССР в то же самое время осуществлялась ускоренная русификация белорусского населения [8, с. 172—173, 189]. В начале 1980-х гг. белорусско-польское сотрудничество в сфере культуры, туризма и т.д. было приостановлено и значимость белорусского компонента в белорусско-польском общении возросла лишь в условиях перестройки в СССР в конце 1980-х гг. [8, с. 189]

Исходя из вышесказанного, можно констатировать наличие существенных расхождений в исторических нарративах Беларуси и Польши. События, которые для поляков являются предметом национальной гордости, белорусы зачастую интерпретируют с совершенно противоположных позиций. Нарратив Польши и польской политики XX в. в историографии Республики Беларусь не сопровождался позитивной коннотацией, многие утвердившиеся в советское время оценки исторических событий, сохранились, несмотря на стремление части белорусского научного сообщества («евробелорусов») изменить ранее сложившуюся парадигму (в частности, это касается оценок положения Западной Беларуси в составе Польши в 1921—1939 гг., событий осени 1939 г. и действий польского сопротивления в Беларуси в конце 1930-х — начале 1950-х гг.). Понимания в белорусском обществе не встречает и требование польской стороны реабилитировать поляков, ставших жертвами сталинских репрессий в Беларуси в 1930-х — 1950-х гг. Отрицание

свареннымі польскімі ученымі нарратыва Польскай Народнай Рэспублікі яшчэ больша аддаляе ў канцэптуальным плане Польшу ад Беларусі, істэрычэскі нарратыв каторой ў значытэльнай мэрэ выстроен на саветскім наслэды.

БІБЛІАГРАФІЧЕСКІЕ ССЫЛКІ

1. Ігнатенка, І. М. Октябрская рэвалюцыя і самаопрэделение Беларусі / І. М. Ігнатенка. — Мінск: Навука і тэхніка, 1992. — 254 с.
2. Круталевіч, В. А. Історыя Беларусі: Становленне нацыянальнай дэжавнасткі (1917—1922 гг.) / В. А. Круталевіч. — Мінск: Б.и., 1999. — 388 с.
3. Коўкель, І. І. «Беларускае пытанне» у палітыцы Польшчы (1918—1920) / І. І. Коўкель / Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новая канцэпцыя і падыходы): Усебеларус. канф. гісторыкаў. Мінск, 3—5 лют. 1993 г. У 2-х ч. Ч. 1: гісторыя Беларусі. — Мінск: Універсітэцкае, 1994. — С. 150—161.
4. Ковкель, І. И. Історыя Беларусі с дрэвнейшых врэмен да нашэго врэмені / І. И. Ковкель, Э. С. Яруснік. — Мінск: «Аверсэв», 1998. — 592 с.
5. Ладзеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917—1939 гг.) / У. Ф. Ладзеў, П. І. Брыгадзін. — Мінск: БДУ, 2003. — 307 с.
6. Платонаў, Р. П. Старонкі гісторыі Беларусі: Архівы сведчаць; з навук. спадчыны / Р. П. Платонаў; Уклад.: У. В. Фядосаў і інш. — Мінск: Бел НДІДАС, 2002. — 352 с.
7. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918—1921 гг.) / А. В. Ціхаміраў. — Мінск: Экаперспектыва, 2003. — 400 с.
8. Снапкоўскі, У. Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918—2017 гг. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: БДУ, 2017. — 287 с.
9. Бароўская, В. М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918—1921 гг. / В. М. Бароўская. — Мінск: Беларус. навука, 2017. — 269 с.
10. Палуян, У. А. Заходняя Беларусь у 1921—1939 гг. / У. А. Палуян // Нарысы гісторыі Беларусі. У 2 ч. Ч. 2 / М. П. Касцюк [і інш.]; Ін-т гісторыі АНБ. — Мінск: Беларусь, 1995. — С. 214—264.
11. Вабішчэвіч, А. Эканамічнае і сацыяльна-палітычнае становішча народа / А. Вабішчэвіч, У. Палуян // Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917—1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. — Мінск: Экаперспектыва, 2006. — 613 с.
12. Ладзеў, У. Беларускае пытанне ў грамадска-палітычным жыцці міжваеннай Польшчы / У. Ладзеў, В. Даніловіч // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1. / А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск: Беларус. навука, 2011. — С. 564—584.
13. Пурышева, Н. М. Утверждение советской социально-экономической и социокультурной системы в Беларуси / Н. М. Пурышева // История Беларуси. В 2 ч. Ч. 2 / Я. И. Трещенок, А. А. Воробьев, Н. М. Пурышева, М. И. Матюшевский; под ред. Я. И. Трещенка. — Могилев, МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. — 301 с.
14. Шыбека, З. Нарысы гісторыі Беларусі (1795—2002) / З. Шыбека. — Мінск: «Энцыклапедыкс», 2003. — 490 с.
15. Мельнікаў, І. В. Заходнебеларуская атлантыда 1921—1941 гг. / І. В. Мельнікаў. — Мінск: Галіяфы, 2015 г. — 428 с.
16. Тугай, У. Польскія нацыянальныя саветы на Беларусі (20-я — 30-я гады XX ст.) / У. Тугай // XX стагоддзе ў гісторыі палыкаў і беларусаў: Матэрыялы беларуска-польскай навуковай канферэнцыі, 20 — 21 лістапада 2000 г., г. Мінск / Адк. рэд. У. Міхнюк, П. Ганцарэк. — Мінск: БДУ, 2001. — С. 184 — 189.
17. Кротов, А. М. Польские погромы в Западной Беларуси в сентябре 1939 г. / А. М. Кротов // Беларусь // Беларускія гістарычныя шляхі, ўзаемадзеянне і ўзаемаўплывы. Міжнародная навук. канф., 28—29 верасня 2006 г., Гомель — Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. — С. 231—236.
18. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны): вучэб. дапам. для студэнтаў устаноў, якія забяспечваюць атрыманне вышэйшай адукацыі / А. А. Каваленя, У. І. Лемяшонак, Б. Дз. Далгатовіч [і інш.]; пад рэд. А. А. Кавалені, М. С. Сташкевіча. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2004. — 278 с.
19. Хоміч, С. Далучэнне Заходняй Беларусі да БССР / С. Хоміч, М. Касцюк, А. Літвін // Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917—1945 гг. — Мінск: Экаперспектыва, 2006. — С. 449—474.

20. Даніловіч, В. Беларуская дзяржаўнасць напярэдадні і ў пачатку Другой сусветнай вайны (1939—1941 гг.) / В. Даніловіч, А. Каваленя, У. Ладысеў // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 2. / М. У. Смяховіч [і інш.]. — Мінск: Беларус. навука, 2012. — С. 35—64.

21. Ладысеў, У. Ф. Беларуская нацыя: уз'яднанне, верасень 1939 г. — чэрвень 1941 г.: зб. дак. і матэрыялаў. — Мінск: БДУ, 2004. — 197 с.

22. Белорусский «Комитет 17 сентября» определил направления деятельности // Информационное агентство REGNUM [Электронный ресурс]. — 21.10.2016. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2195359.html>. — Дата доступа: 13.10.2017.

23. Кузнецов, И. Н. Засекреченные трагедии советской истории / И. Н. Кузнецов. — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — 251 с.

24. Белорусский катынский список существует, заявляет историк Игорь Кузнецов [Электронный ресурс] // Народная воля. — 16.01.2012. — Режим доступа: <https://www.nv-online.info/2012/01/16/beloruskij-katynskij-spisok-sushhestvuet-zayavlyaet-istorik-igor-kuznetsov.html>. — Дата доступа: 28.09.2018.

25. Літвін А. Акупацыя Беларусі (1941—1944): пытанні супраціву і калабарацыі / А. Літвін. — Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. — 287 с.

26. Сямашка, Я. Армія Краёва на Беларусі / Я. Сямашка. — Мінск: Беларускае выдавецкае таварыства «Хата», 1994. — 416 с.

27. Ермолович, В. И. Огнем и мечом: хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939—1953 гг.) / В. И. Ермолович, С. В. Жумарь. — Минск: БелНИИЦ-ДААД, 1994. — 112 с.

28. Валаханович, И. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944—1953 гг. / И. А. Валаханович. — Минск: БГУ, 2002. — 144 с.

29. Вялікі, А. Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944—1946 гг.) / А. Ф. Вялікі. — Мінск: БДПУ, 2005. — 319 с.

30. Вялікі, А. Ф. Беларусь — Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955—1959 гг. / А. Ф. Вялікі. — Мінск: НАРБ, 2007. — 309 с.

31. Вялікі, А. Ф. Беларусь у савецка-польскіх міждзяржаўных адносінах, 1944—1959 гг. / А. Ф. Вялікі. — Мінск: БДПУ, 2010. — 247 с.

33. Снапкоўскі, У.Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі. 1944—1953 гг. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск: Беларуская навука, 1997. — 207 с.

34. Навіцкі, У. Барацьба з антысавецкім падполлем / У. Навіцкі // Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946—2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэд. калегія.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Современная школа, Эксперспектива, 2011. — С. 46—56.

35. Навіцкі, У. Беларуска-польскія культурныя сувязі (сярэдня 50-х — сярэдня 80-х гадоў XX ст.) / У. Навіцкі // XX стагоддзе ў гісторыі палякаў і беларусаў: Матэрыялы беларуска-польскай навуковай канферэнцыі, 20 — 21 лістапада 2000 г., г. Мінск / Адк. рэд. У. Міхнюк, П. Ганцарэк. — Мінск: БДУ, 2001. — С. 218—227.

36. Кузнецов, И. Интернирование поляков с территории западных областей СССР (1944—1947 гг.) / И. Кузнецов // Беларуская-польскія адносіны: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. круглага стала, Мінск, 30 кастр. 2014 г. / рэдкал.: В.Г. Шадурскі (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2015. — С. 36—43.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ, проект «Историческая политика Беларуси как фактор развития современных белорусско-польских отношений», Г17-120 от 18.04.2017 г.

БЕЛАРУСЬ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ У ПОЛЬСКІМ АДЛЮСТРАВАННІ ХХІ ст. (пастаноўка навуковай праблемы)

**Часноўскі М. Э., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
e-mail: m.chasnouski@gmail.com
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь**

У якасці светапоглядна-даследчага дыскурса сучасных беларуска-польскіх узаемадачынненняў фармулюецца навуковая гіпотэза аб стане і ролі гістарычнай палітыкі ў іх фарміраванні і эвалюцыі. Вылучаецца некалькі грамадска-палітычных пільняў у сучаснай польскай гістарыяграфіі, якія па-рознаму адлюстроўваюць і культывуюць адносіны да беларусаў і Беларусі: настальгічная, «крэсавая», паслядоўная дэмакратычная.

Ключавыя словы: Рэспубліка Беларусь; Рэспубліка Польшча; гістарычная палітыка; польская гістарыяграфія; двухбаковыя адносіны; «белыя плямы» гісторыі.

Постсацыялістычная рэальнасць магутна ўварвалася не толькі ў паўсядзённасць краін і народаў былога еўрапейскага лагера сацыялізма. Яна пераасэнсоўвае і мінулае. Гісторыя, як навуковая дысцыпліна, несумненна праходзіць сур'езныя і разнастайныя пераваўсабленні. У Польшчы з пэўнага часу працякае дыскусія і адбываюцца канферэнцыі на тэмы «гістарычнай палітыкі». Сам тэрмін адразу выклікае асацыяцыю з прапагандай і адвольнай трактоўкай гістарыяграфіі. Сапраўды, ці варта яго трактаваць усур'ез, можа проста ён аказаўся модным?

Знаёмства з сутнасцю гэтай галіны гісторыі і сферай яе распаўсюджання яе «прадукта» ў краіне і за мяжой — аргументы на кошт яе значнасці. Нагадванне праблем, выцякаючых з вобласці гістарычнай палітыкі, уцягвае ў іх абмеркаванне і талкаванне шырокага грамадска-палітычныхыя колы. Тым самым пэўным чынам змяняецца маштаб і вага гістарычнай палітыкі, яе значэнне перакрочвае межы **навукавай дысцыпліны** і пашыраецца да рамак **сферы ведаў** сучаснага грамадства. Больш таго, прыбяганне польскіх палітыкаў, дзяржаўных кіраўнікоў і функцыянераў, прадстаўнікоў дзелавак колаў і культуры да шэрагу трафарэтаў, выпрацаваных гісторыкамі і палітолагамі, спрыяе пераўтварэнню гістарычнай палітыкі ў **механізм сённяшняга практычнага выкарыстання**.

Падкрэслім яшчэ раз гэту важную ролю, набытую гістарычнай палітыкай: сучасная дыскусія ў яе рамках выходзіць за межы навуковых дэбатаў паміж прафесійнымі гісторыкамі і без сумнення мае шырокае значэнне для грамадскай свядомасці і характару двухбаковых зносін Польшчы з іншымі краінамі. Зразумела, у пераліку такіх краін суседзі на першым месцы. Па вызначэнні Беларусі адводзіцца не апошняя роля на даследчай і практычнай прасторы польскіх экспертаў у сферы гістарычнай палітыкі.

У 1990-х — пачатку 2000-х гг. у цэлым акрэслілася праблемнае поле гістарычнай палітыкі як у беларускім інтэлектуальным асяроддзі, так і ў польскім. Беларускія аналітыкі ў цэлым пагаджаюцца з наступным «багажом» нявысветленых пытанняў са сваім заходнім суседам:

— дамінуючы тэзіс, што выклікае прынцыповыя разыходжанні беларускіх і польскіх экспертаў, гэта — ступень гатоўнасці беларускай нацыі да ўтварэння самастойнай дзяржавы ў час і пасля Першай сусветнай вайны;

— недаацэнка працэсаў фарміравання беларускай нацыі, імкненне інкарпараваць беларускія тэрыторыі ў склад Польшчы сродкамі паскоранай асіміляцыі карэннага насельніцтва ў поўнай меры праявілася ў 1921—1939 гг. Асіміляцыйная палітыка польскіх улад на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд выступае нявырашанай праблемай у дыскусіях беларускіх і польскіх палітыкаў;

— да апошняга часу непрымірымымі застаюцца супярэчнасці бакоў у вербальных ацэнках падзей на беларускіх і польскіх землях у перыяд Другой сусветнай вайны (1939—1945 гг.);

— востраактуальнай праблемай у беларуска-польскай гістарычнай дыскусіі выступае асіміляцыйная палітыка польскіх улад перыяду 1945—1989 гг. адносна беларускай меншасці;

— беларускія гісторыкі адрасуюць сваім калегам у сучаснай Рэспубліцы Польшча актуальную для ацэнкі беларуска-польскіх адносін праблему асвятлення стану беларусаў у сацыялістычнай Польшчы, адстойваючы пазіцыю замоўчвання ўладамі ПНР факта жыццядзейнасці беларускай супольнасці і яе нацыянальных запатрабаванняў дзеля дасягнення манацыянальнага складу насельніцтва краіны;

— незалежна ад прынцыпова іншай ідэалагічнай платформы, узятай на ўзбраенне ўладамі і большасцю палітычных партый і рухаў постсацыялістычнай Польшчы, лінія на манацыянальны статус дзяржавы захавалася. Яе спадарожны элемент — працяг палітыкі апалячвання беларусаў Беласточчыны ў 1990-я — 2010-я гг. Беларускія гісторыкі аргументавана даказваюць, што апалячванне беларусаў у сучаснай Польшчы аказалася адной з падстаў недаверу на афіцыйным узроўні паміж уладамі Рэспублікі Беларусь і Рэспублікі Польшча.

Можна заўважыць, што яе вострыя пытанні на беларускім баку носяць пераважна канцэптualaны характар, а на польскім — хутчэй факталагічна-падзеевы. Праўда, такое сцвярдженне варта ўспрымаць толькі як тэндэнцыю. Аднак несумненна іншае сцвярдженне: па шматлікіх эпізодах мінуўшчыны гістарычная памяць палякаў і беларусаў аказалася адасобленай, нярэдка — процілеглай у кантэксце іх успрымання і ацэнак. Застаецца шэраг «белых плям» гісторыі.

Знаёмства з працамі польскіх палітолагаў і гісторыкаў постацыялістычнага перыяду, таксама з шэрагам больш ранніх артыкулаў у «эміграцыйным» часопісе «Культура» Ежы Гедройца дае падставы вылучыць некалькіх грамадска-палітычных плыняў у сучаснай польскай гістарыяграфіі, якія па-рознаму адлюстроўваюць і культывуюць адносіны да беларусаў і Беларусі. Як мінімум, выдзяляюцца плыні а) настальгічная, б) «крэсавая», в) паслядоўная дэмакратычная. Толькі апошняй плыні ўласцівы імкненні шукаць кропкі паразумення, шляхі ўзаемадзеяння і пазітыўныя варыянты міждзяржаўнага супрацоўніцтва на раўнапраўнай аснове. Настальгічная плынь праследуе мэту прадэманстраваць пэўную культурна-этнічную вышасць палякаў над беларусамі і на такім грунце будаваць двухбаковыя адносіны, дзе палякі будуць садзейнічаць «даспяванню» беларусаў да сучасных крытэрыяў дзяржаўнасці. «Крэсавая» плынь пэўным чынам увасабляе пазіцыі настальгічнай, аднак дадае тэрытарыяльныя прэтэнзіі на частку беларускіх зямель.

Агульнай пазіцыяй настальгічнай і «крэсавай» плыняў аказалася ўласцівае і ранейшаму — сацыялістычнаму этапу польскай гістарыяграфіі — замоўчванне беларускага кантэксту і нацыянальных своеасаблівасцяў шматлікіх працэсаў на Беласточчыне ў 1945—1989 гг. Зразумела, што згаданыя плыні ў польскім грамадстве стваралі неспрыяльныя ўмовы на міжнацыянальнай глебе для скасавання бар'ераў паміж абедзвюма суверэннымі дзяржавамі, створаных гістарычнымі абставінамі мінулых эпох.

Асаблівасцямі ўспрыняцця польска-беларускіх адносін названымі плынямі прасякнуты фактычна ўсе сферы грамадскага і дзелавага жыцця сучаснай Польшчы. З гэтага вынікае навукова-гэарэтычнае і практычнае значэнне адлюстравання дыскусійных з'яў у яе адносінах з усходняй суседкай.

Вывучэнне стану і асаблівасцей адлюстравання ў сённяшняй польскай рэчаіснасці гістарычнай палітыкі адносна Беларусі — задача надзвычай маштабная і, безумоўна, патрэбная. У беларускай гістарыяграфіі зараз робяцца ўсяго толькі першыя прыступкі да яе раскрыцця. А згаднае выступленне мае на мэце пакуль што *толькі пастаноўку навуковай праблемы*. У далейшым мяркуецца засяродзіць увагу на аналізе выкарыстання канцэптואльных установак і дыскусійных пытанняў самымі рознымі актарамі польскай інтэлектуальнай і дзяржаўна-палітычнай прасторы, менавіта: **а) польскімі дзяржаўнымі структурамі; б) палітычнымі партыямі і грамадска-палітычнымі плынямі; в) навуковымі і экспертнымі коламі; г) грамадскай думкай; д) медыяцэнтрамі і сродкамі масавай інфармацыі**. У залежнасці ад палітычнай арыентацыі і вызначаных мэтаў зараз яны дзейнічаюць у дактрынальным рэчышчы той або іншай нагаданай вышэй плыні.

У якасці *навуковай гіпотэзы* будучага даследавання плануецца сфармуляваць наступныя пасылкі. Першыя гады пасля распаду еўрапейскага сацыялістычнага лагера вызначыліся для абодвух бакоў зацікаўленымі пошукамі гістарычных падстаў для беларуска-польскага добрасуседства. Але процілеглыя геапалітычныя фактары, якія ляглі ў аснову функцыянавання беларускай і польскай дзяржаў, у хуткім часе прадвызначылі паступовае згасанне дэмакратычнай плыні польскай гістарычнай палітыкі. Адыход быў абумоўлены курсам кіруючых эліт на інтэграцыю Польшчы ў заходнія палітыка-эканамічныя і ваенныя структуры без уліку палітычных інтарэсаў сумежных краін на Усходзе. У сваю чаргу, беларускія навуковыя і экспертныя колы пад уплывам згаданага фактару, а яшчэ больш — з-за палітычнай манаарыентацыі на Расію і адхілення ўласным кіраўніцтвам курса на пашырэнне нацыянальнага падмурка пры стварэнні беларускай дзяржаўнасці — таксама паступова вярталіся да акцэнтацыі непрыязнасці ў гістарычных ацэнках адносінаў паміж беларусамі і палякамі. З боку Варшавы набывала сілу крытыка беларусаў, у пэўным сэнсе справядлівая, за адсутнасць нацыянальнай ідэі, ці як мінімум, ігнараванне яе пад час будавання ўласнай дзяржаўнасці. Намаганні ж палякаў падаўляць у мінулым нацыянальную свядомасць беларусаў праз паланізацыю ў разлік не прымаліся. Польскія палітыкі спадзяваліся, што нацыянальны стрыжань беларускай дзяржаўнасці здольны паспрыяць адчужэнню паміж беларусамі і рускімі і стаць своеасаблівым бар'ерам для міждзяржаўнага беларуска-расійскага збліжэння.

Згаданыя пасылкі безумоўна сведчаць аб вострай навуковай актуальнасці і практычнай значнасці запланаванага даследавання.

Научное издание

**БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы круглых столов

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. В. Тихомиров*

Подписано в печать 14.12.2018. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 10,3.
Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.